

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История

№ 1 (69), 2024

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст.науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, доц. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкинёва (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохаев(ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Е. Икэда(Токийский университет, Япония);
проф. истории Д. Орловски(Южный методистский университет, г. Даллас, США);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США);

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть reproduced без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2024

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: History

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

- D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva(*editor-in-chief*);
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov (*executive secretary*);
D. Sc. in History, V.B. Aksenov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov(IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
D. Sc. in History N.L. Pushkareva(IEA RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.S. Khodnev;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev(IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of History D. Orlowsky(Southern Methodist University, Dallas, USA);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA);

Editorial Office:

Office 201, 16/31, Trehsvyatskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.:+7(4822)34-16-85

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Пушкирева Н.Л.</i> Жизненный путь первой в российской истории одиночной путешественницы	5
<i>Рогозный П.Г.</i> Гражданская война и гражданский брак. 1917–1922 годы	18
<i>Рыбин Д.В.</i> Преследования легалистов и легалистских организаций в Российской империи на рубеже XIX – XX веков	31
<i>Савинова А.И.</i> Материалы писцового дела в историографии расселения «корелян» на территории Верхневолжья во второй половине XVII века	48

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

<i>Козлов Н.А.</i> Материальное положение Русской Православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. в трудах российских исследователей	62
<i>Моисеенко А.Д.</i> «Жуткая достоверность фона»: перестроочные интерпретации полочных фильмов о застое	75
<i>Молотилов Л.Б.</i> Археологические памятники XIV – XVII вв. в старицком Поволжье в контексте историко-археологических исследований сельского расселения	86

СООБЩЕНИЯ

<i>Зеленская Ю.Н.</i> О роли Кировской железной дороги в транспортировке импортных грузов в годы Великой отечественной войны	100
<i>Панова О.А.</i> Начальная народная школа в государственной политике России 1860–1870 годов	113

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лагуткина Е.В.</i> Всероссийская научная конференция «Тверская земля и сопредельные территории в древности»	130
СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	139

CONTENTS

THE HISTORY OF RUSSIA

<i>N.L. Pushkareva</i> The Life Path of the First Russian Woman Single Traveler	5
<i>P.G. Rogozny</i> The Civil War and Civil Marriage of 1917–1922	18
<i>D.V. Rybin</i> Persecution of Legalists and Legalist Organizations in the Russian Empire at the Turn of the 19th – 20th Centuries	31
<i>A.I. Savinova</i> Scribal materials in the historiography of the settlement of “Korelians” in the Upper Volga region in the second half of the 17th century	48

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

<i>N.A. Kozlov</i> The Material Situation of the Russian Orthodox Church in the Second Half of the 19 th – Beginning of the 20 th Century in the Works of Russian Researchers	62
<i>A. D. Moiseenko</i> «Awful Authenticity of the Background»: Interpretations of Shelved Films About Era of Stagnation During Perestroika	75
<i>L.B. Molotilov</i> Archaeological Monuments XIV – XVII Centuries in the Staritsky Volga Region in the Context of Historical and archaeological Research of Rural Settlement	86

THE REPORT

<i>Yu. N. Zelenskaya</i> On the Role of the Kirov Railway in the Transportation of Imported Goods During the Great Patriotic War	100
<i>O.A. Panova</i> Primary People’s School in Russian State Policy of 1860–1870	113

THE CRITICISM. THE BIBLIOGRAPHY. THE SCIENTIFIC LIFE

<i>E.V. Lagutkina</i> All Russian Scientific Conference «Tver Land and Adjacent Territories in Ancient Times»	130
INFORMATION FOR AUTHORS	139

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)+396 (Женщина в обществе)
DOI 10.26456/vthistory/2024.1.005–017

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПЕРВОЙ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ОДНОЧНОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ¹

Н.Л. Пушкарёва

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», г. Москва, Россия

Статья анализирует судьбу Александры Георгиевны Кудашевой (1873–1921), чье имя вписано в мировую и российскую историю путешествий и этнографических описаний. Её время, конец XIX – начало XX в., отмечено «вторжением» женщин в мужскую область познания мира – географию. До Александры Кудашевой такие путешествия женщины совершали вместе с супругами, Александра же была в мировой истории первой, кто 12000 верст пути с Дальнего Востока до столицы Российской империи сумел одолеть в одиночку, без помощников и поддержки, на собственные средства. В дальнейшем Александра Кудашева была участницей бурных событий Первой мировой войны. Для неё – второй после Н.А.Дуровой «кавалерист-девицы» – женское предназначение было второстепенным в сравнении с желанием испытать себя, посоперничав с «сильным» полом.

Ключевые слова: русские путешественники, женская история, первая русская женщина-путешественница, А.Г. Кудашева, казачка, история повседневности.

Исследователям «женской истории» представляются самыми значимыми действующими лицами прошлого те из женщин, кто не просто был в чём-то первым, но кто первой совершил прорыв в мужскую область действия и знания, ктоставил перед собой цель – и достигал её, разными путями проникая в мужскую профессиональную сферу.

Наука изначально была областью мужского доминирования. Если взять такие из её сфер, как география и этнография, то среди российских исследовательниц и путешественниц подобный путь – вторжения в мужскую область познания – проделали поначалу, главным образом, чьи-то жены, супруги выдающихся первопроходцев и первооткрывателей. Простой поиск в энциклопедиях и учебниках имени «первой русской путеше-

¹ Текст подготовлен в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№24-18-00212)

ственницы» выдаёт имя Татьяны Фёдоровны Прончищевой (в девичестве – Кондыревой, 1713–1736)², участницы Ленско-Енисейского отряда из первых в истории страны полярных экспедиций. Она была женой руководителя отряда – Василия Васильевича Прончищева. Безвременно, рано (в 23 года) погибшая в экспедиции, она удостоилась в XX в. поэтических строк И.Д. Рождественского, восхваляющих её смелость:

Невеста бурь, подруга капитана,
Отчизна помнит твои славные дела,
Как ты сквозь льды и штормы океана
Из русских женщин первая прошла³.

Т.Ф. Прончищева была первой, но не единственной, за нею последовали другие жены «выдающихся мужей», поскольку Русское географическое общество прямо приглашало участвовать в своей работе женщин. Оно даже ввело в реестр должность «члена-соревнователя» – им считалось «лицо, которое принесёт в дар обществу единовременно не менее трёх сот рублей серебром», за что и могло получить «звание члена-соревнователя с выдачею ему на сие звание диплома за подписью председателя общества»⁴. Русское географическое общество не препятствовало путешествиям мужчин-испытателей вместе с супругами (другой вопрос – последние не слишком спешили в этом поддержать своих мужей) и призывало использовать архивы общества для их дальнейших, ведущихся совместно с мужьями, исследований. Понятно, что никто из избранных в РГО «членов-соревнователей» среди женщин не только не обладал докторской степенью, но и не имел свидетельств о высшем образовании⁵. Никто из них не претендовал на профессиональную научную карьеру и не пытался заявить о себе как о «путешественнице». Даже самая известная из таких странствовательниц, сама немало внесшая в науку, Александра Викторовна Потанина (1843–1893)⁶, прославилась все же как жена своего мужа, участвовавшего в четырёх экспедициях в Центральную Азию, русского географа, этнографа, публициста и фольклориста, Почётного члена РГО. Брак их был бездетным, а они везде и всюду ездили вместе⁷. Как и многие другие русские «путеше-

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 913. Оп. 1. Д. 11. Л. 90.

³ «Невеста бурь, подруга капитана»: история первой полярной путешественницы, тулячки Татьяны Прончищевой // Центр-71. 28.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.n71.ru/news/section55/show154572/> (дата обращения 03.02.2024).

⁴ Берг Л. С. Приём в члены географического общества женщин // Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л., 1946. С. 203.

⁵ Агамова Н.М., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и научоведческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 149.

⁶ Дмитриенко Н.М. Жизненный подвиг Александры Викторовны Потаниной // Музейное наследие Северной Азии. Томск, 2022. Вып. 3: Труды Александры Викторовны Потаниной. С. 5–14.

⁷ Лаврский В.В. Последние письма Г.Н. Потанину // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266. (январь). С. 17–21.

ственницы» того времени, участницы экспедиций делили судьбу, все лишения и тяготы жизни со своими избранниками. Для своих знаменитых мужей они были не просто жёнами и подругами, но и секретарями, и товарищами по работе, делая общее дело, не задумываясь о том, кому достаются лавры победителей⁸.

Полностью такой же была картина участия в путешествиях и западноевропейских сестер россиянок…⁹.

В этом контексте обнаружение имени первой в мировой истории женщины, совершившей долговременное и опасное путешествие, в списке покорителей огромной по протяженности территории Российской империи представляется большой удачей. Такое имя может быть навеки вписано в мировую историю путешествий – и это имя россиянки, в одиночку (без проводников, спутников или помощников) одолевшей 12 тысяч верст пути с Дальнего Востока до столицы Российской империи: имя зауральской казачки Александры Георгиевны (по иным данным – Герасимовны) Кудашевой (1873–1921).

Имени этой удивительной женщины не найти ни в «Советской исторической энциклопедии», ни в «Большой советской энциклопедии», ни в старых энциклопедических изданиях, ни в новейших, интегрировавших имена ранее забытых замечательных героев Отечества¹⁰. Подробности путешествия русской казачки, первой в российской и мировой истории совершившей конный переход огромной продолжительности, длиной в тысячи вёрст, отыскать так же сложно, как было найти её имя. Возможно, у современного исследователя было бы больше шансов оценить наблюдательность и особость видения событий героиней данного исторического очерка, если бы сохранились хоть какие-то её личные эго-документы. Пока же в распоряжении историков есть лишь краткий отрывок («набросок», как она сама это называла) дневниковых записей и воспоминаний А.Кудашевой, сохранённый литературным «Синим журналом» за 1911 г.¹¹

Уроженка посёлка Благословленного (ныне – пос. Благословенка не-далеко от Чкалова, в 22 км от Оренбурга) Оренбургской станицы, Александра была дочкой казака, чья фамилия неизвестна. Казак этот был участником Хивинского похода 1873 г. (благодаря чему завершилось присоединение территории ханства к Российской империи). Там, в Хивинском походе, он и сложил голову, так что девочка воспитывалась попечителем и войсковой средой, что сильно напоминает судьбу «кавалерист-девицы»

⁸ Валькова О.А. Штурмая цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М., 2018. С. 270.

⁹ Leonardo Di M. Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era. Los Angeles, 1991. P. 5–6.

¹⁰ Оренбургская биографическая энциклопедия. Оренбург, 2017.

¹¹ Кудашева А. Мое путешествие верхом. Набросок для «Синего журнала» // Синий журнал. 1911. № 33. С. 15–16.

Надежды Дуровой (ту тоже воспитывал гусар Астахов, а не родная мать, мечтавшая о рождении сына-наследника)¹².

Детство Саша провела с полком оренбургских казаков в военных походах в Азии. Год её выхода замуж за воинского старшину (аналог подполковника) 6-го Уральского казачьего полка по фамилии Кудашев не известен. А вот факт участия молодой женщины в Русско-японской войне в 1905 г. наравне с мужем и – редкий случай – получения ею, 22-летней молодой женщиной, ранее работавшей просто железнодорожной служащей, Золотой медали «За усердие» как раз документально подтверждён¹³.

После войны супруги оказались в Харбине – городе, основанном в 1898 г. в Маньчжурии и надолго остававшимся русским. Там казачий старшина Кудашев служил в пограничной страже, Александра работала счетоводом на Южно-Маньчжурской железной дороге, и там же у них родились один за другим двое детей. Овдовев в 1909 г., Александра оказалась, по-видимому, стесненной в средствах и приняла решение отдать детей на воспитание в военное училище; о дальнейшей их судьбе ничего не известно.

Пристроив детей, полюбившая с детства путешествия 36-летняя вдова («бывшая железнодорожная служащая», как характеризовала её русская периодическая печать) неожиданно для сослуживцев мужа обратилась к воинскому начальству с просьбой разрешить ее одиночный конный переход из Харбина, где она в тот момент находилась, в столицу. «Хочу доказать выносливость и смелость, которую может выказать русская женщина, в частности – доказать опытность казачки в отношении ухода за лошадью и способности сделать пробег совершенно самостоятельно» – так писала она в прошении и получила согласие. Мужская часть «сибирской общественности» впоследствии выражала сомнение в искренности мотивов, обозначенных Кудашевой (назвавшейся «казачкой», хотя до поездки она работала счетоводом на железной дороге), и издевалась над требованием местных властей сопровождать отважную всадницу «от селения к селению»¹⁴, даже ухитрилась назвать искомую женщину славу «геростратовой»¹⁵.

Поход Кудашевой начался 2 мая 1910 г. Автор статьи в «Петербургской газете», разместившей спустя 3 месяца информацию о ходе её путешествия, утверждал, что «мысль сделать пробег г-жа Кудашева лелеяла в душе более двух лет и наконец приурочила старт к весне с той целью, чтобы исключить из необходимого для его совершения времени суровую часть зимы»¹⁶. Таким образом, Кудашева учла опыт Д.Н.Пешкова, начавшего своё путешествие из Благовещенска в ноябре и попавшего в 40-

¹² Муравьев В.Б. Кавалерист-девица Надежда Дурова // Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1983.

¹³ Из Харбина в Петербург верхом // Петербургская газета. 09.08.1910.

¹⁴ На волках из Сибири в Санкт-Петербург // Огонек. 1910. № 36. С. 16.

¹⁵ Женщина – «Герострат» // Сибирские вопросы. 1910. № 40/41. С. 83–86.

¹⁶ Из Харбина в Петербург верхом // Петербургская газета. 09.08.1910.

градусные сибирские морозы¹⁷. Более продуманным был и план достижения цели: свой путь в столицу отважная женщина решила проложить в соотнесении с Сибирской железной дорогой, начав его в 130 верстах от неё, рядом с Большим Московско-Сибирским трактом.

Способ передвижения Кудашева – истинная казачка – выбрала конный, найдя, по сути, необъезженного жеребца «чистых монгольских кривей», дикого 8-летнего иноходца, на которого указал ротмистр Заамурского округа пограничной стражи Батурин¹⁸. Жеребец был поименован Монголиком и был перед поездкой под седлом всего лишь 4 раза. Невысокий (около 1,5 метров высотой), светло-серый, «образец конской бесспорочности» (как о нём писалось), он оказался готовым везти груз общим весом около 8 пудов – то есть свыше 130 кг (всадницу с седлом плюс «сумы с необходимыми вещами», всего весом 6 пудов). Вместе со всадницей в путь отправился большой 8-месячный сенбернар, которому она дала кличку Фараб (возможно, название этого туркменского города о чём-то напоминало казачке, рождённой в Хивинском походе).

От Харбина путь её лежал на северо-запад в направлении Читы. В мае–июне 1910 г. Александра сравнительно быстро продвинулась по Манчжурии, где в то время начался период дождей, пришлось ехать «по затопленным разлившимися реками местам, тайгой, бродяжими тропами (от ст. Суджанки до ст. Болотной, Сибир. ж. д.), а от ст. Болотной до села Кустеля (18 вер.)», иногда приходилось брать «проводников, чтобы пробраться через болота».

Экипированная по-мужски, в удобных штанах, казачьем суконном чекмене (коротком кафтане, иногда именуемом «черкесской», перехваченном наборным ремнем), в большой мохнатой казачьей папахе, весь день проводившая на форменном седле казачьего образца и имевшая из вооружения охотничий кинжал, шашку, нагайку через плечо и револьвер, Кудашева весь необходимый дорожный багаж взяла в двух выюках при седле¹⁹.

Сенбернар Фараб в выносливости оказался послабее своей владелицы и её коня. Собаку пришлось оставить в Чите на попечении командира 1-го Читинского казачьего полка полковника Ловцева, о чём сообщила газета «Казак»²⁰. Покинув Читу, всадница перевалила через Яблоновый хребет и оттуда двинулась на юг, в район Верхнеудинска (ныне – столица Бурятии город Улан-Удэ). Ехать там пришлось по совершенно безлюдной местности, но казачке в одиночку (в отличие от множества русских путешественников – Н.М.Пржевальского, Семенова-Тяньшанского, путешествовавших с командой, слугами, товарищами) удалось не заблудиться и уже в начале июля (по-видимому, обехав Байкал с юга) прибыть в Иркутск. «На моем

¹⁷ Родигина Н.Н. «Героический сотник», «Женщина-Герострат» и другие: образы путешественников из Сибири в столицу в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1. С. 10–14.

¹⁸ Отважная путешественница // Казак. 01.02.1911.

¹⁹ Л. К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1910. № 36. С. 25–27.

²⁰ Отважная путешественница // Казак. 01.02.1911.

далеком пути пришлось пережить немало приключений, — вспоминала позже Кудашева. — Простой народ удивлялся моей езде и сочинял обо мне легенды. От самого Иркутска до Тобольской губернии крестьяне принимали меня за тайного жандарма. Никто не верил, что я женщина».

Два месяца путешествия требовали передышки, но Кудашева решила, что сделает её, лишь достигнув Красноярска. Сейчас между этими городами (Иркутском и Красноярском) немногим более 1000 км, но более ста лет назад пригодных для конника путей было меньше, и Красноярска всадница достигла лишь к концу августа 1910 г., где и оставалась около недели, давая отдых себе и своему Монголику и... проявляя дар коммерциализации своих успехов. «Почтенная туристка заранее позаботилась извлечь доходы из своей будущей славы, — сообщал местный корреспондент. — Она завела себе секретаря и рекламера, рассылающего в редакции условия помещения известий об отважной путешественнице»²¹.

От Красноярска до Омска «почтенная туристка» двигалась около месяца и с 1 по 20 октября 1910 г. находилась в городе. В течение последующих полугода месяцев ей удалось достичь Челябинска. «Езжу исключительно днем, — отчитывалась она позже, — «в Тобольской губернии старообрядцы» приняли меня за антихриста», а «в селе Картамыш, Оренбургской губернии, крестьяне откуда-то взяли, что лошадь говорит со мной по немецки. Любопытные приехали и настойчиво предлагали мне поговорить с нею какую угодно цену», — не без удивления и в то же время обиды писала она в воспоминаниях.

Истинно бесценным для всадницы был её Монголик. Его «оригинальная путешественница» (так называла Кудашеву газета «Русское слово») старалась уберечь от перегрузок и в декабре на полторы недели застряла в Кургане («причина — болезнь лошади», сообщала пресса²², конь «так приучен, что никого, кроме её, до себя не допускает»²³. В Миасс из Кундравинской станицы 25 вёрст женщина прошла пешком из-за растяжения связок на ноге лошади, готовая «вести Монголика в поводу все время, пока не пройдёт болезнь его». В конце января 1911 г. А.Кудашева уже «перевалила за Урал», как сообщала пресса, сделав «остановку на Саткинском заводе вследствие 42° мороза»²⁴. «Ни на шаг не отходила сибирячка-наездница от своего скакуна, каждый день его кормила, чистила и даже мыла, на ночевках ложилась рядом с ним, деля все трудности тяжелой дороги»²⁵.

²¹ Женщина — «Герострат» // Сибирские вопросы. 1910. № 40/41. С. 84.

²² Путешествующая верхом // Сибирская торговая газета. 7.12.1910.

²³ Путешественница Кудашева. Курган, 10 декабря // Русские слова. 10.12.1910.

²⁴ Отважная путешественница // Казак. 01.02.1911.

²⁵ Из истории станицы Пресногорской // Виниченко С.Н. Листая старые страницы. Курган, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://ka-z-ak.ru/index/58--/35190-iz-istorii-stanitsy-presnogorskoy> (дата обращения 03.02.2024).

К марту 1911 г. А.Г. Кудашева была уже в Казани, в апреле 1911 г. в Нижнем Новгороде²⁶. В Москве в июне 1911 г. офицеры 1-го Донского казачьего полка дали в честь её обед. На неё смотрели не без изумления – «высокая, сухая женщина, с короткими стрижеными волосами, 36-ти лет, одета в казацкий бешметик, плисовые шаровары и высокие личные сапоги»²⁷. Дав отдых Монголику и себе, через 10 дней А.Г. Кудашева покинула Москву²⁸, направившись по Петербургскому шоссе на Тверь и Вышний Волочек.

Через месяц с небольшим, в первых числах августа 1911 г. всадница достигла С.-Петербурга. Блистательный Санкт-Петербург встречал с почестями отважную оренбургскую казачку, и на царской даче Александрия в Петергофе наездница была представлена императорской семье. Именно там на вопрос царя о цели путешествия она ответила: «Я пыталась доказать Государю Императору верность ему не только казаков, но и казачек, которые всегда готовы вступить в ряды войска на защиту Родины». В доказательство преданности императору и его семье «г-жа Кудашева имела счастье подвести наследнику цесаревичу свою выносливую лошадь Монголик, совершившую трудное путешествие из Харбина в Петербург». Монголик был подарен цесаревичу, а в ответ от императора Николая II «спортсменка Кудашева», как её характеризовали газеты, получила подарок²⁹: по легенде (подтверждений тому нет) – бриллиантовую брошь в виде короны с часами.

Следом император предложил ей подвергнуть аналогичному путешествию-испытанию четырёхлетнего арабского скакуна по имени Крит, который незадолго до того был преподнесён в дар Николаю II коннозаводчиком из Уссурийского края Янковским. Крит воспитывался как скаковая лошадь, неоднократно выигрывал призы и прошёл около 2000 верст по Корее, но задачей, поставленной перед отважной путешественницей, было дальнейшее «испытание выносливости русской кавалерийской лошади».

К исполнению «угодного царю опыта» А.Г. Кудашева приступила сразу же, в конце 1911 г., получив в подарок от великого князя Николая Николаевича, дяди Николая II, «седло казачьей формы», стремена, подпругу и шлем, украшенные золотыми и серебряными орнаментами, обшитые тонким персидским ковром³⁰.

Сохранилось воспоминание жандармского офицера в Туркменистане о том, насколько дорого обходился бюджету этот новый ее пробег (в апреле 1913 г. она достигла крепости Чарджоу, ныне это город Туркменабад): «что же стоил её пробег, если переход через бухарские владения в несколь-

²⁶ Нижний Новгород // Новое время. 02.05.2011.

²⁷ Женщина 10 000 верст на лошади // Русское слово. 14.06.1911. С. 4.

²⁸ Из Москвы // Россия. 28.06.1911. С. 3.

²⁹ Высочайшая аудиенция женщины-всаднику Кудашевой// Петербургская газета. 29.08.1911.

³⁰ Преображенский С.В. О прожитом // Горький-медиа. Урал. 2022. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2007/8/pre14-pr.html> (дата обращения 03.02.2024).

ко дней стоил бухарскому правительству более 800 рублей!». Очевидно, путешественница, исполнявшая поручение императора, не стеснялась уже в средствах, просила, чтоб «для коня сделали специальную палатку, а ей – особую в ней загородку из ковров, и она в шикарной постели отдыхала от переходов»³¹.

За два года, выехав в 1911 г. «из Петербурга через Сибирь в Корею, Китай, Монголию», она достигла Дальнего Востока и оттуда в середине 1913 г., выехав на этот раз из ещё более дальнего от столицы города – Владивостока – оказалась на севере Монголии. Миновав Семипалатинск (где её встречал губернатор А.Н.Троицкий – сохранилось фото, где он приветствует всадницу), Сергиополь, Копал, она 14.02.1914 оказалась в крепости Верный (ныне Алматы). «Средний пробег зимой 40, летом до 50 верст. При благоприятных условиях в сентябре этого года она рассчитывает быть в Петербурге», – сообщал корреспондент³².

На окраине Верного у Алферовской рощи (ныне – роща Баума в составе города) А.Г. Кудашеву встретили представители местной администрации и местного скакового общества, созданного в 1913 г.³³ Пресса освещала условия жизни наездницы («в саду Военного собрания» — ныне Музей казахских музыкальных инструментов – «были поставлены две богатые юрты, одна для неё, другая для Крита: наездница никому не доверяла уход за ним»). На этот раз А.Г. Кудашева не только перемещалась, принимаемая генерал-губернаторами (в Верном это был военный губернатор Семиреченской губ. М.Фольбаум), но и старалась выступать в Военных собраниях с докладами. Слушавшие хвалили её, поскольку (по словам современника) говорила она внятно, ясно, не книжным языком, и рассуждала о приспособленности разных пород лошадей к сложным природным условиям³⁴. Менее доброжелательно настроенные очевидцы записали в воспоминаниях, что во вторую свою поездку она «попросту каталась в своё удовольствие, а её Крит был похож на раскормленного кабана, даже с раздвоенным крупом»³⁵.

После Верного, «известная путешественница–казачка» добралась в апреле 1914 г. до Ташкента, где для её встречи «от 5-го Оренбургского казачьего полка назначена была вся учебная команда, во главе с её начальником подъесаулом Чуваковым, адъютантом и оркестром полковой музыки»³⁶.

Где ей пришлось побывать далее, у каких дальних рубежей застала А.Г. Кудашеву начавшаяся в августе того же 1914 г. Первая мировая война, – не ясно. Но о том, что на её фронтах сражается «спортсменка из Орен-

³¹ Поляков А.М. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-turk.livejournal.com/143787.html> (дата обращения 03.02.2024).

³² Женщина-путешественница // Искра. № 9. 02.03.1914.

³³ Вестник русской конницы. 1912. № 17–18. С. 716.

³⁴ Назаров А. Русская амазонка Александра Кудашева // АН-Питер. 23.02.2019.

³⁵ Поляков А.М. Указ. соч.

³⁶ Пробег на лошади Верный–Ташкент // Новое время. 13.04.1914.

бурга Александра Кудашова, явившаяся на передовую на своем любимом жеребце Крите», стало известно в октябре 1914-го³⁷. Ранее о первом в мире женском одиночном конном путешествии по гигантскому маршруту писали многие российские газеты; в годы же войны информация о «казачке Кудашевой», сражающейся на собственном жеребце, попала на страницы прессы зарубежной, прежде всего французской (союзнической)³⁸. Исследователи военной истории выяснили, что служила она в разведывательных соединениях генерала от кавалерии П.К. Ренненкампфа, где её храбость, опыт ухода за лошадью и способность быстро осваивать иностранные языки нашли адекватное применение³⁹. В английской историографии её называли «Женщина-боец»; информация о ней была опубликована в 1915 г. как о командующей Шестым Уральским казачьим полком – о единственной женщине, которой доверено командование таким крупным соединением, дважды раненой в боях в Восточной Пруссии и награждённой Георгиевским крестом за храбрость⁴⁰. Можно ли доверять информации из той же газетной заметки, что она получила звание лейтенанта, а затем даже полковника, – не ясно (в дневниковых записях очевидцев войны и в воспоминаниях, изданных в 1917 г. в Нью-Йорке, она все еще фигурирует в звании лейтенанта)⁴¹.

Очевидно, что А.Г. Кудашева была фигурой в российской женской истории незаурядной, чье имя незаслуженно было отодвинуто в тень забвения. Объяснение тому – в последнем периоде ее жизни, когда ей было уже сильно за сорок. Мы не знаем, где застали её – офицера царской армии – революционные потрясения, но новозеландская газета «Hawera&Normanby star» от 24 сентября 1917 г. сообщала, что А.Кудашева была верна присяге и военному опыту, полученному при командовании Шестым Уральским казачьим полком, а потому сражалась в составе ударного женского Батальона смерти⁴² – военного формирования, созданного по инициативе поручика М.Л. Бочкаревой и признанного Временным правительством 21.06.1917 г. боевым, а не просто пропагандистским соединением. Батальон («Первая женская военная команда смерти») состояла исключительно из женщин, более богатые комбатантки в ней покупали всё необходимое тем, кто не мог сам себя экипировать и обеспечить.

³⁷ Кудашова // Южная копейка. 21 октября 1914.

³⁸ Une heroine Russe, M-me Koudacheff, la femme cossaque // Le Petit Journal. Couverture du Petit Journal du 15.11.1914.

³⁹ Abensour L. Les Vaillantes. Paris: Marc Imhaus et René Chapelot, 1917 (Chp. “Les Femmes Slaves à la Guerre”, pp. 271–303). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Les_Vaillantes/III/3 (дата обращения 03.02.2024).

⁴⁰ A Female fighter // Trove. Burra Record. 1915 (SA: 1878 – 1954). [Электронный ресурс]. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/39037958> (дата обращения 03.02.2024).

⁴¹ Miller F.T. True Stories of The Great War. Tales of Adventure. In 6 volumes. V. 2. New York: Review of Review's Company, 1917. P. 238–239.

⁴² Battalions of death. Women in the Army // Hawera & Normanby star. V. LXXIV. 24 September 1917. P. 2

Как разворачивались далее события в жизни А.Г. Кудашевой, остаётся только гадать. Женские ударные формирования были расформированы после прихода к власти большевиков 30 ноября 1917 г. Но многие доброволицы оставались в своих частях до января 1918 г.⁴³ В воспоминаниях жителя села Пресногорьковки (ныне, по-видимому, это село Пресновка между Курганом и Петропавловском в современном северном Казахстане) удивительная женщина побывала «в конце 1917 года» в этом селе⁴⁴. «Конечной целью ее поездки была эвакуация в Омск, а дальше – в Китай», записал он, не забыв рассказать и о том, как был удивлён появлением женщины-всадницы, одетой в штаны и мужской кафтан, её заботой о коне – «чистокровном арабе Лорике», с которым вместе она спала.

По словам автора (которому было на тот момент 13 лет), она прожила в том далеком селе около года, «говорила на многих языках, свободно показахски», «лечила гипнозом и лекарствами из трав», так что «к ней много обращалось людей», она «проводила беседы и показные занятия по уходу за конем, показывала правильную ковку и расчистку копыт»⁴⁵. Этим знаниям её научила сама жизнь. Приспособливаясь к новым обстоятельствам, из того села А.Г. Кудашева, по словам мемуариста, уехала в Курган на Смолинский конный завод и там заведовала городской ветеринарной амбулаторией.

Бывшему офицеру царской армии не суждено было быть удостоенной полагающихся ей почестей как женщине, вошедшей в мировую историю. Оренбургская казачка Кудашева Александра Герасимовна, «зав. земским отделом», проживавшая в Кокчетаве Акмолинской области (недалеко от Кургана) была арестована 8 марта 1921 г. ЧК Акмолинской губернии и приговорена тройкой ВЧК по Сибири к высшей мере наказания. «Реабилитирована 2 августа 1999 г.» по распоряжению Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по г. Алматы⁴⁶.

Такое завершение жизненного пути выдающейся россиянки, совершившей – и не однажды! – длительный одиночный конный поход в тысячи верст, печалит, но не удивляет. А.Г. Кудашева вошла в историю не только как путешественница, но и как офицер Российской армии. Она разделила судьбы многих из тех, кто оказался верен присяге, и новая власть сделала немало, чтобы имя её было стерто со скрижалей истории. Тем важнее для современного исследователя обнаружить такие забытые имена, возвратить их из небытия.

⁴³ Абнякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии. 1917–1920 гг. Орёл: Изд.А. Воробьёв, 2005.

⁴⁴ Преображенский С.В. О прожитом // Горький-медиа. Урал. 2022. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2007/8/pre14-pr.html> (дата обращения 03.02.2024).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Петропавловск.news. 02.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://pkzsk.info/zolotoe-sedlo-aleksandry-kudashevojj/> (дата обращения: 03.02.2024).

Удивительная судьба вдовой казачки Александры Кудашевой заставляет задуматься об её умении достигать задуманного, преодолевать препятствия, оценить успешностьпущенных ею в ход технологий создания и внедрения собственного образа в ценностный ряд слушателей и читателей – образа, формируемого тогдашними средствами информации, газетами. Она желала славы, и этой славы (хотя бы на времена) добилась. Она добилась признания значимости своего поступка самим императором, получив от него подарок и новое особое поручение, связанное с изучением выносливости конных пород. Похоже, что пока она могла рассчитывать на «информационное сопровождение» этого нового проекта, он вызывал и интерес, и уважение. Вся судьба А.Г. Кудашевой – вызов устойчивому представлению о том, что путешественниками-первооткрывателями в отечественной истории были одни мужчины, а женщины при них оставались по большей части помощницами. Александра Кудашева – вторая после Надежды Дуровой «кавалерист-девица», для которой женское предназначение (материнское, воспитательное) оказалось второстепенным или вовсе забытым в сравнении с желанием испытать себя и свой жизненный ресурс на прочность, по-соперничав с «сильным» полом.

Список литературы:

1. Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии. 1917–1920 гг. Орёл: Изд.А. Воробьев, 2005. – 203 с.
2. Агамова Н.М., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и научковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С. В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 149–154.
3. Берг Л.С. Приём в члены географического общества женщин // Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 202–209.
4. Лаврский В.В. Последние письма Г.Н. Потанину // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266 (январь). С. 17–21.
5. Муравьев В.Б. Кавалерист-девица Надежда Дурова // Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М.: Московский рабочий, 1983. – 479 с.
6. Назаров А. Русская амazonка Александра Кудашева // АН-Питер. 23.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.an-piter.ru/31979> (дата обращения 03.02.2024).
7. Преображенский С.В. О прожитом // Горький-медиа. Урал. 2022. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2007/8/pre14-pr.html> (дата обращения 03.02.2024).
8. Abensour L. Les Femmes Slaves à la Guerre // Abensour L. Les Vaillantes. Paris: Marc Imhaus et René Chapelot, 1917. P. 271–303.

9. Leonardo Di M. Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era. Los Angeles: University of California Press, 1991. – 423 p.
10. Miller F.T. True Stories of The Great War. Tales of Adventure. In 6 volumes. V.2. New York: Review of Review's Company, 1917. P. 238-239

Об авторе:

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром гендерных исследований ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН», (Россия, Москва, 119334, Ленинский проспект, 32а), e-mail: pushkarev@mail.ru

THE LIFE PATH OF THE FIRST RUSSIAN WOMAN SINGLE TRAVELER

N.L. Pushkareva

RAS, Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay,
Moscow, Russia

The article analyzes the fate of A.G. Kudasheva (1873–1921), whose name is inscribed in the world and Russian history of travel and ethnographic descriptions. Her time was the end of the 19th – beginning of the 20th century. – marked by the «invasion» of women into the male field of knowledge of the world – geography, ethnography. Before A.G. Kudasheva, women made such trips together with their spouses. The Russian traveler was the first in world history who managed to overcome the 12,000-mile journey from the Far East to the capital of the Russian Empire alone, without assistants or support, at her own expense, and later became a participant in the turbulent military events of the First World War. She is second after N.A. Durova was a «cavalry maiden», for whom women's purpose was secondary in comparison with the desire to test herself by competing with the stronger sex.

Keywords: *Russian travelers, first Russian woman traveler, female story, A.G. Odasheva, Cossack, History of everyday life.*

About the author:

PUSHKAREVA Natalya Lvovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Gender Research by FGBUN «Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclaya RAS», Honored Worker of Science of the Russian Federation. (Russia, Moscow, 119334, Leninsky Prospekt, 32а) pushkarev@mail.ru

References:

- Abinyakin R.M., *Officer Corps of the Volunteer Army. 1917–1920*, Eagle: Passiona.A. Vorobyov, 2005. – 203 s.
- Agamova N. M., Allahverdyan A.G., *Russian women in science and higher education: historical, scientific and scientific aspects (to the 150th anniversary of the birth of S. V. Kovalevskaya)*, Questions of the history of natural science and technology, 2000, №. 1, P. 149
- Berg L.S., *Admission of women as members of the Geographical Society*, All-Union Geographical Society for a Hundred Years, M., L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1946.
- Lavrsky V.V., *Last letters to G.N. Potanin*, Bulletin of Tomsk State University, 1998, T. 266 (1, January), P. 17–21.
- Muravyov V.B., *Cavalry maiden Nadezhda Durova*, Durova N.A., *Selected works of a cavalry maiden*, M., Moskovskij rabochij, 1988. – 479 s.
- Nazarov A., *Russian Amazon Alexandra Kudasheva*, AN-Peter, 02.23.2019, [Elektronnyj resurs], URL: <http://www.an-piter.ru/31979>
- Preobrazhensky S.V., *About the lived*, Gorky-Media, Ural, 2022, № 8, [Elektronnyjresurs], URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2007/8/pre14-pr.html>.
- Valkova O.A., *Storming the citadel of science: women scientists of the Russian Empire*, M., New Literary Review, 2018.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г..

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084

DOI 10.26456/vthistory/2024.1.018–030

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ГРАЖДАНСКИЙ БРАК. 1917–1922 ГОДЫ

П.Г. Рогозный

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук (СПБИИ РАН), г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается введение большевиками после прихода к власти в 1917 году гражданского брака и развода и адаптация этого института в годы Гражданской войны. Долгие годы все брачное законодательство находилось в руках Церкви. Большевики коренным образом это поменяли. Гражданский брак стал обязательным, а гражданский развод был максимально лёгким, однако вначале население по-прежнему желало венчаться в приходской церкви. В тех районах страны, которые были под контролем белых, в целом сохранялось дореволюционное брачное законодательство. То, что общество раскололось, сказалось и на институте брака, все это рождало множество коллизий, и часто даже местные власти и церковные деятели не знали, где следует регистрировать законный брак. После завершения Гражданской войны новые власти по-прежнему считали законным только тот брак, который был зарегистрирован в гражданских органах власти.

Ключевые слова: Гражданская война, гражданский брак и развод, церковный брак и развод. Декреты советской власти.

Введение большевиками нового законодательства о браке и разводе в корне изменило всё брачное законодательство бывшей империи. Большевики ввели обязательный гражданский брак и гражданский развод, и только такой брак рассматривался как законный. Эти нововведения проходили на фоне разгоравшейся Гражданской войны. И конечно, она наложила особый отпечаток на брачные законы большевиков.

В советское время вся историография советских брачных законов носила апологетический характер. «Законодательными актами, изданными в первые месяцы Октябрьской революции, было устранино всё то, что ранее порабощало личность человека. Брак был освобождён от влияния церкви и церковного права»¹. В постсоветский период, наоборот, стали говорить о

¹ Свердлов Г.М. Советские законы о браке и семье. М., 1955. С. 11.

разложении семьи ввиду принятия декрета о гражданском браке; например, историк О.Ю. Васильева считает, что это самый «страшный декрет», который направлен против «сакрализации брака»².

Поводом для наиболее быстрого развода в дореволюционной России была супружеская измена, но, чтобы развестись, требовалось наличие свидетелей факта прелюбодеяния «виновной» стороны. «Если все прочие законные причины для развода – судебного приговора, безвестное отсутствие и неспособность к брачному сожитию – мало зависели от произвола частных лиц, то единственную возможность для “организации” процесса представлял именно развод по прелюбодеянию». Развод по прелюбодеянию, по словам современного историка, быстро стал на «рыночные рельсы»³. Документы о разводе нужно было подавать в консисторию – церковное учреждение, которое вместе с епископом управляла епархией.

Консисторская волокита при решении не только брачных вопросов, но и вообще каких-либо проблем, требующих обращения в этот орган управления епархией, стала притчей во языцах. В рассматриваемое время – в 1918 г. – епископ Архангельский Нафанаил (Троицкий) писал патриарху, что, по его наблюдениям, «крестьяне относятся с каким-то особенным недоверием к управлению консисторскому»⁴. Словосочетание «с особенным недоверием» можно с полным правом заменить словом нецензурным и распространить это «недоверие» на всё население, а не только на крестьян.

Сотни тысяч людей уезжали в город из деревни, массовое отходничество было широко распространено. Старые связи, в том числе и брачные, рвались. Война и революция только обострили требования коренных реформ в области бракоразводного процесса. Миллионы людей были сорваны со своего привычного места, и у многих семейные связи были разорваны в результате непредвиденных обстоятельств – плена или гибели на войне.

И если отходничество, то есть уход одного из членов семьи, как правило мужчины, на заработки в город, было распространено давно, то мировая война поставила членов семьи буквально в ситуацию «пересмотра своего семейного положения»⁵. Мужское население отправилось на фронт, где, по ироничному выражению историка А.Б. Асташева, «значительно обогатило свой сексуальный опыт»⁶.

Историк права писал в 1917 г.: «Без сомнения, установление свободы развода вызовет (первое время, быть может, даже значительное) увеличе-

² Васильева. О.Ю. Российская Православная Церковь и русская революция // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 20.

³ Веремеенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России. СПб., 2009. С. 392.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 126. Л. 4.

⁵ Асташев А.Б. Трансформация брака в крестьянской России в начале XX века: от патриархальной семьи до декретов о браке // Революция. Женское лицо. К 150-летию А.М. Коллонтай. Сборник докладов научной конференции Санкт-Петербург. 31 марта 2022 г. М., 2022. С. 168.

⁶ Там же.

ния их количества»⁷. И.А. Покровский отмечал, что такое же резкое увеличение статистики разводов можно увидеть во Франции в 1792 г., при законодательном введении там гражданского брака. Однако он считал, что эти меры «только раскрывают перед нами подлинные размеры уже существующей семейной расшатанности, и было бы большой наивностью думать, что запрещение разводов эту расшатанность устраниет»⁸.

В апреле 1917 г. состоялось заседание Синода, на котором выступили петроградские адвокаты, занимавшиеся бракоразводными делами. Член Синода протопресвитер Николай Любимов в своём дневнике оставил запись об этом заседании, а также поместил вырезку из газеты «Новое время», где об этом заседании рассказывается. Газета сообщала, что «в недалёком будущем предстоит издание узаконений о введении в России гражданского брака». Именно тогда члены Синода два часа подряд слушали «юридическое обоснование реформы», которое «защищал» присяжный поверенный И.А. Шпицберг, впоследствии ставший главным специалистом новой власти по вопросам брака и развода и основным автором текста декретов о браке и разводе⁹. Однако новое законодательство о браке Временное правительство не создало.

Большевики подошли к семейному вопросу радикально. Декретов, которые касались брачного законодательства, в первые месяцы Советской власти было три – это декрет о расторжении брака¹⁰, декрет о гражданском браке¹¹ и декрет «об отделении церкви от государства»¹². Эти декреты можно назвать «церковными», потому что они напрямую пересекались с церковным правом и передавали светским органам то, что столетиями находилось в юрисдикции Церкви.

Одним из главных положений всех трёх декретов было введение так называемого гражданского брака. Если сейчас гражданским браком считается состояние, когда пара живёт вместе без регистрации своих отношений, то тогда это называлось просто сожительством. Известный канонист Н.С. Суворов писал в конце XIX в.: «Гражданский брак не означает беспорядочное незаконное сожитие, которое у нас нередко называют “гражданским браком”, а брак секуляризованный, то есть брак законный с точки зрения светского закона, регулируемый светским законодательством, а не церковным, и по соображениям государственного интереса и порядка, а не церковного»¹³.

⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2023. С. 191.

⁸ Там же.

⁹ Любимов Н., протопр. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода // Российская Церковь в годы революции (1917–1918). М., 1995. С. 28–46.

¹⁰ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 237–240.

¹¹ Там же. С. 247–249.

¹² Там же. С. 371–374.

¹³ Суворов Н.Г. Гражданский брак. М., 2015 (1887). С. IV.

Исследовательница А.В. Ковалева даже пишет о феномене российского «гражданского брака»¹⁴. Она делает даже такое интересное наблюдение: «Стоит обратить внимание, что, когда в настоящее время речь идет о какой-то маргинальной части общества, употребляют понятие сожитель, сожительница. Однако, когда речь идет обуважаемой части общества, то всегда на замену приходят понятия “гражданский муж”, “гражданская жена”»¹⁵. Исследовательница даже закавычивает слова «гражданский брак», когда речь идет о простом сожительстве, но когда заходит речь о гражданском браке зарегистрированном, кавычек нет. Возможно, для научной литературы это является выходом, чем просто считать употребление термина «гражданский брак» в варианте «сожительство», что является просто неверным.

Осенью 1917 г. И.А. Шпицберг подготовил два законопроекта о разводе и гражданском браке¹⁶. Они были приняты за основу первых «церковных» декретов новой власти. Причём Шпицберг вписал в проект фразу о том, что «духовный сан не может препятствовать вступлению в брак». В окончательной редакции эту провокационную фразу вырезали¹⁷.

Но как соотносится новое законотворчество со старым, было не всегда понятно и вызывало ряд эксцессов. С 20 декабря 1917 г. законным считался только брак, заключенный в гражданских органах. Никакого переходного периода, когда законным рассматривали оба варианта брака, не предусматривалось. Все старые церковные браки, заключённые до 20 декабря 1917 г., признавались законными.

В январе 1918 г. за подписью народного комиссара юстиции, левого эсера Н.Э. Штейнберга вступила в силу инструкция об организации отделов записей браков и рождений¹⁸. Согласно этой инструкции, при волостных, уездных и городских земских управах, а в Петрограде и в Москве при районных управах «незамедлительно начинают действовать “Отделы записей браков и рождений”». Важно отметить, что инструкция была единственной проверкой правдивости рассказа сторон, желающих вступить в брак, важными являлась «показания свидетеля или нескольких свидетелей, которые пожелают дать показания, опровергающие факты, сообщенные вступающими в брак сторонами»¹⁹. Другими словами, единственным препятствием к вступлению в брак можно рассматривать заявление свидетеля,

¹⁴ Ковалева А.В. Трансформация понятия «гражданский брак» как проявление кризиса семейно-брачных отношений: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Хабаровск, 2009. С. 3.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ См.: Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006. С.27.

¹⁷ Соколов А.В. Государство и Православная Церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 годов. СПб., 2015. С. 500–503.

¹⁸ Инструкция об организации отделов записей браков и рождений. 4 января 1918 г. // Культура в нормативных актах Советской власти 1917–1960. Дополнительный том. М., 2012. С. 7–9.

¹⁹ Там же. С. 8.

пришедшего в отдел. Никакого «брачного обыска», как раньше, то есть подтверждения слов брачующихся, больше не проводилось.

В широких слоях населения, в основном, конечно, крестьянских, возникло ощущение, что раз новая власть разрешила так свободно жениться и разводиться, то и духовенство тоже свободно должно их венчать и разводить. Часто разводиться предпочитали по-новому, легко и быстро, а венчаться предпочитали по-старому – в церкви.

Священников часто венчать заставляли, отказываясь от этого, сельский пастырь иногда рисковал жизнью. После развала фронта толпы вооружённых солдат появлялись в деревне и часто буквально под прицелом винтовки заставляли их венчать в приходской церкви.

Так был расстрелян Фёдор Распопов, священник Тобольской епархии. По рассказу его брата, тоже местного священника, Распопов был арестован за отказ повенчать брак людей, «разведенных по большевицкому декрету». Причём «большевиков» и их «комиссара» брат расстрелянного священника знал – «крестьянин слаб. Туринского прихода»²⁰.

В Калуге местный комиссариат вообще издал приказ о наказании священников, не желающих венчать граждан, расторгнувших предыдущий брак через суд. «Усматривая в этом противодействие декрету Советской власти, объявляю, что в случае отказа в венчании виновные священники будут подвергаться суду революционного трибунала».

Интересно отметить, что белогвардейская комиссия по расследованию «злодеяний большевиков» отмечала ряд насилий над священнослужителями, когда угрозами мучений их заставляли венчать без истребования соответствующих документов. Так, по свидетельству одного ставропольского священника, в его собор «ворвались 70 человек красноармейцев, ведя перед собой невесту в фате и жениха, и с бранью и криком “венчай сейчас, а то убьем”»²¹, заставили испуганного священника совершить обряд. О том, что вооружённый народ с «пистолетами заставляет священника венчать незаконные браки», говорил на Поместном Соборе и митрополит Антоний (Храповицкий)²². Случай, когда священника заставляли силой венчать незаконный брак, были и раньше, но носили, так сказать, исключительно показательный характер и, конечно, не принимали такого массового характера, как в годы Гражданской войны.

В Комиссариат юстиции поступали многочисленные жалобы и прошения как от официальных лиц, так и от простых обывателей с просьбой разъяснить положения декрета. Основной вопрос заключался в том, как относится этот декрет с церковным браком. Этот вопрос везде разъясняли

²⁰ Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 18–19–20. С. 228.

²¹ Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем вооруженными силами юга России А. Деникине (1918–1919). О злодеяниях большевиков в Ставропольской епархии // Их страданиями очистилась Русь. М., 1996. С. 27–28.

²² Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 г. М., 2018. Т. 7. Кн. 2. С. 937.

по-разному. Самый актуальный и проблемный пункт декрета – что такое гражданский брак и как его заключают. Это было непонятно, особенно в сельской местности.

Может показаться удивительным, но даже архиерей иногда не знал, можно ли венчать людей, разведённых «гражданской властью». Так Екатеринбургский владыка запрашивал в марте 1918 г. Священный Синод о «преподании» ему «руководственных указаний» по этому вопросу²³. Епархиальное начальство и сам епископ в буквальном смысле не знали, что делать, когда светское законодательство пересекалось с церковным. Проживающий в то время в Москве (1919) и не могущий приехать в свою епархию из-за Гражданской войны архиепископ Приморский и Владивостокский Евсевий (Никольский), будучи членом Священного Синода, включился в дискуссию о браке церковном и гражданском и высказал своё мнение в письме епископу Алексию (Белковскому): рассуждение о церковном браке новой власти, которая называет его «религиозной церемонией частного характера» и запрещает государственным органам вмешиваться в решения о церковном браке, «является как бы косвенным признанием со стороны Советской власти так называемого церковного брака?»²⁴

Естественно, что на территории, не контролируемой большевиками, их брачное законотворчество рассматривалось как «разрушение семьи», и создать семью и развестись можно было только по-старому²⁵. Вообще в деревне, на протяжении всей Гражданской войны, даже если население было в своём большинстве за красных, венчаться предпочитали в церкви.

Что население в деревнях по-прежнему венчается в церкви, отмечал в конце 1918 г. и Ленин. «Наш закон, – писал он, – первый раз в истории вычеркнул всё то, что делало женщин бесправными. Но дело не в законе. У нас в городах и фабрично-заводских местах этот закон о полной свободе брака прививается хорошо, а в деревне это часто-часто остается на бумаге. Там до сих пор преобладает церковный брак. Этим они обязаны влиянию священников, с этим злом труднее бороться, чем со старым законодательством»²⁶.

Иногда, как в одном из селений Ставрополя (село Нагудь), местный исполнительный комитет Совета солдатских, крестьянских и рабочих депутатов «присвоил себе право совершать разводы браков и принуждал причт признавать эти разводы и разведённых таким образом лиц венчать с другими»²⁷. Таким образом, местный Совет, видимо, самостоятельно организовал некое подобие ЗАГса, где, однако, совершались только разводы, а венчаться продолжали в церкви.

²³ РГИА.Ф. 831. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.

²⁴ Там же. Д. 67. Л. 187–188 об.

²⁵ Обращение Собора к красноармейцам 23 мая 1919 года. // Юго-Восточный русский Собор 1919 г. М., 2018. С. 163.

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 37. С. 186

²⁷ Материалы Особой комиссии по расследованию... С. 28.

Общее количество всех сохранившихся экстрактов бракоразводных дел, присланных на окончательное решение патриарху и Священному Синоду, составляет до 20 % от всех дел, поступивших в канцелярию Тихона. Это косвенно свидетельствует о том, что большинство в первые годы Советской власти предпочитало церковное действие светскому. Видимо, и разводиться многие желали по-старому. Самая необычная причина для развода, кстати, не разрешенного патриархом, встречаенная мною,— это « страсть к собакам и др. животным»²⁸. Именно такую причину просимого развода со своей женой, «состоявшей в лютеранстве», указал в 1919 г. «гражданин г. Новгорода» некто Соловьев.

Вообще в оформлении церковного брака и развода в период Гражданской войны мало что поменялось с дореволюционного действия. По-прежнему, чтобы развестись, требовалось присутствие обоих супругов, что в условиях постоянной войны иногда было невозможно. Часто пытались развестись по «безызвестному отсутствию» супруга, который мог погибнуть на войне или попасть в плен, и о нём не было никакой информации. Встречались, правда, очень редко, и обратные ситуации, когда супруг не мог обеспечить присутствие на брачном процессе супруги, с которой хотел развестись, или не мог хотя бы сказать, где она живёт. Так, церковные власти пензенской епархии запрашивали возможность проведения бракоразводного процесса гражданина Дмитрия Немлия(?) «без привлечения супруги» ввиду «невозможности указать её местожительство как кочующей с сожителем цыганом»²⁹.

Ещё осенью 1918 г. новой властью был принят так называемый «Семейный кодекс», в котором подтверждалось, что все «акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью»³⁰.

Гражданская война создавала причудливые брачные коллизии, распутать которые затруднялись даже осведомленные в брачном законодательстве люди. Так, «гражданин» Александр Александрович Шмидт в 1923 г. направил прошение исполняющему обязанности управляющего московской епархии владыке Иллариону (Троицкому). Там он изложил свою брачную историю. Шмидт сочетался законным браком в 1915 г. и до июля 1917 г. считал себя женатым. После он «по причинам военного времени» с женой «разошёлся»³¹. Причём ехать с ним, несмотря на его уговоры, жена отказалась (куда он должен был ехать, Шмидт не уточнил, если бы его отправили на фронт, он бы написал). С августа 1918 г. он, будучи мобилизованным как «б.офицер. Колчаком», служил в Омске, где «сошелся с девицей дочерью священника». В ноябре 1919 г. он «сдался в плен красным войскам» и, по его словам, «местной гражданской властью» был разведён и оформил новый брак в «Брачном бюро». Впрочем, сказал он, что свои сло-

²⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 13. Л. 5–5 об.

²⁹ Там же. Д. 4. Л. 44–44 об.

³⁰ Семейный Кодекс 1918 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/77/113/117.php> (дата обращения 03.02.2024 г.).

³¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 217. Л. 1.

ва подтвердить никак не может, так как в 1920 г. «за службу у белых» был арестован и «приговорён к заключению в лагерь до конца гражданской войны». Освободившись по амнистии в 1922 г., он хотел сочетаться браком со своей женой, с которой жил уже пять лет «церковным браком». Никаких резолюций на прошении Шмидта нет, кроме надписи священника Васильева о том, что Шмидт ему «хорошо известен»³². Чем закончилось дело Шмидта, из документов не ясно. Естественно, что по церковным законам он был двоеженцем, и в обычной ситуации ему бы церковный брак не разрешили, однако эпоха была настолько непредсказуема в правовом смысле, что типичная для Гражданской войны житейская история могла иметь самое необычное разрешение.

«Особая комиссия», в задачи которой в 1919 г. входило расследование «злодеяний большевиков» на освобождённой от них территории юга России, констатировала «типичность» нарушений церковного законодательства о браке. Как правило, это было принуждение духовенства венчать брак, который был разведён в светских органах власти. Причём, например крестьянин Яков Киселев, разведённый «Таганрогским бракоразводным трибуналом», после отказа священника венчать новый брак в церкви, обратился в местный Совет, который прислал специальное «предписание» брак повенчать³³. Кроме того, юридический отдел Совета потребовал от священника указать мотивы, по которым он отказывался совершать таинство бракосочетания, ведь был уже получен законный развод с его бывшей женой Марией Егоровой³⁴. Что «законный развод», полученный в светских органах, Церковь не признает, объяснять было опасно, и священник, второй раз отказавший венчать этот брак, мог лишиться и жизни. В данном конкретном случае венчать этих людей священнику не пришлось, так как «советская власть под напором германцев разбежалась»³⁵. А священнику Иоакимо-Аннинской церкви слободы Алексеевка в аналогичной ситуации такой брак венчать всё же пришлось: он тоже получил предписание от Донского совета и венчал крестьянина Ивана Королева, разведённого с первой женой «Таганрогским народным трибуналом»³⁶. А причт Казанской церкви Мокро-Гашунского поселения в опросном листе написал, что, хотя о гражданских браках объявили, «однако гражданские браки в жизнь прихода не вошли: венчались все в церкви»³⁷.

В целом на подконтрольной белым территории брачное законодательство от имперского отличалось незначительно. Так, например, прошедшее в Томске в конце 1918 г. Сибирское соборное совещание постаново-

³² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 217. Л. 1 об.

³³ Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследования Особой комиссии: Сб. док. / под ред. Ю.А. Бирюковой, священника Е.А. Агеева. Волгоград, 2022. С. 246.

³⁴ Там же. С. 247.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 236.

³⁷ Там же. С. 223.

вило, что в подконтрольных им местах бракоразводный процесс ведёт не епархиальное начальство, а приходской священник. Именно он и два члена местного церковно-приходского совета допрашивают свидетелей и «предоставляют документ со своим заключением на суд епархиальной власти»³⁸. Такое нововведение можно объяснить увеличившимся количеством разводов, а также в условиях Гражданской войны нежеланием властей участвовать в бракоразводных процессах, становившихся опасными.

Именно к белой пропаганде относится стойкий слух о провозглашении большевиками декрета об «обобществлении» (или «социализации») женщин. Причём данный слух, или, как сейчас бы сказали, фейк, намеренно распространялся и имел различные формы. Если вначале писали, что он действителен на территории всей Советской России, то иногда его действие ограничивается «Саратовом, Владимиром, другими городами», где частная собственность на женщин от 17 до 32 лет якобы отменялась. Это покажется удивительным, но слух был настолько стойким, что в него верили даже серьёзные люди, несмотря на то, что новая власть утверждала обратное.

Конечно, это говорит не только о распространении слухов, но и о действенности пропаганды, особенно в условиях войны.

Даже в настоящее время данный слух описан как реальность. В пособии для сдачи государственных экзаменов пишется, что «весной 1918 г. в ряде городов (Саратов, Владимир и др.) провозгласили закон “социализации женщин”, то есть отмену частной собственности на женщин от 17 до 32 лет»³⁹.

В Советской России так называемый обновленческий раскол внес в брак, заключённый в церкви, свои новшества. Брак в православии, как и в католичестве, является таинством, и некоторые таинства, совершенные в обновленчестве, так называемое староцерковное духовенство не признавало.

Некоторые прихожане не понимали или делали вид, что не понимают, что брак, заключённый в обновленчестве, староцерковники могут не признать, особенно если он был заключён с нарушением церковно-брачного права. Так, злоключения «гражданина Дмитрова» Николая Ивановича Кафельникова похожи на веселый и одновременно показательный анекдот, учитывая, что часто под анекдотом могли понимать жизненную историю. Кафельников написал о своей ситуации в двух письмах – местному священнику и патриарху, которые он озаглавил соответственно «прощение» и «покаяние». Дело в том, что Кафельников вступил в брак со своей «свояченицей», и, как он объяснял, поскольку патриарх в то время находился в заключении, он попросил разрешение на брак у обновленца – «красного епископа Георгия Добронравова»⁴⁰. Тот разрешение дал с условием заключить и гражданский брак вместе с церковным. Брак заключили. Однако, по словам Кафельникова, после выхода патриарха из заключения

³⁸ Сибирское соборное совещание 1918 года: материалы / Под редакцией протоиерея Д.В. Олихова. М., 2020. С.55.

³⁹ Шатковская Т.В. История отечественного государства и права. 100 экзаменационных ответов. Ростов–на-Дону, 2015. С. 114.

⁴⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 217. Л. 7.

его стали мучать «смутные сомнения» о «неблагодатности» брака, разрешённого «красным епископом», и он решил повенчаться ещё раз и попросил разрешение теперь уже у староцерковного епископа Иллариона (Троицкого), но тот брак с близкой родственницей запретил, а приходской священник венчать категорически отказался. (Причём это был один и тот же священник, видимо, он успел сменить свою юрисдикцию и из обновленцев стал староцерковником). «Представьте, в каком положении я оказался, — писал Кафельников, — я был поставлен в тупик, одно правление церкви разрешает брак, другое нет»⁴¹. Вместе с тем Кафельников очень сожалел о том, что обратился к обновленцам и просил патриарха простить его, и одновременно просил признать его брак «действительным», так как вступил в брак ради своего ребёнка. Кроме этого, Кафельников зачем-то послал патриарху гражданскую «выпись о браке», заключённом в отделе регистраций, из которой следует, что он вдовец 30 лет и «безработный», а его жена «домохозяйка» 22 лет⁴². Чем окончилось дело Кафельникова, неизвестно, но оно показательно в том отношении, что даже искренне религиозный человек часто не понимал или не хотел понимать, как по одному и тому же вопросу обновленцы и староцерковники могут вынести противоположные решения.

Совершенно понятно, что дореволюционные законы о разводе, кроме ненависти ничего не вызывали. Невозможно жить в браке, когда ты ненавидишь своего мужа или жену. Декреты не могли прекратить избиение женщин в браке, но давали законный повод разорвать такой брак. Неудивительно, что в целом на «селе восприняли Декрет с радостью»⁴³. Причём новое брачное законодательство устраивало и мужчин, и женщин. «Особенно поддерживали “декретину” женщины, видя в ней осуществление “бабских прав”»⁴⁴.

Что касается женщин, то П.А. Красиков, глава 8 отдела комиссариата юстиции, специально занимающегося церковными проблемами, считал, что если советская власть сбросила с мужчины 10 цепей, «то с женщины она их сбрасывает 20»⁴⁵. Вообще новое законодательство о браке и разводе большевики считали своим главным достижением, которое, по их мнению, полностью воплотилось.

Нарекания и даже открытая ненависть к церковным властям, которые выносили решение по бракоразводному процессу, ушли в прошлое. Однако семейные законы большевиков были столь радикальны, что во многом опережали правосознание даже образованных людей. Можно согласиться с мнением современного историка, что большевистское законодательство о браке и разводе служили разрывом между приходом и формально связанным

⁴¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 217. Л. 7 об.

⁴² Там же. Л. 10–10об.

⁴³ Асташев А.Б. Указ. соч. С. 171.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Красиков П.А. Женщина, религия и коммунизм // Революция и церковь. 1919. № 2. С. 4.

ными с ним людьми⁴⁶. Это такие люди, которых можно назвать «вынужденными прихожанами», в числе которых был и сам Ленин, заключивший свой брак в церкви. Теперь они могли туда не заходить вообще.

И если многие свободы (свобода слова, свобода совести и другие) часто оставались декларативными и не соблюдались, свобода брака и развода сохранялась.

И, как отмечали филологи, именно после этого большевицкого декрета в русском языке появилось и сейчас широко используемое слово – «расписаться».⁴⁷ Декреты о гражданском браке были приняты в условиях демографической катастрофы, это следует учитывать, и в любом случае их оценка неизбежно будет носить вкусовой характер. В целом представляется, что многие современники согласились бы с епископом Феофаном (Туляковым), считавшем в 1918 г., что декреты о браке и разводе «самый дельный акт» новой власти⁴⁸.

Список литературы:

1. Асташев А.Б. Трансформация брака в крестьянской России в начале XX века.: от патриархальной семьи до декретов о браке // Революция. Женское лицо. К 150-летию А.М. Коллонтай. Сборник докладов научной конференции Санкт-Петербург. 31 марта 2022г. М., 2022. С. 169–173.
2. Беглов А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М., 2021.
3. Бирюкова Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930 гг. Характер отношений на местах. Ростов-на-Дону, 2012.
4. Веремеенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России. СПб., 2009.
5. Соколов А.В. Государство и Православная Церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 годов. СПб., 2015.
6. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.
7. Суворов Н.Г. Гражданский брак. М., 2015.
8. Ковалева А.В. Трансформация понятия «гражданский брак» как проявление кризиса семейно-брачных отношений: автореф. дис. канд. социолог. наук. Хабаровск, 2009.
9. Фриз Гр. «Губительное благочестие» // Российская церковь и падение империи: сб. ст. / сост. коммент. пред. П.Г. Рогозный. СПб., 2019.

⁴⁶ Беглов А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М., 2021. С. 862.

⁴⁷ Селищев А.М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928. С. 196.

⁴⁸ Фриз Грегори «Губительное благочестие» // Российская церковь и падение империи: сборник статей / сост. коммент. пред. П.Г. Рогозный. СПб., 2019. С. 179.

Об авторе:

РОГОЗНЫЙ Павел Геннадьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, РАН (СПбИИ РАН) (197110. Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская, 7), e-mail: rorozny@yandex.ru

THE CIVIL WAR AND CIVIL MARRIAGE OF 1917–1922

P.G. Rogozny

St. Petersburg Institute of History, St. Petersburg, Russia

The article examines the introduction of civil marriage and divorce by the Bolsheviks after coming to power in 1917 and the adaptation of this institution during the Civil War. For many years, all marriage legislation was in the hands of the Church. The Bolsheviks radically changed this. Civil marriage became compulsory, and civil divorce was as easy as possible, but at first the population still wanted to get married in the parish church. In those areas of the country that were under the control of whites, pre-revolutionary marriage legislation was generally maintained. The fact that society split affected the institution of marriage, all this gave rise to many conflicts and often even local authorities and church leaders did not know where to register a legal marriage. After the end of the Civil War, the new authorities still considered legal only the marriage that was registered with the civil authorities, and the church.

Keywords: Civil war, civil marriage and divorce, church marriage and divorce. Decrees of the Soviet government..

About the author:

ROGOZNY Pavel Gennadievich – the Candidate of History, the Researcher, the St. Petersburg Institute of History, (197110, Russia, St. Petersburg, Petrozavodskaya st., 7), e-mail. rorozny@yandex.ru

References:

- Astashev A.B., *Transformaciya braka v krest`yanskoj Rossii v nachale XX veka.: ot patriarchal`noj sem`i do dekretov o brakte*, Revolyuciya zhenskoe liczo. K 150-letiyu A.M. Kollontaj. Sbornik dokladov nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg. 31 marta 2022g. M., 2022. S.169-173.
- Beglov A.L., *Pravoslavnyj priход na zakate Rossijskoj imperii: sostoyanie, diskussii, reformy*, M., 2021.
- Biryukova Yu.A., *Sovetskaya vlast` ipravoslavnye obshchiny` Dona v 1920–1930 gg. Cparakter otnoshenij na mestax*, Rostov-na-Donu, 2012.
- Veremeenko V.A., *Dvoryanskaya sem`ya i gosudarstvennaya politika Rossii*, SPb., 2009.

- Sokolov A.V., *Gosudarstvoi Pravoslavnaya Cerkov` v Rossii v fevrale 1917–yanvare 1918 godov*, SPb., 2015.
- Selishhev A.M., *Yazy`k revolyucionnoje`poxi: iz nablyudenij nad russkim yazy`kom poslednich let (1917–1926)*, M., 1928.
- Suvorov N.G., *Grazhdanskij brak*, M., 2015.
- Kovaleva A.V., *Transformaciya ponyatiya «grazhdanskij brak» kak proyavlenie krizisa semejno-brachny`ch otnoshenij*, Avtoref. dis. kand. sociologicheskikh nauk, Chabarovsky, 2009.
- Friz Gregori, «*Gubitel`noe blagochestie*», Rossijskaya cerkov` I padeniya imperii, Sbornik statej, sost. koment. pred. P.G.Rogozny`j, SPb., 2019.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470)1894/1904

DOI 10.26456/vthistory/2024.1.031–047

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛЕГАЛИСТОВ И ЛЕГАЛИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Д.В. Рыбин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста),
Санкт-Петербургский институт (филиал), г. Санкт-Петербург, Россия

В статье излагается краткая история преследования умеренно-либеральных групп юристов Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Несмотря на то, что каждый эпизод выглядит как самостоятельное явление, они объединены по некоторым общим признакам. В том числе, либеральные легалисты – объект преследования – были тесно связаны между собой; преследования происходили одновременно; репрессии не носили чрезмерный характер, а скорее напоминали «одерживание»; давление небольшого движения привело к объединению праволиберальных групп и их совместному выступлению против самодержавия. В нашей работе мы выделяем политику давления в отношении крупных легалистов: А.Ф. Кони, К.К. Арсеньева, И.П. Закревского, П.А. Гейдена; ликвидацию Вольно-Экономического общества и Московского Юридического общества; отставки и переход в оппозицию отдельных известных общественных деятелей.

Ключевые слова: либеральные легалисты, консервативный либерализм, репрессии, Вольное Экономическое общество, Московское Юридическое общество, Санкт-Петербургская Городская Дума, А.Ф. Кони, Б.Н. Чичерин.

К 1894 г. движение легалистов (либеральных юристов) оказалось не в самом лучшем положении в общественно-политической системе империи. Консервативная политика Александра III ослабила их позиции в высшем государственном слое. И хотя многие из них занимали высокие ответственные посты, они не могли в существенной степени повлиять на политику империи. Ситуация для них изменилась в худшую сторону после восшествия на престол Николая II.

При слабом императоре значительную власть в своих руках сосредоточили его дяди – великие князья Владимир Александрович, Алексей Александрович и Сергей Александрович Романовы. Нехватка интеллекта и

личная непорядочность компенсировалась у них чрезмерным консерватизмом. Чем более они были аморальны, тем сильнее проводили в жизнь уставшие принципы дремучего консерватизма. Им в этом помогали Победоносцев и некоторые другие сподвижники покойного царя. Таким образом, разумная и осторожная консервативная политика Александра III сменилась примитивной традиционалистской реакцией. В новом мире даже для умеренных праволиберальных политиков, для разумных вельмож места уже не оставалось. Легалисты, а также все консервативно-либеральные группы (даже монархические) превратились в «пособников революционеров»! Против них развернулся репрессивный аппарат государственной машины.

Кампания против легалистов включала изоляцию лидеров легализма А.Ф. Кони и Б.Н. Чичерина, подчинение легалистских организаций, например, Вольного экономического общества (далее – ВЭО), ликвидацию части из них (Московское юридическое общество), отстранение и увольнение от должностей легалистов (И.П. Закревского и пр.), выдавливание их из органов местного самоуправления (М.М. Стасюлевич). Как единое явление историками данная проблема не рассматривалась. Факт наличия крепких связей между легалистами, одновременность репрессий исследователи не заметили.

Преследования были изучены только в отношении отдельных организаций или личностей. Например, работа подразделения ВЭО – Комитета грамотности была рассмотрена А.Н. Андреевой и Н.Ф. Гриценко. В частности, Гриценко подробно восстановила историю конфликта ВЭО и правительства из-за Комитета грамотности, ставшего прологом для гонений на общество¹. Дальнейший конфликт ВЭО с государством постаралась описать Н.Ф. Гриценко². Кризис во взаимоотношениях государства и либеральных юристов/экономистов закончился закрытием ВЭО и ряда других экономических обществ³.

Отдельный блок исследований составляют работы ученых посвященных судебной контреформе 1880-1890-х гг. В их числе капитальный труд Н.В. Немытиной⁴, публикации А.А. Сорокина⁵, Ю.В. Щедриной⁶, Ю.М.

¹ Андреева А.Н. Комитет Грамотности императорского вольного экономического общества // Благотворительность в Санкт-Петербурге, 1703–1918. историческая энциклопедия. СПб., 2016. С. 274–275; Гриценко Н.Ф. Власть и общество: вольное экономическое общество и либеральное движение в России в конце XIX в // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 2 (2). С. 99–108.

² Гриценко Н.Ф. Официальная доктрина внутриполитического курса России конца XIX века (политические и духовные аспекты внутренней политики): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000; Ее же. Изменение состава и активизация деятельности Вольного экономического общества в конце XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1996. № 4. С. 67–78.

³ Беспятова Е.Б. Экономические научные общественные организации России (XIX– начало XX вв.) // Вестник Московского государственного университета приборостроения и информатики. Серия: Социально-экономические науки. 2011. № 33. С. 61–66

⁴ Немытина М.В. Суд в России: 2-я половина XIX– начало XX века. Саратов, 1999.

Понихидина и И.А. Игнатенко⁷ и др. Современный и наиболее подробный очерк работ по этой контрреформе был дан К.П. Krakовским⁸. В том числе К.П. Krakовский подробно описал борьбу А.Ф. Кони за сохранение основ Судебных уставов 1864 г.⁹

При подготовке данной работы был привлечен значительный комплекс документов из фондов Российского государственного исторического архива (Вольного экономического общества, министерства земледелия и государственных имуществ – МЗГИ, МВД, Министерства юстиции), из фондов Государственного архива Российской Федерации (департамента полиции, Московского охранного отделения, фондов Б.Н. Чичерина, А.Ф. Кони), Российского государственного архива литературы и искусства (фонд К.К. Арсеньева), Центрального государственного исторического архива (фонд Петербургской Городской Думы), Рукописных отделов РГБ (фонд Д.А. Милютина), Института русской литературы (фонд А.Ф. Кони) и прочих архивов. Обращает на себя внимание, что конфликт общества и государства описан в личных дневниках и воспоминаниях активных участников – К.К. Арсеньева, графа П.А. Гейдена, А.Ф. Кони очень схематично. Последующие события затмили противостояние, казавшееся в благополучной России чем-то немыслимым, но оказавшееся в революционной России мелким и несущественным.

Одним из первых объектов давления стал лидер легалистов А.Ф. Кони. Легалисты были недовольны работой комиссии по судебной реформе министра Н.В. Muравьева. В своем дневнике К.К. Арсеньев приводит пример конфликта между юристами возникшими в октябре 1896 года по вопросу о стадии предания суду (на заседании подкомиссии по уголовному судопроизводству). В.Ф. Дейтрих предлагал расширить права прокурора за счет следствия и суда. А.Ф. Кони, Н.Д. Чаплин, В.К. Случевский и В.И. Лихачев были против. Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, А.К. Вульферт, В.Р. Завадский, И.Г. Щегловитов, И.В. Мещанинов поддержали «разрушительный проект». К.К. Арсеньев предложил мягкий, промежуточный вариант,

⁵ Сорокин А.А. Деятельность Комиссии Н.В. Muравьева по реформе местного суда и либеральная общественность в конце XIX в. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 4 (17) С.208–217; Его же. Итоги работы комиссии Н.В. Muравьева по реформированию местного суда в оценках общественности // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. Нижний Новгород, 2017. С. 385–395.

⁶ Щедрина Ю.В. Реформирование механизма формирования судейского корпуса в России в конце 1890-х – начале 1900-х годов: проекты комиссии Н.В. Muравьева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–2. С. 115–131.

⁷ Понихидин Ю.М., Игнатенкова И.А. Основные положения дискуссии, развернувшейся при попытке пересмотра судебных уставов в области судоустройства комиссии Н.В. Muравьева // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 5 (51). С. 206–212.

⁸ История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. Т. 5: Судоустройство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года). М., 2020. С. 12–31.

⁹ Там же. С. 324–364.

предусматривающий возможную отмену обвинительной камеры при согласии подсудимого¹⁰. Такие споры постоянно возникали до конца работы комиссии.

Напряжение росло в момент обсуждения судьбы суда присяжных. Основные докладчики – Н.В. Муравьев, В.А. Желеховский выступали за существенное уменьшение круга полномочий суда. А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев и другие защищали суд. Препирательства длились часами¹¹. В ноябре 1897 г. обсуждалось расширение апелляции за счёт кассации. А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев, И.Я. Фойницкий, Н.Н. Шрейбер выступали категорически против, но 10 голосами против 8 их возражения были отвергнуты¹².

Судебный корпус подлежал обюрокрачиванию, вводились новые судебные учреждения, что ещё больше запутывало судебную систему, следствие возвращалось в полицию и т.п. Возмущенный А.Ф. Кони протестовал против разрушения уставов 1864 г. Но зачастую он оказывался в одиночестве. Многие его бывшие друзья и соратники, почувствовав настроение царского двора (например, Н.С. Таганцев), перешли на сторону министра юстиции Муравьева. Сопротивление А.Ф. Кони, который выносил дискуссию на суд общественности, стоило ему в декабре 1896 г. должности обер-прокурора Уголовно-кассационного департамента (далее – УКД) Сената. А несколько позже А.Ф. Кони вообще был удалён из УКД и направлен в Общее собрание 1-го и 2-го департаментов Сената (административных), своего рода «свалку старых маразматиков», как он сам их однажды определил (в 1900 г.). Сам этот перевод А.Ф. Кони в мемуарах обставил якобы своей болезнью, нежеланием выступать обвинителем по политическим делам и прочими причинами. Но на самом деле причина была политическая. Консервативная группа чиновников выдавила либерального бюрократа из активной политики. Он попал в число «неприкасаемых», не участвовал в проектах переустройства права, бурно размножавшихся в начале XX в., подвергался мелочным препонам со стороны министра юстиции и пр.

В 1897 г. новое раздражение вызвал «забытый» идеолог легализма Б.Н. Чичерин. Вместо того, чтобы тихо работать в своем тамбовском имении Карапул ученый вдруг выступил с идеями, которые показывают его эволюцию от либерал-консерватизма в сторону большего либерализма. Можно предположить, он устал ждать трансформации режима, чувствовал свою невостребованность и решил, наконец, высказать свои либеральные убеждения более открыто, чем он делал это раньше. Разгорелась полемика между Б.Н. Чичериным и Н.К. Реннекампфом (профессор из Киева). Вопрос стоял о правовом статусе евреев и поляков. Б.Н. Чичерин настаивал на уравнении прав религиозных и национальных групп с другим населением в категоричном тоне. Выступление «гуру» вызвало активную переписку

¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 40. Оп. 1. Д. 34. Л. 84.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² Там же. Л. 101.

между легалистами и положило начало их размежеванию. В МВД же активное обсуждение запретных вопросов вызвало новое раздражение¹³.

Споры о национальностях имели продолжение на страницах писем старых друзей – Б.Н. Чичерина и Д.А. Миллютина в 1899 г. Чичерин настаивал на внесение в политику нравственных начал. Д.А. Миллютин указывал, что это поведёт к развалу государства. Б.Н. Чичерин развивал свои идеи о сохранении статуса Финляндии, расширении статуса Польши и о равноправии евреев. Это вызвало новое раздражение полиции¹⁴. Спор дошёл почти до полного разрыва двух умеренных либералов. Размежевание между группами либералов усиливалось – за самодержавие или против?

Большой резонанс вызвала кампания против ВЭО, во главе которого стояли легалисты П.А. Гейден и К.К. Арсеньев. Недовольство деятельностью общества нарастало несколько лет. Министр госимущества и МВД неоднократно просили П.А. Гейдена обуздить молодёжь на заседаниях общества, но безуспешно. Полиция пристально следила за обществом. По данным агентов якобы в обществе (3-е отделение) в 1890 г. образовался «земский кружок», состоящий из земских деятелей и учителей, которые планировали сопротивляться правительству! Большинство из них сосредоточилось в Комитете грамотности. Члены Комитета обвинялись в «плохих контактах», массовой рассылке народной литературы «тенденциозного характера». Под давлением МВД было принято решение ликвидировать комитет в 1894 г. Ликвидация растянулась на 6 лет. Издания Комитета конфисковались и уничтожались¹⁵.

Очередным объектом раздражения для власти стала деятельность Комитета помощи голодающим (создан 19 марта 1898 г.). И тут вставал вопрос, а где же государство? Чиновники вяло реагировали на социальное бедствие, МВД было встревожено. 15 июня 1898 г. министр земледелия направил письмо, в котором потребовал ликвидировать Комитет и передать финансовые средства в Красный Крест. Совет ВЭО пытался возражать, но комитет ликвидировали¹⁶.

Особое недовольство вызывало 3-е отделение общества. На нём обсуждались вопросы об отмене смертной казни, о финансовой политике правительства, о налоговой системе, народном образовании и пр. Обсуждения часто сопровождались критикой правительства. «Последней каплей» стали доклады М.И. Туган-Барановского и П.Б. Струве 21 февраля 1898 г. о соотношении марксистов и народников¹⁷.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1154. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–6.

¹⁴ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (далее – РО РГБ). Ф. 169. Картон 77. Д. 54. Л. 1–24; Ф. 334. Картон 5. Д. 1. Л. 25–38.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 91. Оп. 1. Д. 202. Л. 48–50; Д. 674. Л. 22–30.

¹⁶ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 201. Л. 54, 150–153; Оп. 2. Д. 100. Л. 27–30.

¹⁷ Там же. Д. 674. Л. 30–34, 100; Ф. 398. Оп. 61. Д. 19478. Л. 40.

Руководство ВЭО, по мнению чиновников, на замечания не реагировало, и 20 апреля 1898 г. И.Л. Горемыкин и А.С. Ермолов запросили императора о начале пересмотра Устава ВЭО, на что они и получили санкцию. МВД получило право запрещать какие-либо публикации ВЭО и об ВЭО в прессе¹⁸. Неоднократные попытки П.А. Гейдена и Совета ВЭО объяснить или отстоять свою позицию ни к чему не приводили. Члены общества представляли ВЭО как самое влиятельное общественное учреждение России, которое унизили «на ровном месте». Все обвинения они отвергали, изменения Устава воспринимали как покушение на права общества¹⁹. Летом 1898 г. МЗГИ получило право временно приостанавливать деятельность общества, но не спешило им воспользоваться (на чем настаивало МВД)²⁰.

11 января 1899 г. было учреждено особое совещание для пересмотра Устава ВЭО. При этом ни один член ВЭО не был приглашён в его состав. Речь шла о «наказании». Архивные документы о «наказании» общества не содержат ни одного указания, в чём же заключалось «противоправительственное направление» деятельности общества, ни одного примера нарушения Устава. Иначе говоря, МВД преследовало иные цели, наказывая и усмиряя ВЭО.

29 мая 1899 г. состоялось основное заседание Особого совещания по делу о пересмотре Устава. Присутствующие заслушали обширную речь министра внутренних дел И.Л. Горемыкина. Последний отмечал, что противостояние общества и государства стоит отсчитывать с 1895 г., когда было принято решение об отделении Комитета грамотности. Отношения ухудшились после закрытия Комитета помощи голодающим в 1898 г. В З-м отделении общества рассматривались всё более радикальные темы. В чём же причина, задавался вопросом И.Л. Горемыкин. Он видел ее в неоднородном составе ВЭО с 1890-х гг., а также в бесконтрольном допуске на заседания общества молодежи. Министр предлагал вернуть ВЭО к сельскохозяйственным задачам, перестать нарушать Устав, усилить контроль Министерства земледелия и госимущества за ВЭО, расширить права президента по допуску лиц на собрания, извещать Минимущество о тематике заседаний, расширить права Совета общества по назначению руководителей ВЭО²¹.

Итогом истории может служить записка, представленная директором департамента земледелия Н.А. Хомяковым министру земледелия (16 июля 1898 г.). Перечислив претензии МВД, он задавался вопросом – зачем вообще изменять устав? Упорядочит ли это деятельность общества? Есть ли необходимость изменять устав в данный момент? Общество нарушало закон и устав. Что же было предпринято МЗГИ? Комитет помощи был закрыт, эмиссаров общества для помощи голодающих вернули. Изменение

¹⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Ф. 91. Оп. 1. Д. 202. Л. 48–50; Д. 674. Л. 22–30; Ф. 569. Оп. 1. Д. 232. Л. 30–33.

¹⁹ Там же. Ф. 91. Оп. 2. Д. 100. Л. 27–37.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 674. Л. 68–70.

²¹ Там же. Д. 675. Л. 1–11.

устава не прекратит нарушения закона, само по себе. Соответственно изменять устав не имеет смысла. Назначение президента вместо его избрания не сделает его автоматически лучше. Запрещение публичных заседаний также не принесет пользы. Введение процедуры ликвидации общества будет воспринято как угроза. Завуалированное наказание общества вызовет толки и недовольство.

По мнению Н.А. Хомякова, общество выполнило все требования, и наказывать его не следует. Н.А. Хомяков обращал внимание, что временное приостановление деятельности общества будет хуже, чем его закрытие и вызовет массовые протесты и недовольство²².

В 1900 г. работа ВЭО постепенно замирала, большинство комиссий перестали работать. Члены общества близкие к социалистам стали подвергаться преследованию²³. 8 апреля 1900 г. вышло императорское повеление. Посещение любых заседаний общества посторонними было запрещено. Программы и темы докладов на утверждение МЗГИ представлялись до рассылки повесток. Открывать комитеты, комиссии, устраивать съезды, посыпать членов общества в командировки, рассыпать программы, собирать сведения можно было только с согласия министра ЗГИ.

В составе ВЭО образовалась временная комиссия для пересмотра устава. В нее вошло 8 членов общества по должностям и 8 членов общества, выбранных министром ЗГИ (в основном из числа старых, консервативных членов) во главе с председателем В.И. Вешняковым. Выработанный проект подлежал совместному утверждению МЗГИ и МВД.

Такое решение вызвало негодование в обществе. 15 апреля собрался Совет общества, которое приняло решение – министерство не извещать, согласия его не испрашивать, общие собрания и собрания отделений не проводить, активность не проявлять (создание комиссий, запрос сведений и пр.). Было решено проводить только собрания, имеющие административный характер²⁴.

Председатель В.И. Вешняков составил проект изменений устава. В том числе, предлагалось «освободить» общество от рассмотрения вопросов, не связанных с сельским хозяйством, ограничить доступ в общество с помощью разных цензов, установить предельные размеры членов общества, реорганизовать структуру общества, существенно ограничить права на посещение собраний посторонними лицами (молодежи запретить), расширить права Совета и Президента, ограничить права членов, которые не платили членские взносы, ввести редакционные комитеты при отделениях и пр.²⁵. Но этот проект членов комиссии не заинтересовал. После бурных обсуждений почти все предложения председателя комиссии были отвергнуты. Предложения

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 266. Л. 73–75.

²³ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 203. Л. 29–31, 36, 75.

²⁴ Там же. Л. 75, 293–297; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 569. Оп. 13. Д. 15А. Д. 94–95.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 203. Л. 78–93.

комиссии сводились к косметическим изменениям устава. Предлагалось внести редакторские правки²⁶. То есть «гора родила мышь».

Постепенно число членов общества уменьшалось, выборы новых членов прекратились. В 1901 г. временно перестали выходить Труды общества. Вопрос об уставе медленно обсуждался в течение 5 лет. Многие перестали платить взносы. Комиссии, собрания собирались все реже²⁷. Совет ВЭО собирался в 1901–1904 гг. только два раза в год. Из-за периодических обысков часть статистических материалов, переписки, изъятия которых опасались члены общества, была вывезена и спрятана на частных квартирах.

Следующим объектом критики и нападок стало Московское юридическое общество. Общество всегда было пристальным вниманием полиции, считалось рассадником либерализма. По мнению полиции якобы, общество радикализировалось в 1880–1890-х гг.

Деятельность председателя общества – С.А. Муромцева давно привлекала внимание полиции. С 1880 (?) г. за ним был установлен негласный надзор. Периодически московскому обер-полицмейстеру докладывали о Муромцеве (в 1880 и 1888 гг.). 2-й Департамент полиции МВД собирал о нём сведения. На его соратника, соредактора Юридического Вестника и товарища по юридическому обществу В.М. Пржевальского также составлялась негативная характеристика²⁸.

Доклад полиции рисовал картину крайне опасного и враждебного общества. С.А. Муромцев (председатель), В.А. Гольцев (магистр политических наук), А.И. Чупров, Н.П. Каблуков (магистр) считались «неблагонадежными людьми с крайне либеральным направлением и революционными связями». В драматических красках полиция сообщала, что они организовали кружок в 150 человек, прикрывшись легальным статусом юридического общества, обсуждали опасные вопросы. На публичных лекциях «распропагандировали» молодёжь.

Один из спикеров – И.И. Янжул – в 1888 г. сделал доклад о том, как иностранная пресса воздействует на русское правительство. Присутствующие одобрили доклад, особенно В.А. Гольцев. По данным полиции ЮО превратилось в «конспиративное совещание кружка неблагонадёжных лиц». Во главе общества встали лидеры-легалисты М.М. Ковалевский, В.А. Гольцев, С.А. Муромцев и А.И. Чупров. «Партия» сформировалась в январе 1888 г. и разделилась на две группировки: либерально-прогрессивную (Муромцев и Чупров) и радикальную (Ковалевский, В.А. Гольцев, А.А. Рождественский, М.Я. Герценштейн). Первая «партия» предлагала ввести парламентский строй, вторая «социальный строй» (?). Через журналы Юридический Вестник, Русская мысль пропагандировался либерализм.

Легалисты планировали распространять в Европе идеи русского либерализма. Для этого был подготовлен цикл лекций: В.А. Гольцев – «Предста-

²⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 203. Л. 187–231; Ф. 398. Оп. 67. Д. 20953. Л. 6–19.

²⁷ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 203. Л. 34, 35, 87; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 15А. Л. 124–126, 182–199.

²⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 1891. Д. 282. Л. 8.

вительные собрания и свобода личности в России»; М.М. Ковалевский – «Судьбы современного российского общества»; И.И. Янжул и А.И. Чупров – «Основы народного хозяйства в России» и пр. Эти лекции читались в редакции Русской мысли и редактировались. Беспокойство вызывала связь легалистов с либералами в Европе, в частности с газетой «LeFigaro», а также с Русской Высшей школой общественных наук (Свободный колледж социальных наук до 1901 г.), с которыми сотрудничали Ковалевский и Гольцов.

По данным полиции, из 372 членов ЮО в 1897 г. – 119 были под подозрением. «Эти лица начали усиленную пропаганду среди земств. Мы даже были вынуждены приостановить действие земской статистики» – скрутились полицейские чиновники. Еще в 1889 г. председатель С.А. Муромцев получил предупреждение от графа И.Д. Делянова, что впредь за допущение чтения доклада экономиста Н.А. Каблукова («рисовавшего Россию в мрачных красках») ЮО будет закрыто²⁹.

С.А. Муромцев вызывал личное раздражение у генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича (судя по материалам полицейских отчетов). 26 мая 1899 г. состоялся доклад Муромцева в МГУ к 100-летию Пушкина, в Министерство народного просвещения от юридического общества был направлен адрес (в то время адрес считался общественной декларацией). В своём выступлении Муромцев говорил о Пушкине как о свободной русской личности, подчеркивая, что он мечтал о свободе и законности. Узнав об этом выступлении, генерал-губернатор потребовал от Министерства народного просвещения «неотложно закрыть» ЮО. Великий князь Сергей подчеркивал, что тенденциозный адрес от ЮО был не первым проявлением его вредительской деятельности. Министр народного просвещения Н.П. Боголепов незамедлительно, без объяснения и лишних правовых процедур ликвидировал общество 12 июня 1899 г.³⁰

9 июля 1899 г. П.Н. Обнинский и С.А. Муромцев подали жалобу в Сенат на распоряжение министра освещения о ликвидации общества. В ней П.Н. Обнинский указывал, что ликвидация была произведена в нарушение действующих правил, которые, по его мнению, предполагали таковую только по решению Комитета министров. Ликвидация была такой поспешной, что не имела серьёзного обоснования, оставляя открытым вопрос об имуществе общества. Признавая А.Ф. Кони в качестве лидера легалистов, П.Н. Обнинский советовался с ним о продвижении жалобы, уточнял его мнение. А.Ф. Кони поддерживал москвичей, в то же время воздействовал на ЮО Петербурга, призываая к осторожности и аккуратности³¹.

К 1903 г. дело дошло до рассмотрения в суде. Министерство народного просвещения попросило Сенат снять вопрос с рассмотрения. Был зашен ответ московского генерал-губернатора. Он крайне примечателен тем, что в нём отражено предвзятое отношение к либерализму и представ-

²⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 425. Л. 1–4.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 494. Л. 2.

³¹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 669. Л. 1–3; ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1207. Л. 12–15.

лены фантастические взгляды не очень грамотных людей на освободительное движение.

Великий князь Сергей Александрович констатировал, что «либеральная партия враждебна общественному и государственному строю национальной России». Либералы представляют особую опасность для России «они умеренные, так как образованные». Скромные требования этой «партии» преподносились как нечто порочное. «Появление за последние годы множества частных обществ, с либеральным направлением также есть результат деятельности заправил бывшего Юридического общества». Наконец, князь торжествовал: «Мы нанесли им удар! Если бы не закрыли, то дальше они больше бы возбуждали людей и достигли бы опасных размеров»³². Обращает на себя внимание, что человек, беспокоящийся за судьбу страны, традиционалист, защитник родины от слабых интеллигентов сам был глубоко безнравственным и порочным человеком, о чём свидетельствует его переписка, обнаруженная в архивах. Двуличие великого князя комфортно уживалось в его аристократической душе.

21 июля 1904 г. жалоба Муромцева-Обнинского поступила на рассмотрении императора, но по просьбе дяди он отказал в восстановлении ЮО. Император утвердил решение МНП о закрытии общества. В итоге 5 сентября 1905 г., рассматривая жалобу двух юристов, Сенат оставил её без рассмотрения. Общество было восстановлено только в 1912 г.³³ С 1896 по 1905 гг. петербургские юристы также добивались разрешения на проведение второго съезда российских юристов. Министр и МВД разрешение не дали.

В 1890-х гг. среди сенаторов 2-го Департамента Сената выделялся И.П. Закревский. Из-за тяжёлого характера он не пользовался авторитетом у коллег. Легалист по убеждениям, он часто отдыхал и жил во Франции, вступал во французские организации, получал медали. Но любовь к Франции не приобрёл, выпуская статьи в английских и французских газетах, он подвергал критике российско-французское сближение.

В Times появилась заметка И.П. Закревского по делу Дрейфуса. Последовал запрос французского МИД об официальной позиции Российской империи по этому поводу. МИД Франции посчитал, что тон и содержание письма не соответствуют официальному положению И.П. Закревского. 15 сентября 1899 г. от В.Н. Ламздорфа (МИД) поступило письмо товарищу министра юстиции П.М. Бутовскому. Последний 3 октября запросил И.П. Закревского. Сенатор написал министру юстиции Н.В. Муравьеву объяснение. Вместо оправдания он возмущался дипломатической цензурой и даже позволил себе обвинить дипломатов во вмешательстве в мнения частных лиц!

9 октября 1899 г. министру юстиции пришлось написать императору характеристику на И.П. Закревского. Н.В. Муравьев отмечал его как опытного, ответственного чиновника, владеющего несколькими языками, еже-

³² РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 425. Л. 1–13.

³³ Там же. Л. 1–13; РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 494. Л. 2.

годно участвующего в конгрессах. И.П. Закревский был богат и материально независим (у него было миллионное родовое/благоприобретенное наследство). Среди недостатков И.П. Закревского министр юстиции указывал «...крайнюю самоуверенность, самомнение, бес tactность, страсть к парадоксам, рисовке и оригинальничанью». Н.В. Муравьев также подчеркивал, что И.П. Закревский «преувеличивая свои достоинства..., считает себя недостаточно оцененным и последние годы находится в каком-то хроническом раздражении». В характеристике последнего министр писал также: «По своим воззрениям он причисляет себя к так называемому прогрессивному направлению, что своеобразно соединяется у него с личной непримостью, несдержанностью и редким в его годы легкомыслием»³⁴.

По мнению Н.В. Муравьева И.П. Закревский был противником пересмотра дела Дрейфуса, выставлял французские порядки в неблагоприятном свете. «Я дважды просил его воздержаться от таких писаний, на что получил согласительный ответ. Появление в Times нынешнего, в высшей степени неуместного и неприличного письма его было для меня неожиданностью, которую я объясняю себе тем же странным и необузданым характером г. Закревского, что конечно, отнюдь не оправдывает его поступок». По лукавому мнению Муравьева: «В Петербурге, в обществе и среди со служивцев сенатора Закревского письмо его в газету Times вызвало единодушное негодование»³⁵.

Сенатор И.П. Закревский явился к министру, «признал свою вину», сожалел. Передал письменную просьбу об увольнении от службы по болезни. Министр, пытался смягчить мнение императора, указывал, что в XIX в. не было прямого увольнения сенаторов в отставку без прошения. Были случаи объявления сенаторам выговора или неудовольствия. Кроме того, И.П. Закревский сам подал прошение. Однако, взбешенный император начертал: «объявить Закревскому выговор от моего имени и уволить его от службы без прошения. Я возмущён его поступком». Вскоре прочитав вторую статью И.П. Закревского во французской Le Siecle император писал: «только сумасшедший или изменник способен написать подобную мерзость про свою родину!»³⁶. Встревоженный И.П. Закревский 25 октября написал новое письмо Муравьеву. Он просил представить оправдания на имя императора, разрешить издать в виде отдельной брошюры статьи по делу Дрейфуса. К этому времени у Закревского вышло на эту тему 5 статей в Юридической газете, 3 – в «Новостях», 1 – в СПБ-ких ведомостях, а также в Times и Le Siecle. Возражая, И.П. Закревский писал министру: «Нельзя приписывать мне таких намерений, которых я не имел и которые опровергаются всем тем, что я по тому же предмету прежде писал»³⁷.

31 января 1900 г. в Цензурный комитет МВД поступила работа И.П. Закревского «По делу Дрейфуса. Сборник статей». Она обнимала публика-

³⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 538. Д. 56. Л. 1–36.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Ф. 1405. Оп. 538. Д. 56. Л. 1–36.

ции сенатора за 1898–1899 гг., в том числе в иностранной прессе. Комитет указывал на опасность публикации работы. В ней содержались очень не-лестные характеристики французского народа, который «примазался» к союзу с Россией. Книга была запрещена. Тем не менее, Закревский пытался безуспешно опубликовать книгу в своё оправдание³⁸.

И.П. Закревский три года добивался аудиенции у императора. В оче-редном объяснении от 18 апреля 1902 г. он утверждал, что действовал осторожно. Якобы дело Дрейфуса повлияло на него негативно. Печатал в газетах, что не одобрял вмешательство в это дело газет и толпы. Возму-щался поруганием гарантий суда, бессилием власти, упадком авторитета, пошлостью, низменностью побуждений, могуществом толпы. «В этом письме для Times я упоминал об отношениях французов к нашему отече-ству, которые были поняты не в том смысле. Это моя ошибка, я торопил-ся». По мнению сенатора «французы возгордились, что их поддерживает далекое, мощное царство». Император письмо прочитал, смилиостивился и вернул «заблудшую душу» на службу³⁹. На примере дела И.П. Закревского видно, как власть стремилась «осадить» юристов, вздумавших поиграть в политику. С точки зрения правительства, судебные чиновники не должны были выходить за пределы своих узко-профессиональных обязанностей.

Ещё одной ареной конфликта стала Петроградская городская дума. В составе городской управы много лет работал видный легалист, редактор журнала Вестник Европы (далее – ВЕ) М.М. Стасюлевич. Как председатель нескольких комиссий, в том числе, комиссии по народному образованию он принес городу большую пользу и был популярен у значительного числа горожан. М.М. Стасюлевич (как и Чичерин) много лет пытался стать го-родским головой. Но всякий раз это ему не удавалось. По мере нарастания консервативной политики общественный деятель понял, что стать главой города ему не удастся. По этой ли причине или потому, что его проекты встречали всё большее сопротивление, он решил довести конфликт с адми-нистрацией города до конца и «красиво уйти» с должности. По времени этот уход совпал с общей кампанией против легалистов и земцев.

В тот момент городским головой был В.А. Ратьков-Рожнов, не поль-зующийся популярностью. 8 марта 1900 г. Стасюлевич написал письмо, в котором обвинял городского голову «в возникновении у него “личных дел”» (подразумевался корыстный интерес головы в городских делах). В конце он резюмировал: «Я больше не могу быть в составе управы в каче-стве члена»⁴⁰. Гласный сообщал, что голова приостанавливал действия по-становлений городской управы и не доводил об этом до Думы (по ин-струкции от 5 мая 1895 г.). Были и другие случаи пренебрежения головой постановлений Думы, часто он не объяснял свои действия.

³⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 426. Л. 1–18.

³⁹ Там же. Ф. 1405. Оп. 538. Д. 56. Л. 54–61.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 7843. Л. 5.

Тут же собралось заседание Думы. Собрание заслушало М.М. Стасюлевича и В.А. Рожнова. Голова был вынужден объясняться: «Я действовал по инструкции», пренебрежения не допускал. Причиной конфликта стало увольнение инженера Алтухова без согласия водопроводной комиссии (решение было обжаловано в канцелярии градоначальника). В.А. Рожнов «с печалью» констатировал, что М.М. Стасюлевич хочет покинуть свой пост, отмечал его заслуги, просил взять отказ обратно, даже отчасти соглашался с мелкими упреками последнего. Кедрин, Тройницкий и Веретениников – сторонники М.М. Стасюлевича пытались взять слово. Председатель никому не дал говорить и перешел к следующим делам. Последовало препирательство с гласными. Заседание было быстро прервано⁴¹.

13 марта 1900 г. состоялось заседание комиссии по народному образованию. Единогласно постановили просить голову – оставить М.М. Стасюлевича (среди гласных его поддерживали легалисты, в том числе графы П.А. Гейден и Н.Ф. Гейден). На новом заседании Думы 22 марта 1900 г. М.М. Стасюлевича вновь просили взять отставку назад. 28 марта 1900 г. редактор ВЕ сделал новое заявление. Управа отменила один из пунктов инструкции при протесте трёх председателей комиссий с замечанием, что их голоса не имели значения. При этом он согласился временно исполнять должность председателя комиссии, на короткий срок.

На заседании Думы 29 марта 1900 г. городской головы с грустью констатировал, что «М.М. продолжает оставаться непреклонным и не желает взять свой отказ обратно. Мотивы его недостаточно основательны. Почему страдает общественное дело... Нет произвола управы. Неужели же М.М. недостаточно знаков признательности и внимания? Еще раз я обращаюсь к нему с просьбой от имени Гордумы взять свой отказ. Пора прекратить эти пререкания»⁴².

После раздумий М.М. Стасюлевич сделал 2 мая 1900 г. новое заявление. «Я просил [проводить] выборы нового председателя комиссии на 3 мая. Но в итоге их нет. Пусть тогда будет 10 мая. Нет никаких трудностей для выбора нового председателя. В комиссии 30 человек, из них можно выбрать. Не надо затягивать, много достойных людей». На заседаниях Думы 3 и 10 мая Стасюлевич – отказывался от должности. Наконец уговоры прекратились. 24 мая новым председателем комиссии был избран П.А. Потехин (легалист и адвокат) – 93 голосами за, 19 против. М.М. Стасюлевич остался членом комиссии. Он продолжал скандалить, придинаясь к нарушениям разных процедур. Конфликт утих к концу года⁴³.

В своём письме к В.В. Хижнякову (секретарю ВЭО), 2 ноября 1903 г., грустный граф П.А. Гейден писал: «Теперь нет гражданских убеждений и везде пошел хам. И хамы ведут, не ведая того, Россию к погибели. Не может человек зависимый иметь честных и смелых убеждений. Не может ка-

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 7843. Л. 1–20.

⁴² Там же. Л. 12.

⁴³ Там же. Л. 1–20.

стрированное общество полезно работать. Но пока свободу смешивают с революцией – то ничего путного не выйдет»⁴⁴.

В переписке с Б.Н. Чичериным разочарованный лидер легалистов А.Ф. Кони неоднократно жаловался на «нездоровую» общественную атмосферу в России в начале XX в. «Литературное, общественное и уличное хулиганство победоносно подымает голову. Подчас русская жизнь представляется мне замкнутой в какой-то вагон, где курят, шумят, орут пьяные песни, играют в карты и явно и тайно грабят друг друга, а между тем вагон сошел уже с рельс и мчится по так называемому мертвому пути...» (из письма к Чичерику от 30 декабря 1903 г.)⁴⁵.

Все указанные события происходили одновременно и в отношении группы лиц тесно связанных между собой. Поэтому, хотя официально преследование не было объявлено, но не следует их рассматривать как самостоятельные явления. Кампания по умеренным репрессиям умеренных либералов, предпринятая с подачи дядьев царя и при его поддержке, на рубеже XIX–XX вв. нарушила хрупкий баланс политических сил, сложившихся к моменту смерти императора Александра III. Бессмысленное преследование лоялистов, всего-навсего призывающих к модернизации монархии, было, что называется «стрельбой по воробьям». Она, судя по всему, не имело никакой другой цели, кроме как заставить замолчать городское общественное мнение, загнать политику «под ковер». Выстраивание однополярного консервативного мира было невозможно, но именно за этой недостижимой целью и устремилось новое окружение Николая II.

Ущемление лояльных к власти легалистов и земцев вызвало небывалое возбуждение и раздражение в среде городских интеллигентов. В 1904 г. разнородные либеральные группы действовали согласованно и напористо. При выборах в столичную Городскую Думу они, выдвинув общественных деятелей, заняли 64 депутатских места (40 % от общего числа). Члены ВЭО стали собираться на «частные» заседания без всякого разрешения полиции и министерства земледелия. Земцы и легалисты провели первый и второй земские съезды, игнорируя запреты и угрозы от МВД. Собрания отдельных юридических обществ (например, Харьковского) стали превращаться в политические демонстрации, разгоняемые полицией. Так, государство, рассорившись с группой своих сторонников, сузило свои возможности для политического маневра. В 1905 г. либералы выступили против действующей власти и стали одними из лидеров освободительного движения в России.

Список литературы:

1. Андреева А.Н. Комитет Грамотности императорского вольного экономического общества // Благотворительность в Санкт-Петербурге, 1703–1918. историческая энциклопедия. СПб., 2016. С. 274–275.

⁴⁴ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 270. Л. 11–12.

⁴⁵ Сашонко В.Н. А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1991. С. 206.

2. *Беспятова Е.Б.* Экономические научные общественные организации России (XIX – начало XX вв.) // Вестник Московского государственного университета приборостроения и информатики. Серия: Социально-экономические науки. 2011. № 33. С. 61–66
3. *Гриценко Н.Ф.* Власть и общество: вольное экономическое общество и либеральное движение в России в конце XIX в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 2 (2). С. 99–108.
4. *Гриценко Н.Ф.* Изменение состава и активизация деятельности Большого экономического общества в конце XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1996. № 4. С. 67–78.
5. *Немытина М.В.* Суд в России: 2-я половина XIX – начало XX века. Саратов, 1999.
6. *Понихидин Ю.М., Игнатенкова И.А.* Основные положения дискуссии, развернувшейся при попытке пересмотра судебных уставов в области судоустройства комиссией Н.В. Муравьева // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 5 (51). С. 206–212.
7. *Сашонко В.Н. А.Ф.* Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1991.
8. *Сорокин А.А.* Деятельность Комиссии Н.В. Муравьева по реформе местного суда и либеральная общественность в конце XIX в. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 4 (17) С. 208–217.
9. *Сорокин А.А.* Итоги работы комиссии Н.В. Муравьева по реформированию местного суда в оценках общественности // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. Нижний Новгород, 2017. С. 385–395.
10. *Щедрина Ю.В.* Реформирование механизма формирования судейского корпуса в России в конце 1890-х – начале 1900-х годов: проекты комиссии Н.В. Муравьева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–2. С. 115–131.

Об авторе:

РЫБИН Данил Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, директор, Всероссийский государственный университет юстиции, Санкт-Петербургский институт (филиал), (199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 19, лит. А), e-mail: danilarybin@rambler.ru

PERSECUTION OF LEGALISTS AND LEGALIST ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

D.V. Rybin

All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

The work outlines a brief history of the persecution of moderate-liberal groups of lawyers in the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries. Despite the fact that each episode looks like an independent phenomenon, they are united by several common features. In particular, the liberal legalists – the object of persecution – were closely related to each other; the persecution occurred simultaneously; the repressions were not excessive, but rather resembled “pulling back”; the suppression of a small movement led to the unification of right-wing liberal groups and their joint action against the autocracy. In our work, we highlight the policy of pressure against major legalists: A.F. Koni, K.K. Arsenyeva, I.P. Zakrevsky, P.A. Heyden; liquidation of the Free Economic Society and the Moscow Legal Society; resignations and transition to the opposition of certain well-known public figures.

Keywords: *liberal legalists, conservative liberalism, repression, Free Economic Society, Moscow Legal Society, St. Petersburg City Duma, A.F. Koni, B.N. Chicherin.*

About the author:

RYBIN Danil Vyacheslavovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director, St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice, (199178, St. Petersburg, 10th line V.O., 19, lit. A), e-mail: danilarybin@rambler.ru, balsak1@yandex.ru

References:

- Andreeva A.N., *Komitet Gramotnosti imperatorskogo vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva, Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge, 1703–1918*, Istoricheskaya enciklopediya, SPb., 2016, S. 274–275.
- Bespyatova E.B., *Ekonomicheskie nauchnye obshchestvennye organizacii Rossii (XIX – nachalo XX vv.)*, Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta priborostroeniya i informatiki, Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki, 2011, № 33, S. 61–66
- Gricenko N.F., *Vlast' i obshchestvo: vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo i liberal'noe dvizhenie v Rossii v konce XIX v.*, Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya, 2014, № 2 (2), S. 99–108.
- Gricenko N.F., *Izmenenie sostava i aktivizaciya deyatel'nosti Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva v konce XIX v.*, Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 8: Istochnika, 1996, № 4, S. 67–78.
- Nemytina M.V., *Sud v Rossii: 2-ya polovina XIX – nachalo XX veka*, Saratov, 1999.
- Ponihidin Yu.M., Ignatenkova I.A., *Osnovnye polozheniya diskussii, razvernushejsya pri popytkе peresmotra sudebnyh ustavov v oblasti sudoustroystva komissiej N.V. Murav'eva*, Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava, 2006, № 5 (51), S. 206–212.
- Sashonko V.N., *A.F. Koni v Peterburge – Petrograde – Leningrade*, L., 1991.

- Sorokin A.A., *Deyatel'nost' Komissii N.V. Murav'eva po reforme mestnogo suda i liberal'naya obshchestvennost' v konce XIX v.*, Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva, 2014, № 4 (17), S. 208–217.
- Sorokin A.A., *Itogi raboty komissii N.V. Murav'eva po reformirovaniyu mestnogo suda v ocenkah obshchestvennosti*, Narod i vlast': vzaimodejstvie v istoriiisovremennoi, Nizhnij Novgorod, 2017, S. 385–395.
- Shchedrina Yu.V., *Reformirovanie mekhanizma formirovaniya sudejskogo korpusa v Rossii v konce v konce 1890-h – nachale 1900-h godov: proekty komissii N.V. Murav'eva*, Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs, 2014, № 9–2, S. 115–131.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.331)"16"+511.112
DOI 10.26456/vthistory/2024.1.048–061

МАТЕРИАЛЫ ПИСЦОВОГО ДЕЛА В ИСТОРИОГРАФИИ РАССЕЛЕНИЯ «КОРЕЛЯН» НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

А.И. Савинова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье рассматривается историография изучения миграции «корелян» с территории Корельского уезда и Заонежья на земли центральной части Русского государства в XVII в. Автор показывает, что данные общей подворной переписи Бежецкого уезда 1646 г., переписной книги Бежецкого Верха 1650/1651 гг. и переписей дворцовых волостей Верхневолжья 1660-х и 1680/1690-х гг. использовались для изучения демографических показателей, численности переселенцев и картографирования путей миграции и локализации поселений с «зарубежскими выходцами». Материалы же отписных, селитебных, даточных книг и другой писцовой документации карельских дворцовых волостей использовались для изучения социально-экономических характеристик. Значительный пласт писцовых описаний поместных, вотчинных и монастырских земель Бежецкого Верха и уездов Тверского Верхневолжья, заселенных «корелянами», остается недостаточно исследованным и не введенным в научный оборот.

Ключевые слова: «кореляне», «зарубежные выходцы», материалы писцового дела, переписные книги, Бежецкий Верх, карельская дворцовая волость.

Заметное место среди документов государственного делопроизводства в XVI – XVII вв. занимает корпус таких источников, как материалы писцового дела¹: писцовые, дозорные, переписные, даточные, селидебные книги и т. д. Информация из данных источников является ключевой для исследований в области истории административно-территориального деления, кадастра и налоговой системы, социальной, имущественной и демографической сфер жизни феодального и крестьянского социума XVII в. Материалы переписных книг, где учитывалось податное население, или се-

¹ См. подробнее: Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М., 2017.

лидебных книг, содержащих описание о новопоселенцах, актуализируются в области исследования миграционных процессов, обусловленных внешне-политической ситуацией на территории приграничья Московского государства и Швеции во второй половине XVI – XVII вв.²

Череда русско-шведских военных конфликтов, последовавших затем территориальных переделов и миграций населения, начиная с захвата шведскими войсками под командование П. Делагарди территории Корельского уезда в 1580 г. в ходе Ливонской войны, и вплоть до третьей четверти XVII в. обусловили ряд geopolитических, социально-экономических и культурных изменений в жизни подавляющего числа населения на территории Корельского уезда и Ижорской земли (Ингерманландии). С переходом части северо-западных территорий Московского государства под власть Швеции в области восточной части Карельского перешейка и Северного Приладожья, составлявших историческую территорию Корельского уезда, начался процесс «исхода» местного населения преимущественно в центр Московского государства, на земли, опустевшие после Смутного времени. Перемещение происходило на земли центральной России, преимущественно на территорию Новгородской земли и Бежецкого Верха. По данным А.А. Фролова и А.А. Голубинского, исторический Бежецкий Верх, описанный в документах XIV–XVII вв., в конце XVIII – XIX в. был в значительной степени занят территорией трёх уездов Тверского наместничества (с 1796 г. – Тверской губернии): Бежецкого, Краснохолмского и Весьегонского³. Большое количество перебежчиков фиксировалось исследователями на землях Восточной Карелии (Олонец)⁴, территории Новгородской губернии XVIII – XIX вв. (Валдайский⁵, Боровичский⁶, Тихвинский⁷ уезды), Архангельского⁸, Белозерского⁹, Вологодского¹⁰, Ярославско-

² Селин А.А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. исторические очерки. СПб., 2016.; Замятин А.Г. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008.

³ Фролов А.А., Голубинский А.А. Веб-ГИС «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ «Корельские выходцы» в Олонецкой деревне // Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 245–256.

⁵ Бландов А.А. Валдайские карелы в XVII – начале XVIII вв. // Финно-угроведение. 2014. № 2. С. 20–30.

⁶ Шварёв Н.М. Карелы Боровичского уезда Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вопросы уралистики 2014. Научный альманах. СПб., 2014. С. 557–612.

⁷ Фишиман О.М. Тихвинские карелы старообрядцы: методология и результаты комплексного изучения феномена локальной старообрядческой группы: автореф. ... дисс. канд. ист. наук. СПб., 2011.

⁸ Замысловский Е.Е. Извлечения из переписных книг / сост. Е. Е. Замысловским. СПб., 1888. Вып. 1. Отт. из Вып. 8 Летописи занятий Археографической комиссии.

⁹ Дмитриева З.В. «Корельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 5.

¹⁰ Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв. Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

го¹¹, Угличского¹², Нижегородского¹³ уездов, Медынского¹⁴ уезда Калужской губернии.

В материалах писцового дела выходцы с отошедших к Швеции территорий именуются «зарубежные выходцы» или «кореляне». Как показывает практика работы с источниками, «корелянами» именовались выходцы с территории погостов Корельского уезда. «Зарубежными выходцами», вероятнее всего, именовались полиэтнические группы населения, мигрировавшие с северо-западных территорий, захваченных Швецией.

После заключения вечного Кардисского мирного договора 21 июня (1 июля) 1661 г. перебежчики-кореляне, вышедшие со стороны Шведского королевства с 1617 по 1661 г., получили официальное закрепление за Россией, что совпадает с началом планомерного формирования карельских дворцовых волостей в 1660-е гг. на территории отдельных пятин Новгородской земли (Бежецкая, Деревская), Бежецкого Верха (Бежецкий, Краснохолмский, Весьегонский уезды) и других уездов (Тверской, Новоторжский, Угличский, Ярославский). К началу XVIII в. на землях Бежецкого, Новоторжского, Ярославского и Угличского уездов было образовано около 13 карельских дворцовых волостей: Чамеровская, Кесемская, Пятницкая, Сандовская, Борисоглебская, Кошевская, Юркинская, Ивицкая, Медвежегорская, Прудовская, Бельская, Михайлологорская, Дорская¹⁵.

Основными источниками для изучения процесса, масштаба внешней (с территории Корельского уезда и других погостов) и внутренней (на территории Новгородской земли и Бежецкого Верха) миграций «корелян» являются материалы писцового дела. Карельские переселенцы учитывались как в общих подворных переписях 1646¹⁶ и 1678¹⁷ гг., так и в «специальных», проводившихся в рамках формирования карельских дворцовых волостей. Особняком между переписью 1646 г. и материалами 1660-х гг. стоит книга 1650/1651 гг., представляющая собой уникальный документ, фиксировавший описания землевладений с «зарубежными выходцами» и позволяющий детально определить места массового исхода жителей Корельского уезда. К началу 1660-х гг. относится начало планомерного процесса

¹¹ Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

¹² Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Хозяйство карельских дворцовых крестьян в начале XVIII в. (по данным «свывозной и селитебной» книги стольника И.И. Сумарокова 1702 г.) // Русь, Россия. Средневековые и Новое время. 2015. № 4. С. 373–379.

¹³ Корепова К.Е. Островок северной традиционной культуры за пределами Севера (бывш. Карельская волость Костромского края) // Рябининские чтения – 2003. Петрозаводск. 2003.

¹⁴ Маслова Г.С. Медынские «карелы» // Краткие сообщения ин-та этнографии. 1947. Вып. 2. С. 53–58.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3551. Л. 235 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 25.

¹⁷ Там же. Д. 11440.

учета карельских перебежчиков, их фиксация на местах и последующий перевод в разряд дворцовых. С этой целью в период с 1660 по 1703 г. на территории формирующихся дворцовых волостей отправлялись писцовые комиссии (обнаруживаются упоминания более 10 – писцовые, переписные, дозорные, селидебные), целью проведения которых являлось выявление числа переселенцев и перевод их в разряд дворцовых крестьян. Тем не менее не все писцовые кампании и их результаты отражены в виде тех или иных книг и исследованы в полной мере. Некоторые материалы писцовых кампаний так и остаются либо невыявленными, либо утраченными, в частности, упоминаемые в одном из наказов кампании Никифора Поленова, Еремея Голенецкого, Василья Тютчева, Григория Недовескова¹⁸.

Материалы писцовых кампаний XVII в. позволяют проследить процесс заселения и освоения корелянами указанных территорий, что актуализирует анализ опыта использования писцовых материалов в рамках данной темы.

В дореволюционный период в одной из самых ранних работ по государственной и экономической истории сельского расселения, землевладения и сельского хозяйства в XVII в. (переиздавалась в 1937 г.) Ю.В. Готье называет миграцию карел «колонизационным движением». Основным фактором, обусловившим выбор территории для заселения, стало запустение после эпохи крестьянских войн и интервенции местности к северу от Москвы – Тверской, Бежецкий, Углицкий уезды, граничащие с Новгородским и Белозерским краем¹⁹. В отношении времени появления первых карел на исследуемых территориях автор приходит к выводу, что появление карел следует относить к 1630-м или к началу 1640-х гг. Опираясь на материалы писцового дела XVII вв. (1620-х и 1640-х гг.), он констатирует, что книги писцовые книги 1620-х гг. не содержат упоминаний о карелях, а в переписных книгах 1646 г. (Бежецкая, Новоторжская) они уже зафиксированы²⁰. Ю.В. Готье сделал важное наблюдение, которое является основным вектором в изучении «корельского вопроса», – материалы переписных книг 1646 г. иллюстрируют положение корелян как крестьян-новопорядчиков и бобылей, которые селятся на землях помещиков и вотчинников (светских и церковных), а затем, немногим позднее (в 1660-е гг.), начинается процесс перевода корелян в разряд дворцовых крестьян и планомерное организованное заселение пустых дворцовых волостей Новоторжского, Бежецкого, Ярославского и Углицкого уездов. Автор приводит перечень материалов писцового дела, в которых учтены карельские поселенцы в 1660-е – 1680-е гг.: Ф. Аксакова 1661²¹ и 1664 г.²², О.Н. Лихарева и подьячего Ф. Космынина 1668 г.²³, Д.Г. Тютчева и подьячего Второва 1668

¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3551. Л. 1–1 об.

¹⁹ Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Второе просмотренное издание. М., 1937. С. 189.

²⁰ Там же. С. 190.

²¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1451. Л. 151–267 об.

²² Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3551. Л. 342–369 об.

²³ Там же. Л. 370–385 об.

г.²⁴, В. Хорошего и подьячего И. Павлова 1676–1678 гг.²⁵, А. Резанова 1682 г.²⁶, путного ключника А.Ф. Елякова и подьячего Болтунова 1698 г.²⁷ Географический охват вышеперечисленных источников затрагивает частично Бежецкий, Новоторжский, Угличский и Ярославский уезды (преимущественно карельские дворцовые волости и отдельные феодальные землевладения). Относительно Новоторжского уезда автор упоминает малоизвестную и не введённую в научный оборот селидебную книгу записных «корелян» на пустоشاх в Бельской волости Новоторжского уезда²⁸. На материалах Ф. Аксакова 1664 г. Ю.В. Готье показал, что процесс формирования карельских дворцовых волостей проходил поэтапно с особой систематичностью. Более того, места, предлагаемые корелянам, заранее осматривались с составлением особого описания, сколько карельских семей там могут поселиться²⁹. Расселение проводилось по так называемым «строительным книгам» под наблюдением особых правительственные агентов – в основном тех же самых писцов³⁰. Изначально делами, касающимися перебежчиков, ведал Приказ тайных дел, единичные писцовые кампании направлялись из Поместного приказа. С началом формирования дворцовых волостей «карельские дела» были переданы в приказ Большого дворца, откуда по наказу периодически посыпались писцы для учета карельского населения³¹. Также в «карельских делаах» иногда участвовал Пушкарский приказ, который занимался сбором откупных денег, о чем свидетельствуют упоминаемые в актовом материале доимочные карельские книги, присланые из Пушкарского приказа для одного из разбирательств³². При этом автор предлагает рассматривать этот феномен как взаимозамещающие процессы (отток населения к югу – приток с северо-запада): государство было заинтересовано в заселении пустошей и в распашке значительных площадей дворцовой земли для поддержания хозяйственной жизни³³. Используя материалы писцовой книги А.Ф. Елякова 1698 г., автор отмечает сложность устройства корелян в связи с захватом помещиками дворцовых пустошей и частыми побегами поселенцев с дворцовых территорий. Оказалось, что в Ярославском, Углицком, Бежецком и Ново-

²⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп.2. Д. 1451. Л. 33–152 об.

²⁵ Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1450.

²⁶ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3551. Л. 153–234; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 562.

²⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3551. Л. 1–32об.; Л. 235–273 об.

²⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 11461. Л. 1–14.

²⁹ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 190.

³⁰ Там же. С. 190–191.

³¹ Веселовский С.Б. Московское государство: XVI–XVII вв. Из научного наследия. М., 2008. С. 353–379.

³² Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Писцовые и переписные книги как источник изучения хозяйственной деятельности и социального быта крестьян-корелян-переселенцев в Бежецкий Верх в XVII – начале XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат. XXXI межд. науч. конф. М., 2018. С. 93–96.

³³ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 195–195.

торжском уездах до 680 семейств проживали за частными владельцами³⁴.

В итоге Ю.В. Готье обозначил регионы компактного проживания «корелян» – северо-запад Ярославского уезда, Углицкий, Бежецкий и Новоторжский уезды, а также дворцовые села Тверского уезда – Погорелец и Никольский Ладоженский погост и отдельные частновладельческие территории. Обнаружилось и присутствие карел в вотчине Иверского монастыря на территории тогдашнего Клинского уезда (Клинская писцовая книга 1685–1686 гг.)³⁵. Были конкретизированы ареалы карельских дворцовых волостей по уездам: Бежецкий уезд (смежная территория со станами Верховским, полянским и Ясенским); Углицкий уезд (Волость Кесьма по реке Кесьме); Ярославский уезд (Чамеровская волость по правому берегу Мологи от устья Кесьмы до устья Себлы).

На основе материалов переписей 1660-х гг. (О.Н. Лихарева 1668 г. и Д.Г. Тютчева 1669 г.), по мнению Ю.В. Готье, на дворцовых землях северного Замосковья должно было проживать к 1670-м гг. около 16 000 карел обоего пола. Но если добавить проживавших на частновладельческих землях, включая и соседние уезды, то численность карел приближалась к 25–30 тыс. человек. Привлекая материалы Д.Г. Тютчева 1669 г., автор проанализировал обеспеченность «корелян» скотом, что представлено в виде сводной таблицы в опубликованной монографии³⁶.

В советский период первый специальный труд по вопросу переселения карел в пределы Русского государства принадлежит А.С. Жербину. В диссертационном исследовании (1952 г.) и последующей монографии (1956 г.)³⁷ автор анализирует внешнеполитическую ситуацию, основные причины, обусловившие процесс переселения карел и их расселения на территории Московского государства. Автор иллюстрирует негативные аспекты шведской политики, которые побудили основную массу среднеимущих и бедных карельских семей переселяться в пределы Московского государства, выделяет хронологически миграционные потоки, в ходе которых большая часть карельского населения перешла на территории Новгородской земли и Верхневолжья. Автор признает, что наиболее информативной с точки зрения процесса переселения и расселения карел на вышеуказанных территориях является условно именуемая «Переписная книга карел по Бежецкому Верху»³⁸, составленная в 1650–1651 гг.³⁹ Подробного кодикологического описания данного источника – кем была составлена книга, с какой целью – автор не приводит. Краткие сведения представлены в одной из последних публикаций Н.Ю. Болотиной, А.И. Комиссаренко и

³⁴ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 192.

³⁵ Там же. С. 193–194.

³⁶ Там же. С. 313–315.

³⁷ Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 74.

³⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – РНБ). Q.IV.366.

³⁹ Частичная публикация данной книги выполнена В. Салохеймо: SaloheimoVeijo. Bezhetskin ylängön karjala islueettelovuosilta 1650–1651. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. №5. 1992.

А.Ю. Кононовой⁴⁰. По утверждению авторов, данная книга была составлена по наказу из Пушкарского приказа в 1650–1651 гг. по формуляру, отличному от типичных формуляров переписных книг второй половины XVII в. В тексте этой писцовой книги представлены описания землевладений с карельскими выходцами, начиная от времени и места их выхода с оккупированных территорий, заканчивая конечным пунктом проживания на момент составления переписи. На основе изучения этого источника А.с. Жербин делает обзор географии выхода с территории Корельского уезда и представляет общую статистическую картину. По подсчетам автора, в ней учтены 954 семьи, поселившиеся в Бежецком Верхе на частновладельческих землях. Переселенцы происходили практически из всех погостов Корельского уезда – Соломенского, Иломанского, Сердобольского, Кирьяжского, Городенского, Равдужского и др. Активный выход начался с 1617 г., и достиг своего пика в 1630-е гг.⁴¹ В поле зрения А.Н. Жербина находились и общие подворные переписи, в частности, переписная книга Бежецкого Верха 1646 г. Ивана Колычева и Подъячего Якова Федорова, а также ряд переписей, относящихся к периоду 1660-х гг. – 1661 г. Ф. Аксакова⁴², автор упоминает также перепись 1663 г. М. Поленова, которая очень редко фигурирует в работах исследователей и результаты которой практически неизвестны, за исключением единичных упоминаний в наказах к последующим переписям⁴³. Фрагментарно присутствуют отсылки к переписи 1668 г., которая проводилась О. Лихаревым по наказу из Поместного приказа, и переписным книгам 1669 г. Д. Тютчева, в которых дано подробное описание хозяйственной жизни переселенцев⁴⁴. Таким образом, в поле зрения А.С. Жербина был круг источников, уже введённых в научный оборот Ю.В. Готье вначале XX в., но потенциал этих источников был использован не в полной мере. Пользовались Ю.В. Готье и А.С. Жербин, помимо общих подворных переписей, материалами одной и той же подборки копий с писцовых, отписных и вывозных книг дворцовых карельских сел и деревень, которая хранится в Российском государственном архиве древних актов в фонде №396 (Архив Московской Оружейной палаты)⁴⁵.

В последнее десятилетие прослеживается устойчивая тенденция среди исследователей к акцентированию внимания на вопросах социально-экономического и хозяйственного уклада жизни карельских переселенцев. Коллектив исследователей в составе А.И. Комиссаренко, А.Ю. Кононовой и Н.Ю. Болотиной на основе писцовых и селидебных книг карельских дворцовых вотчин, сохранившихся преимущественно в копиях первой половины XVIII в., рассматривают различные аспекты хозяйственной жизни карельских поселенцев на территории дворцовых волостей. Исследователи

⁴⁰ Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю. Указ. соч. С. 93–96.

⁴¹ Жербин А.С. Указ. соч. С. 40.

⁴² РГАДА.Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1451. Л. 151–267 об.

⁴³ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3551. Л. 34.

⁴⁴ Жербин А.С. Указ. соч. С. 74.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551.

анализируют такие показатели, как средняя величина земельного надела для конкретной деревни, численность населения и распределение поселенцев по категориям землевладения, тип семьи.

Авторами изучен целый комплекс уже известных предыдущим исследователям писцовых материалов, составленных Ф.М. Аксаковым в 1661–1662 гг.⁴⁶ (дворцовые земли), в 1665 г.⁴⁷ (вотчинные карельские деревни П.С. и Б.С. Прозоровских); материалы селидебной деятельности О.Н. Лихарева и подьячего Ф. Космынина 1668 г.⁴⁸; дозорные и переписные книги карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха Д.Г. Тютчева 1669 – 1670 гг.⁴⁹; переписи И.И. Тютчева и подьячего И. Соколова 1686 г.⁵⁰; переписные книги путного ключника А.Ф. Елякова и подьячего Болтунова 1698 г.⁵¹ и И.И. Сумарокова 1702 г.⁵² Особенностью писцовых описаний карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха, проведённых в 1665, 1669–1670, 1686 и 1698 гг., являлась фиксация сведений о земельных угодьях, в том числе пахотных землях, находившихся в пользовании каждой карельской деревни⁵³.

Авторы представляют краткий источниковедческий анализ указанных источников, иллюстрируют процесс фиксации корелян на местах, а также сопоставляют существующие списки указанных источников, так как почти все из вышеназванных «специальных» переписей корелян сохранились только в копиях первой половины XVIII в. На основе представленных описаний авторы исследуют пути формирования карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха, определяют среднюю величину крестьянского надела в карельских дворцовых волостях и численность населения.

Переписная книга 1686 г., которая содержит описание Чамеровской дворцовой карельской волости⁵⁴, отличается от традиционного формуляра переписной книги второй половины XVII в. тем, что в ней содержится не только описание тяглых дворов и населения мужского пола, но и сведения о земельных угодьях и церквях, расположенных в трёх карельских дворцовых сёлах⁵⁵. Авторы проанализировали и ввели в научный оборот описания

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1451. Л. 151–267 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3551. Л. 353–369 об.

⁴⁸ Там же. Л. 370–385 об.

⁴⁹ Там же. Л. 33–152 об.; Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1451. Л. 347–423 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1450. Л. 288–341.

⁵¹ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3551. Л. 1–32 об.; Л. 235–273 об.

⁵² Там же. Л. 274–341.

⁵³ Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Сведения о пахотных землях карельских дворцовых крестьян в писцовых книгах карельских дворцовых вотчин во второй половине XVII в. // Русь, Россия: Средневековые и Новое время. 2013. №3. С. 380–381.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1450. Л. 288–341.

⁵⁵ Комисаренко А.И., Болотина Н.Ю., Кононова А.Ю. Писцовая книга карельских дворцовых вотчин Бежецкого и Ярославского уездов стольника И. И. Тютчева и подьячего И. Соколова 1686 г. как источник изучения истории церквей в карельских дворцовых поселениях и их приходов // Актуальные проблемы изучения и сохранения ар-

трёх приходских церквей: Божьей Матери Казанской и Воскресенской в с. Чамерово, Покрова Богородицы и св. Ильи Пророка в с. Чистая Дуброва, св. Николая Чудотворца в селе Пожары⁵⁶. В статье приводятся данные о первоначальных строениях, особенностях церковной архитектуры, традиционной церковной утвари, духовной литературы, одежды духовенства. Параллельно авторы сравнивают полученные данные с информацией из книги В. Хорошего и подьячего И. Павлова 1678 гг.⁵⁷ Особое внимание удалено расчёту средней величины пашенного надела для корелян, проживающих на территории вышеуказанных приходов. По данным авторов, земельный надел в данном регионе варьировался от 8,85 до 20,5 десятин в трёх полях⁵⁸.

Подробная статистика, отражающая общую величину земельного надела карельских крестьян в конкретном поселении и среднюю величину надела на один двор, представлена авторами для пяти карельских деревень на основе данных писцовой книги А.Ф. Елякова 1698 г., в которой наиболее полно отражаются характеристики земельного надела и пользования. Согласно подсчётом авторов, в среднем на один крестьянский карельский двор в Кесемской волости приходилось от 5,5 до 13,6 десятин, что превышало среднюю величину крестьянского надела в соседних уездах, в частности, в Вологодском⁵⁹.

На основе двух «свывозных и селитебных» книг карельских крестьян, составленных стольником И.И. Сумароковым в октябре 1702 г. – январе 1703 гг., сохранившихся в копиях⁶⁰, исследователями были изучены данные, относящиеся к 14 семьям карельских крестьян, посёлённых на пустошах Кесемской волости Угличского⁶¹ уезда в июне 1701 г., и к 52 семьям карельских крестьян, посёлённым на дворцовых пустошах Городецкого (Бежецкого) уезда в июне 1701 – сентябре 1702 г.⁶² Эти описания включают сведения о запасах зерна и поголовье скота, принадлежавших семье ко времени опи-

---

хитектурно-градостроительного наследия исторических поселений. М., 2016. С. 229–235.

⁵⁶ Там же. С. 231.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1450.

⁵⁸ Комисаренко А.И., Болотина Н.Ю., Кононова А.Ю. Писцовая книга карельских дворцовых вотчин ... С. 235.

⁵⁹ Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Сведения о пахотных землях карельских дворцовых крестьян... С. 384–386.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3551. Л.274–341 об.

⁶¹ Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Хозяйство карельских дворцовых крестьян в начале XVIII в. (по данным «свывозной и селитебной» книги стольника И. И. Сумарокова 1702 г.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 374.

⁶² Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Природно-географический фактор развития хозяйственной деятельности крестьян-корелян в Бежецком и Новоторжском уездах во второй половине XVII – начале XVIII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 374–380.

сания И.И. Сумарокова⁶³. Анализ хозяйства карельских крестьян начала XVIII в. позволяет определить их отраслевую специализацию (преимущественно животноводство) и несомненную связь с внутренним рынком северо-западного региона России⁶⁴. Итогом многолетнего проекта коллектива авторов стала публикация⁶⁵ писцовых книг стольника Ф.М. Аксакова и московского дворянина Д.Г. Тютчева 1661–1670 гг., что стало весомым вкладом в историю изучения вопросов, связанных с переселением корелян.

Данные статистики о карелах-переселенцах из материалов архива Кирилло-Белозерского монастыря важны для проведения сравнительного анализа положения карельских выходцев на землях Бежецкого Верха и Белозерья. По замечанию З.В. Дмитриевой, здесь карелы появились ещё в 1620-е гг.⁶⁶, в то время как описание Бежецкого уезда 1627–1629 гг. Д.П. Свечина и подьячего Ф. Второва не содержат данных о корелянах⁶⁷. З.В. Дмитриева приводит ценные выдержки из «переписных карельских книг» 1651 г., сравнивает состав семей на территории Белозерья и Бежецкого Верха, сопоставляя с данными общих подворных переписей 1646 г. Большое внимание автор уделяет вытной переписной книге келаря Кирилло-Белозерского монастыря М. Никифорова 1665 г.⁶⁸. В переписи указаны даты прихода карел в Кирилло-Белозерский монастырь и названы деревни, в которых они или их отцы жили раньше и были записаны в писцовой книге 1626–1627 гг. и в переписной 1646 г. При описании карельских дворов фиксировался оброк, который они платили в монастырь⁶⁹.

Исследования профессора университета Восточной Финляндии В. Салохеймо широко известны в отечественной историографии карельской миграции в XVII в. В 1972 г. В. Салохеймо работал с переписной книгой Бежецкого Верха 1650/1651 г. с помощью И.П. Шаскольского. По подсчётом автора, в рукописи содержится описание примерно 1200 семей, переселившихся из Кексгольмского лена в Бежецкий Верх. Итогом изучения рукописи стала её

⁶³ Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Природно-географический фактор... С. 377–380.

⁶⁴ Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Хозяйство карельских дворцовых крестьян в начале XVIII в. ... С.378.

⁶⁵ Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Тверского края второй половины XVII в. Писцовые книги стольника Ф.М. Аксакова и московского дворянина Д.Г. Тютчева 1661–1670 гг. / Сост. А.И. Комисаренко, Н.Ю. Болотина, А.Ю. Кононова. М.; СПб., 2018.

⁶⁶ Дмитриева З.В. «Корельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Краеведческий альманах / Гл. ред. Ф. Я. Коновалов. Вологда, 2003. Вып. 5.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1209, Оп. 1. Д. 24.

⁶⁸ Дмитриева З.В. Вытная книга келаря Кирилло-Белозерского монастыря Матфея Никифорова 1665 года // Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 371 –378.

⁶⁹ Дмитриева З.В. «Корельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке...

публикация в 1992 г. на финском языке в авторской переработке⁷⁰. Публикация снабжена ссылками на иные архивные документы, в частности, на книгу Кексгольмского лена 1637 г.⁷¹ и росписи перебежчиков 1647 г.⁷²

Труды А.А. Селина в области изучения русско-шведского приграничья напрямую затрагивают вопрос о перебежчиках. Автор упоминает об аналогичной по содержанию книге 1650/1651 гг., которая составлялась в 1649/1650 г. в Пскове и Псковском уезде с целью сыска и переписи бывших шведских подданных (в Пскове, Гдове и Изборске с уездами в 1649/1650 гг. было найдено 442 перебежчика в 91 дворе)⁷³.

Серия работ И.А. Черняковой посвящена социальной истории населения Карелии в XVI–XIX вв. Автор выявила в материалах переписей данные о «корельских выходцах» в Олонецком крае и подтвердила вывод А.С. Жербина о том, что основной поток переселенцев шёл через олонецкие земли. Также были выделены два потока миграции: в Заонежье и в направлении Новгорода⁷⁴. В работе, посвящённой генеалогии карельских семей XVI–XVIII вв., И.А. Чернякова рассматривает переселения в Бежецкий Верх, отмечая их широкий масштаб на российскую сторону из Приладожья с появлением там шведских землевладельцев в 1650-х гг.⁷⁵ И.А. Чернякова также привлекала материалы переписной книги 1650/1651 гг. в рамках имущественной характеристики «корельских выходцев», переселившихся на территорию Олонецкого края (систематизированы данные о 229 семьях, выделены категории описываемого имущества).

Представленный анализ историографии свидетельствует о том, в последнее десятилетие интерес к материалам писцового дела – источникам по истории переселения «корелян» – в научном сообществе значительно увеличился, о чём свидетельствует появление новых публикаций, в которых представлена тщательная работа с архивными документами XVII – начала XVIII в. Материалы писцового дела являются важными источниками для изучения расселения и хозяйства «зарубежных выходцев», оценки их численности на разных этапах переселения. Материалы переписей поместных, вотчинных и монастырских земель детально не рассматривались. В основ-

⁷⁰ SaloheimoVeijo Bezhetskin ylängön karjala islueettelovuosilta 1650–1651. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslai-toksen monisteita. №5. 1992.

⁷¹ Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. // История Карелии XVI – XVII вв. в документах / Ред. И.А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КНЦ РАН, 1991. Т. 2: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta.

⁷² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8.

⁷³ Селин А.А. Русско-шведская граница 1617–1700 гг. Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб., 2016. С. 267.

⁷⁴ Чернякова И.А. «Корельские выходцы» в Олонецкой деревне // Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 251.

⁷⁵ Чернякова И.А. Генеалогический этюд: что могут поведать налоговые документы XVI – XVII вв. исследователю фамильной истории? // CARELiCA: научный электронный журнал. Петрозаводск, 2020. № 1. С. 124–126. [Электронный ресурс]. URL: http://carelica.petrsu.ru/2020_1/Chernyakova.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

ном исследователи, начиная с 1900-х гг. и по настоящее время, оперировали одним и те же кругом источников – переписной книгой Бежецкого Верха 1650/1651 гг., материалами писцовых кампаний 1660-х гг.

Представляется перспективным дальнейший анализ не введённых в научный оборот материалов писцового дела из фондов Российского государственного архива древних актов. Прежде всего это материалы переписей карельских дворцовых волостей, сформировавшихся на территории Бежецкой и Деревской пятин Новгородской земли⁷⁶, а также дворцовых, поместных и вотчинных земель Бежецкого⁷⁷, Новоторжского⁷⁸ и Тверского⁷⁹ уездов, которые в историографии представлены крайне фрагментарно. Ряд переписей Бежецкого и Тверского уездов 1640-х и 1670-х гг. недавно был привлечен для анализа расселения и демографии корелян на соответствующих территориях⁸⁰. К настоящему моменту абсолютно не исследованными остаётся и ряд «специальных» переписей корелян, в частности, материалы, относящиеся к 70-м и 80-м годам XVII в.

Применение информационных технологий (баз данных и геоинформационных систем) в систематизации данных переписей позволит создать информационные ресурсы по теме размещения, численности и социально-экономического развития населения, вышедшего «из-за шведского рубежа» после русско-шведских войн конца XVI– первой половины XVII в.

Список литературы:

1. Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Сведения о пахотных землях карельских дворцовых крестьян в писцовых книгах карельских дворцовых вотчин во второй половине XVII в. // Русь, Россия: Средневековые и Новое время. 2013. №3. С. 380–381.
2. Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю. Писцовые и переписные книги как источник изучения хозяйственной деятельности и социального быта крестьян-корелян-переселенцев в Бежецкий Верх в XVII– начале XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: мат. XXXI межд. науч. конф. М., 2018. С. 93–96.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч.1. Д.986. Л. 1–186.

⁷⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч.5. Д. 3551.

⁷⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ч.2. Д. 11461. Л. 1–74.

⁷⁹ Там же. Д. 878. Лл. 1–55.

⁸⁰ Савинова А.И., Степанова Ю.В. Расселение Тверских карел в XVII–XIX вв: опыт изучения с применением ГИС-технологий // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 7 (61) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001952-6-1> (дата обращения: 31.01.2024). DOI: 10.18254/S0001952-6-1; Степанова Ю.В., Савинова А.И. Расселение карел в Верхневолжье в середине - второй половине XVII в.: опыт изучения с применением гис-технологий // Историческая информатика. 2018. № 4. С. 57–72. DOI: 10.7256/2585-7797.2018.4.28508 URL: https://nbpublish.com/library/read_article.php?id=28508

3. Дмитриева З.В. «Корельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда. 2003. Вып. 5.
4. Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1956.
5. Комисаренко А.И., Болотина Н.Ю., Кононова А.Ю. Писцовая книга карельских дворцовых вотчин Бежецкого и Ярославского уездов стольника И. И. Тютчева и подьячего И. Соколова 1686 г. как источник изучения истории церквей в карельских дворцовых поселениях и их приходов // Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений. М., 2016. С. 229–235.
6. Селин А.А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. исторические очерки. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2016.
7. Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017.
8. Saloheimo Veijo. Entisen esivallan alle, uusille elosijoille. Tampereen yliopiston painaino, 2010.

Об авторе:

САВИНОВА Анна Игоревна – лаборант, Управление научных исследований, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, Россия, г. Тверь, ул. Студенческий переулок, 12), e-mail: nuta_savinova@mail.ru

SCRIBAL MATERIALS IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE SETTLEMENT OF “KORELIANS” IN THE UPPER VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY

A.I. Savinova

Tver State University, Tver', Russia

The article discusses the historiography of the study of migration of “Korelians” from the territory of Korelsky district and Zaonezhye to the lands of the central part of the Russian state in the 17th century. The author shows that the data from the general household census of the Bezhetsk district of 1646, the census book of the Bezhetsk Verkh of 1650/1651. and censuses of palace volosts in the Upper Volga region in the 1660s and 1680/1690s. were used to study demographic indicators, the number of migrants and mapping migration routes and localization of settlements with “foreign immigrants”. The materials from registration, residential, date books and other scribal documentation of the Karelian palace volosts were used to study the socio-economic characteristics. A significant layer of scribal descriptions of local, patrimonial and monastic lands of the Be-

zhetsky Verkh and the districts of the Tver Upper Volga region, inhabited by “Korelians”, remains insufficiently studied and not introduced into scientific circulation.

Keywords: «*korelians*», «*foreign immigrants*», *scribal materials*, *BezhetskyVerkh, Karelian palace volost’*.

About the author:

SAVINOVA Anna Igorevna – Laboratory Assistant-researcher, Department of Scientific Research, Tver State University (170100, Russia, Tver, Studencheskij Lane, 12), e-mail: nuta_savinova@mail.ru

References:

- Bolotina N. Yu., Komisarenko A. I., Kononova A. Yu., *Svedeniya o pahotnyh zemlyah karel'skih dvorcovyh krest'yan v piscovyh knigah karel'skih dvorcovyh votchin vo vtoroj polovine XVII v.*, Rus', Rossiya: Srednevekov'e Novoe vremya, 2013, №3, S. 380–381.
- Bolotina N. Yu., Komisarenko A. I., Kononova A. Yu., *Piscovye i perepisnye knigi kak istochnik izucheniya hozyajstvennoj deyatel'nosti i social'nogo byta krest'yan-korelyan-pereselencev v Bezheckij Verh v XVII – nachale XVIII v.*, Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii: mat. XXXI mezhd. nauch. konf., M., 2018, S. 93–96.
- Dmitrieva Z.V., «*Korel'skie vyhodcy*» na zemlyah Kirillo-Belozerskogo monastyrya v XVII veke, Kirillov. Kraevedcheskij al'manah, Vologda, 2003, Vyp. 5.
- Zherbin A.S., *Pereselenie karel v Rossiyu v XVII veke*, Petrozavodsk, Gosizdat KFSSR, 1956.
- Komisarenko A. I., Bolotina N. Yu., Kononova A. Yu., *Piscovaya kniga karel'skih dvorcovyh votchin Bezheckogo i YAroslavskogo uezdov stol'nika I.I. Tyutcheva i pod'yachego I. Sokolova 1686 g. kak istochnik izucheniya istorii cerkvej v karel'skih dvorcovyh poseleniyah i ihprikhodov*, Aktual'nye problem izucheniya i sohraneniya arhitekturno-gradostroitel'nogo naslediya istoricheskikh poselenij, M., 2016, S. 229–235.
- Selin A.A., *Russko-shvedskaya granica (1617 – 1700 gg.). Formirovanie, funkcionirovanie, nasledie. Istoricheskie ocherki*, SPb., Russko-Baltijskij informacionnyj centr «Blic», 2016.
- Frolov A.A., *Novgorodskie piscovye knigi: istochni i imetody issledovaniya*, M., SPb., Al'yans-Arheo, 2017.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47)"18/19"+281.93
DOI 10.26456/vthistory/2024.1.062–074

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹

Н.А. Козлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье представлен обзор историографии, характеризующей материальное положение Русской православной церкви (РПЦ) во второй половине XIX – начале XX в. Отмечается наличие в научной литературе тезиса о состоятельности монашества и материальной необеспеченности приходского духовенства, а также попытки отдельных авторов внедрить новые подходы к изучению данной темы. Анализ привлеченных текстов показал частичную изученность состояния хозяйства архиерейских домов, некоторых категорий духовенства. Делается вывод о недостаточной обоснованности существующих в историографии генерализаций относительно материального положения и состояния хозяйства РПЦ и необходимости изучения духовенства как неоднородной по своим экономическим показателям общности прежде всего на региональных материалах.

Ключевые слова: Русская православная церковь, материальное положение, историография, приходское духовенство, монашество.

Осмысление роли Русской православной церкви в преобразованиях российского общества второй половины XIX – начала XX в. неизменно сохраняет значимость для современных исследователей. Авторитет и значение церкви в Российской империи не позволяют игнорировать её деятельность в общественно-политическом, экономическом и культурном пространстве изучаемого периода. В этой связи изучение материального положения церкви, в частности, обеспеченности духовенства, позволит определить возможности воздействия церкви на общество в изучаемый период.

Материальное положение церкви во второй половине XIX – начале XX в. неоднократно оказывалось в поле внимания не только исследовате-

---

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Тверского государственного университета Т.Г. Леонтьева.

лей, но и выходцев из церковной среды. Одним из первых на эту проблему применительно к сельскому духовенству обратил внимание священник Тверской епархии И.С. Белюстин. Знакомый с реалиями приходской жизни, автор подверг серьёзной критике устоявшиеся на тот момент основные способы материального обеспечения духовенства – плата от прихожан за проведение треб и доход от обработки церковной земли. По мнению священника, наличие денежных отношений между настоятелями приходов и прихожанами негативно сказывалось на восприятии паствой представителей духовенства, лишая последних рычагов нравственного воздействия². При этом занятие сельским хозяйством, предоставляя духовенству средства к существованию, отдаляло его от духовного служения, ухудшало качество проводимых треб, способствовало упадку умственной деятельности и развитию пьянства³. И.С. Белюстин полагал, что способ улучшения как материального положения, так и морального облика духовенства состоит в его переводе на казённый оклад и в освобождении от необходимости работы на земле⁴.

Дальнейшее развитие темы связано с деятельностью профессора Санкт-Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславова. Он обозначил устойчивое в последующей историографии противопоставление состоятельного монашества и бедного приходского духовенства. Автор не был склонен преувеличивать бедственное состояние последнего: по его мнению, наибольший ущерб духовенству наносила не скудость средств, а оскорбительные и мелочные для статуса способы их добычи⁵.

Среди причин материальной необеспеченности клира Д.И. Ростиславов выделял, помимо низких доходов, также обремененность различными сборами в пользу вышестоящих чинов, отсутствие достаточного жалования и пенсионного обеспечения. Автором были высказаны различные соображения по улучшению положения приходского духовенства, в частности, введение твердых окладов⁶. Разрешая антагонизм между белым и черным духовенством, Ростиславов выступал за перераспределение монастырских средств на нужды всей церкви, включая приходское духовенство⁷.

Дореволюционные работы по изучаемому вопросу в целом оказывались схожи с позицией И.С. Белюстина и Д.И. Ростиславова. Недостаточную материальную обеспеченность приходов отмечал профессор Казанской духовной академии П.В. Знаменский. Позитивно оценивая правитель-

² Белюстин И.С. Описание сельского духовенства. Берлин; Париж; Лондон, 1858. С. 69–70.

³ Там же. С. 73–74.

⁴ Там же. С. 72, 80.

⁵ Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866. Т. 1. С. 5–7; *Он же*. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876. С. 3–4.

⁶ Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866. Т. 2. С. 592, 602–603, 614–615.

⁷ Там же. С. 666–667, 671–672; *Он же*. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876. С. 385.

ственные меры по её усилению, он выступал за широкое участие в финансировании духовенства приходских попечительств⁸.

С неодобрением государственных мероприятий по сокращению числа приходов ввиду необходимости дотаций клиру высказывался государственный деятель и церковный писатель А.Н. Муравьев, отмечавший, что многие священники со своими семьями из-за этих мер лишились средств к существованию⁹.

Материальная обеспеченность архиерейских домов и приходского духовенства отражена в труде известного историка церкви А.П. Доброклонского. Отмечая улучшение положения приходского духовенства, он связывал его с мерами государственной поддержки, а дефицит средств в семьях духовных лиц объяснял возрастающими бытовыми запросами¹⁰.

Схожее мнение высказывалось преподавателем Таврической духовной семинарии Н.П. Руновским, отмечавшим определенные позитивные сдвиги наряду острой нуждой¹¹.

Акцентируя внимание на существенном экономическом неравенстве между приходским духовенством и монашествующими, со своими предшественниками был солидарен земский статистик и член партии эсеров В.А. Кильчевский. Неверная и часто намеренно вводящая в заблуждение церковная финансовая отчетность не позволила автору в полной мере отразить материальную обеспеченность церквей и монастырей. Вместе с тем он напоминал об обязанности приходов отчислять средства на епархиальные нужды, что вынуждало настоятелей утаивать реальный размер доходов. Напротив, в отношении монастырских хозяйств и архиерейских домов автор указывал на наличие значительных финансовых средств¹².

Относительно способов изыскания средств улучшения экономического состояния духовенства в дореволюционной историографии отсутствует единогласие. Сторонником увеличения имущества церкви был правозащитник и богослов Н.Д. Кузнецов. При этом он решительно выступал против отчуждения монастырской собственности, доказывая пагубность данной меры для интересов страны¹³.

О непростом положении приходского духовенства говорилось вплоть до начала ХХ в. Так, священник А.К. Рождественский отмечал, что материальная необеспеченность, унижающие сан способы изыскания средств

⁸ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 849–850.

⁹ Муравьев А.Н. Записка А.Н. Муравьева о нуждах православной церкви в России // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1883. Вып. 3–4. С. 185–187.

¹⁰ Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской церкви. М., 2001. С. 544–548, 575–577.

¹¹ Руновский Н.П. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898. С. 287–288, 332.

¹² Кильчевский В.А. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908. С. 23–25, 38, 41–43.

¹³ Кузнецов Н.Д. К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России. Сергиев Посад, 1907. С. 141–142.

сужают круг обязанностей, которые священнослужители имеют возможность добросовестно исполнять, лишают их творческих сил, приводят к оттоку наиболее талантливых молодых людей из среды духовенства¹⁴.

Помимо указаний на материальную необеспеченность приходского духовенства в сравнении с монашеством, дореволюционная историография также включает ряд важных обобщающих трудов. Все действовавшие к концу XIX в. законодательные нормы, определявшие существование церкви, в том числе и по хозяйственным вопросам, были собраны И. Л. Чижевским¹⁵. Описание действовавших в середине XIX в. монастырей осуществил А. Ратшин¹⁶, а для начала XX в. – Л.И. Денисов¹⁷. Преобразования отдельных обителей были изучены В.В. Зверинским¹⁸. Землевладение церквей и монастырей в начале XX в. было рассчитано Н.А. Любинецким¹⁹. Отдельные статистические сведения о материальном положении церкви отражены в работе С.Г. Рункевича²⁰.

Таким образом, основными достижениями дореволюционной историографии в изучении темы стали первоначальное накопление фактического материала, а также обозначение различий в материальных условиях существования, с одной стороны, бедного приходского духовенства, с другой – обеспеченного монашества и архиерейских домов. При этом разработку темы зачастую осуществляли не профессиональные историки, а близкие к затрагиваемым вопросам священнослужители, преподаватели духовных учебных заведений, государственные и земские деятели. Вместе с описанием материального положения церкви авторы нередко предлагали собственные замечания по улучшению финансового положения духовенства²¹. Обращение исследователей к проблемам «своего» времени, яркая и нередко

¹⁴ Рождественский А.К. Улучшение положения пастыря как одно из главнейших средств к оживлению приходской жизни // Богословский вестник. 1908. Т. 3. № 11. С. 382–384.

¹⁵ Чижевский И. Устройство Православной Российской Церкви. Ее учреждения и действующие узаконения по ее управлению. Харьков, 1898.

¹⁶ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852.

¹⁷ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М., 1908.

¹⁸ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: с библиогр. указ. В 3-х т. СПб., 1890. Т. 1. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–95 по 1 июля 1890 год.

¹⁹ Любинецкий Н.А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. В 4-х ч. СПб., 1900. Ч. 1.

²⁰ Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке: исторические наброски С. Г. Рункевича. СПб., 1901.

²¹ Ср.: Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866. Т. 2. С. 672–673; Знаменский П. В. Указ. соч. С. 850; Кузнецов Н. Д. Указ. соч. С. 142.

обличительная манера письма²² сближают работы дореволюционного периода с публицистическим жанром.

В советской исторической науке широкое распространение получило представление о финансовой состоятельности церкви и духовенства исследуемого периода. Так, Н.М. Никольский рассматривал церковь как «паразитический» институт, не способный к эффективному экономическому развитию и питавшийся за счет дотаций из казны и сборов с верующих. Несмотря на признание крайне неравномерного распределения доходов между отдельными категориями духовенства (сосредоточение церковных богатств в руках архиерейских домов и монастырских хозяйств), автор критически настроен и в отношении приходского духовенства. Невзирая на обозначаемые бытовые трудности клира, его представители, согласно позиции Н.М. Никольского, наряду с высшим епископатом участвовали в присвоении результатов трудовой деятельности народа²³.

Новшеством советской исторической науки в данном вопросе стало скрупулёзное исследование имущества и системы хозяйствования монастырей накануне национализации советским правительством. Поскольку после прихода к власти большевиков ранее скрытые сведения о монастырском землевладении стали доступны для изучения, возникла возможность пересмотреть характеристики церковного хозяйства. Так, В.Ф. Зыбковец описывает внушительный фундамент экономического благополучия монастырских комплексов, включавший значительные земельные угодья, обрабатываемые послушниками и богоомольцами, сдаваемые в аренду, многочисленные промышленные и торговые предприятия, средства, выраженные в ценных бумагах и культовых предметах²⁴.

Однако, несмотря на расширение источников базы темы, вовлеченной в научный оборот, основные тезисы отечественной историографии относительно экономического положения церкви в изучаемый период оставались неизменны вплоть до распада СССР. Их ярким выразителем был Я.Е. Водарский, который утверждал, что, вопреки наличию монастырей без крупных земельных владений, церковь в целом за счёт масс верующих и поддержки государства скопила колоссальные богатства. При этом не все монастыри занимались благотворительностью; содержание послушников оставляло желать лучшего²⁵.

Параллельно с советской исторической наукой в трудах зарубежных исследователей получила распространение иная точка зрения на материальное благополучие церкви. Весьма сдержанно оценивал материальную обеспеченность приходского духовенства И.К. Смолич. Указывая на ряд

²² См., например: Белюстин И.С. Указ. соч. С. 145.

²³ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 2004. С. 477–480.

²⁴ См. подробнее: Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М., 1975. С. 28–44.

²⁵ Водарский Я.Е. Землевладение православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI– начало XX в.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 560–561.

конкретных шагов правительства в улучшении положения клира (прямое субсидирование, наделение землей, частичное введение пенсионного обеспечения), он указывал на различия по отдельным епархиям. Во многих из них семьи священнослужителей продолжали бедствовать наряду с крестьянством, что препятствовало достойному исполнению пастырского служения²⁶.

Согласно позиции американского историка Г.Л. Фриза, «экономическая несамостоятельность и невысокие доходы духовенства напрямую определяли его низкий социальный статус»²⁷. Среди причин материальной необеспеченности исследователь, помимо обозначенных в историографии ранее, указывает наличие женатых священников и церковнослужителей, что вводило в смету расходов прихода содержание их семей. Фриз отмечает больший по сравнению со странами Европы размер приходского штата, что определялось обычаями и необходимостью поддерживать высокий эстетический уровень литургии²⁸.

Недостаточный уровень государственного финансирования духовенства автор объясняет кризисными явлениями в российской экономике: правительство выражало заинтересованность в улучшении положения священников, однако зачастую не имело средств для покрытия собственных нужд, таких как содержание армии и чиновничего аппарата²⁹. Г.Л. Фриз весьма пессимистично оценивает результаты реформ, направленных на улучшение материального состояния приходов, указывая на бедность и незаинтересованность земских учреждений в поддержке духовенства³⁰. Следствием сохранявшегося экономического неблагополучия священников, по мнению исследователя, стала их частичная радикализация, уход в оппозицию к царской власти, в то время как значительная доля духовенства во время последовавших революционных событий демонстрировала пассивность или же симпатию по отношению к противникам царской власти³¹.

Изложенная Г.Л. Фризом картина положения духовенства была дополнена другими зарубежными исследователями. В частности, канадский историк Д.В. Поспеловский отмечал недостаточный размер дотаций духовенству со стороны государства, сохранивший порочную практику плат за трябы, скучное финансирование церковно-приходских школ. Совокупно экономические и иные причины (ограничение доступа семинаристам в университеты, отклонение назревших церковных преобразований и пр.)

²⁶ См. подробнее: Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917. В 2-хч. М., 1997. Ч. 1. С. 357–365.

²⁷ Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia: Crisis, Reform and Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 61.

²⁸ Ibid. P. 459.

²⁹ Ibid. P. 461.

³⁰ Ibid. P. 303, 305.

³¹ Ibid. P. 470.

привели, по мнению автора, как к ослаблению института церкви, так и её отстранённости от решения проблем самодержавия³².

В постсоветской историографии вопросы экономического благополучия стали увязывать с религиозно-этическими основами хозяйственной деятельности церкви³³. Попытку синтеза исследовательских взглядов о богатом и бедном духовенстве осуществил В.В. Морозан. Отмечая наличие значительной земельной собственности, сосредоточенной в руках совокупно как монастырей, так и приходов, он обращает внимание на определённые различия в экономическом статусе между отдельными монастырями, мужскими и женскими, древними и вновь образованными обителями, а также между приходами. Указывая на земельную собственность в качестве основного источника церковных доходов, В.В. Морозан заявляет о преимущественно неэффективном характере её использования, а также приводит целый ряд иных форм материальной поддержки (прямые дотации из казны, ружные сборы, продажа свечей, банковские вклады, доходные дома и др.), которые, в зависимости от внешних условий, могли приобретать главенствующее значение³⁴.

Отказ от одностороннего взгляда на монастырские хозяйства как по-головно состоятельные наблюдается в труде П.Н. Зырянова. Признавая незначительность государственных субсидий монастырям и доходов из иных источников, он обращает внимание на неравномерность распределения богатств, обусловленную разным количеством и качеством монастырской земли, наличием или отсутствием производственных предприятий, щедрых благодетелей³⁵. Как резюмирует автор, «богатые монастыри продолжали богатеть, а бедные по-прежнему едва сводили концы с концами»³⁶.

Зачастую экономическое положение духовенства в постсоветской историографии рассматривается не как самостоятельная проблема, а в контексте ряда смежных тем. Так, для Т.А. Бернштам и Ю.И. Белоноговой вопрос материального обеспечения церкви оказывается сопряжен с выстраи-

³² Постполовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 22–23.
³⁴.

³³ Писемский В.А., Калаинов Ю.Н. Православие и духовный тип российского предпринимателя // Из истории экономической мысли и народного хозяйства в России: в 2 ч. М., 1993. Ч. 2. С. 342–350; Холодков В. Православные традиции в российском землевладении // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 97–105; Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2. С. 54–96; Она же. Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 55–70; Зарубина Н.Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 100–112.

³⁴ См. подробнее: Морозан В.В. Экономическое положение Русской православной церкви в конце XIX – начале XX в. // Нестор. 2000. № 1. С. 311–330.

³⁵ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX — начале XX века // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 315–319.

³⁶ Там же. С. 320.

ванием взаимоотношений между приходским духовенством и крестьянской средой³⁷.

С.В. Римский включал проблему экономического положения духовенства в рамки государственно-церковных отношений, подчеркивая стремление православного государства накрепко связать судьбы духовенства с бюрократической машиной³⁸. В этой связи весьма примечательно утверждение А.Г. Фирсова, что государство материально обеспечивало лишь те сферы деятельности церкви, которые служили его непосредственной пользе³⁹. Б.А. Ершов обратил внимание, что за деятельностью государственного аппарата по обустройству жизни духовенства стоит стремление силами священства решать собственные задачи; вместе с тем автором признается, что правительство было далеко до полного перевода духовенства на казенное жалование, и священники продолжали зависеть от сборов с прихожан и обработки земли⁴⁰.

Т.Г. Леонтьева рассматривает материальную обеспеченность приходского духовенства в контексте модернизационных процессов в России, способности церкви приспособиться к новым экономическим реалиям, а также успешно выполнять известные идеологические функции. Автор указывает на бедность клира, постоянное стремление государства сэкономить на церкви, переложить проблему ее финансирования на плечи паствы⁴¹.

В модернизационном ключе исследует экономический статус духовенства и А. И. Конюченко, однако для него представляются абсурдными требования к священнику приспособить свою хозяйственную жизнь под новые реалии, равно как и прививать новые ценности прихожанам. Состоятельность приходского духовенства, вслед за дореволюционными авторами, он оценивает с учетом епархиальной и приходской специфики⁴².

Весьма оригинально к разрешению проблемы материального положения духовенства подошёл Б.Н. Миронов в рамках описания сословной динамики в Российской империи. Опираясь на статистические данные нескольких епархий, он провел расчет соотношения отдельных категорий духовенства по уровню доходов и на основе полученных данных пришёл к

³⁷ Ср.: *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2007; *Белонорова Ю.И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010.

³⁸ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 560–567.

³⁹ Фирсов А.Г. Государственное финансирование Православной церкви в России в период «Великих реформ» // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. № 17. С. 321–324.

⁴⁰ Ершов Б.А. Социально-экономическое положение Русской православной церкви в структуре государственного управления в губерниях Центрального Черноземья в XIX – начале XX вв.: состояние и проблемы. Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Т. 8. № 4. С. 107–110.

⁴¹ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 25–32.

⁴² Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2006. С. 202–203.

заключению, что неравенство внутри духовенства носило умеренный характер и имело тенденцию к снижению⁴³.

По ряду причин следует относиться к исследовательским выводам с весомой долей скептицизма. Во-первых, автор ещё до начала проведения расчётов исключил из поля зрения монашествующих, поскольку отсутствие в их среде системы наследования должностей противоречило авторской концепции сословия; во-вторых, Б.Н. Миронов осуществлял расчёты с помощью коэффициента Джини, который не способен учитывать все статьи церковных доходов, зачастую не фиксировавшиеся на бумаге и нередко носившие натуральный характер (например, продукты сельского хозяйства); в-третьих, необоснованной представляется попытка осуществить генерализацию по всему духовенству Российской империи, используя лишь отдельные материалы по трём епархиям⁴⁴.

В работах последнего времени заметна тенденция возвращения к изучению материального положения церкви как самостоятельной исследовательской проблемы, но выводы во многом повторяют тезисы дореволюционной историографии⁴⁵.

Анализ изученной литературы показывает, что при обилии научных трудов, затрагивающих материальное положение Русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX в., тема нуждается в дальнейшей разработке засчет включения в диапазон исследований экономического положения архиерейских домов и монастырских хозяйств, а также таких категорий духовенства как военное и придворное. Наряду с имеющимися новые данные позволят создать более точное представление об экономическом положении православной церкви и духовенства в рассматриваемый период.

Список литературы:

1. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М.: ПСТГУ, 2010. — 176 с.
2. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: СПбГУ, 2007. — 413 с.

⁴³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. Т. 1. С. 109–110.

⁴⁴ Там же. С. 98–99, 108.

⁴⁵ Ashmarov I.A., Ershov B.A., Bulavin R.V. [etc.]. The Material and Financial Situation of the Russian Orthodox Church in the XIX - Early XX Centuries // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2018. Vol. 138. P. 149–158; Иконников С.А. «Это доброе вовсе не к рукам»: церковная земля как источник материального обеспечения приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX — начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 81. С. 33; Кошелев В.Е. Бюджеты церквей Орловско-Севской епархии второй половины XIX в. в контексте государственной политики по улучшению материального положения приходского духовенства // Церковь. Богословие. История. 2022. № 3. С. 43.

3. Водарский Я.Е. Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI — начало XX в.) // Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. С. 501–561.
4. Еришов Б.А. Социально-экономическое положение Русской православной церкви в структуре государственного управления в губерниях Центрального Черноземья в XIX — начале XX вв.: состояние и проблемы. Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Т. 8. № 4. С. 107–110.
5. Зарубина Н.Н. Бизнес в зеркале русской культуры. М.: Анкил, 2004. — 305 с.
6. Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М.: Наука, 1975. — 205 с.
7. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX — начале XX века // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 302–331.
8. Иконников С.А. «Это доброе вовсе не к рукам»: церковная земля как источник материального обеспечения приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX — начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 81. С. 24–35.
9. Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2. С. 54–96.
10. Коваль Т.Б. Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 55–70.
11. Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX — начало XX века). Челябинск: ЦНТИ, 2006. — 210 с.
12. Кошелев В.Е. Бюджеты церквей Орловско-Севской епархии второй половины XIX в. в контексте государственной политики по улучшению материального положения приходского духовенства // Церковь. Богословие. История. 2022. № 3. С. 32–43.
13. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. — 272 с.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. 3-е изд., испр., доп. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буландин, 2003. — 583 с.
15. Морозан В.В. Экономическое положение Русской православной церкви в конце XIX — начале XX в. // Нестор. 2000. № 1. С. 311–330.
16. Никольский Н.М. История русской церкви. М.: ACT, 2004. — 604 с.
17. Писемский В.А., Калаинов Ю.Н. Православие и духовный тип российского предпринимателя // Из истории экономической мысли и народного хозяйства в России: в 2 ч. Ч. 2. М.: Ин-т экономики РАН; Волгоградский гос. ун-т, 1993. С. 342–350.

18. Постоловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. — 511 с.
19. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1999. — 568 с.
20. Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Валаамский монастырь, 1997. – 800 с.
21. Фирсов А.Г. Государственное финансирование Православной церкви в России в период «Великих реформ» // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. № 17. С. 321–324.
22. Холодков В. Православные традиции в российском землевладении // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 97–105.
23. Ashmarov I. A., Ershov B. A., Bulavin R. V., Shkarubo S. N., Danilchenko S. L. The Material and Financial Situation of the Russian Orthodox Church in the XIX – Early XX Centuries // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2018. Vol. 138. P. 149–158.
24. Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia: Crisis, Reform and Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. – XXXII, 507 p.

Об авторе:

КОЗЛОВ Никита Андреевич – аспирант, ассистент, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: Kozlov.NA@tversu.ru

THE MATERIAL SITUATION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN THE WORKS OF RUSSIAN RESEARCHERS

N.A. Kozlov

Tver State University, Tver, Russia

The article provides an overview of the historiography characterizing the financial situation of the Russian Orthodox Church (ROC) in the second half of the 19th – early 20th centuries. It is noted that there is a thesis in the scientific literature (PERIOD) about the viability of monasticism and the material insecurity of the parish clergy, as well as attempts by individual authors to introduce new approaches to the study of this topic. Analysis of the texts involved showed partial knowledge of the state of the economy of bishops' houses and some categories of clergy. The conclusion is made about the insufficient validity of the generalizations existing in historiography regarding the financial situation and state of the economy

of the Russian Orthodox Church and the need to study the clergy as a community that is heterogeneous in its economic indicators, primarily on regional materials.

Keywords: *Russian Orthodox Church, economic situation, historiography, parish clergy, monkhood.*

About the author:

KOZLOV Nikita Andreevich – Postgraduate Student, Assistant, the Department of National History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, ul. Trekhsvyatskaya, 16/31, room 207), e-mail: Kozlov.NA@tversu.ru

References:

- Belonogova Ju. I., *Prihodskoe duhovenstvo i krest'janskij mir v nachale XX veka (po materialam Moskovskoj eparhii)*, M., PSTGU, 2010. – 176 s.
- Bernshtam T. A., *Prihodskaja zhizn' russkoj derevni: Ocherki po cerkovnojj etnografii*, SPb., Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005. – 416 s.
- Vodarskij Ja. E., *Zemlevladenie russkoj pravoslavnoj cerkvi i ee hozjajstvenno-jeconomicheskaja dejatel'nost'* (XI – nachalo XX v.), Russkoe pravoslavie: vedi istorii, M., Politizdat, 1989, S. 501–561.
- Ershov B. A., *Social'no-jeconomiceskoe polozhenie Russkoj pravoslavnoj cerkvi v structure gosudarstvennogo upravlenija v gu-bernijah Central'nogo Chernozem'ja v XIX – nachale XX vv.: sostojanie i problemy*, Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta, 2012, T. 8, № 4, S. 107–110.
- Zarubina N. N., *Biznes v zerkale russkoj kul'tury*, M., Ankil, 2004. – 305 s.
- Zybkovec V. F., *Nacionalizacija monastyrskih imushhestv v Sovetskoj Rossii (1917–1921 gg.)*, M., Nauka, 1975. – 205 s.
- Zyrjanov P. N., *Russkie monastyri i monashestvo v XIX – nachale XX veka*, Monashestvo i monastyri v Rossii. XI–XX veka: Istoricheskie ocherki, M., Nauka, 2002, S. 302–331.
- Ikonnikov S. A., «*Jeto dobroe vovse ne k rukam*»: cerkovnaja zemlya kak istochnik material'nogo obespechenija prihodskogo duhovenstva Central'nogo Chernozem'ja vtoroj poloviny XIX – nachala XX v., Vestnik PSTGU, Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2018, № 81, S. 24–35.
- Koval' T. B., *Pravoslavnaja jetika truda*, Mir Rossii, 1994, № 2, S. 54–96.
- Koval' T. B., *Jetika truda pravoslavija, Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 1994, № 6, S. 55–70.
- Konjuchenko A. I., *Tona i polutona pravoslavnogo belogo duhovenstva Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka)*, Cheljabinsk, CNTI, 2006. – 210 s.
- Koshelev V. E., *Bjudzhety cerkvej Orlovsko-Sevskoj eparhii vtoroj poloviny XIX v. v kontekste gosudarstvennoj politiki po uluchsheniju material'nogo polozhenija prihodskogo duhovenstva*, Cerkov'. Bogoslovie. Istorija, 2022, № 3, S. 32–43.

- Leont'eva T. G., *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.*, M., Novyj hronograf, 2002. – 272 s.
- Mironov B. N., *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*, V 2-h t., 3-e izd., ispr., dop., T. 2, SPb., Dmitrij Bulanin, 2003. — 583 s.
- Morozan V. V., *Jekonomiceskoe polozhenie Russkoj pravoslavnoj cerkvi v kontse XIX – nachale XX v.*, Nestor, 2000, № 1, S. 311–330.
- Nikol'skij N. M., *Istorija russkoj cerkvi*, M., AST, 2004. – 604 s.
- Pisemskij V. A., Kalashnov Ju. N., *Pravoslavie i duhovnyj tip rossijskogo predprinimatelja*, Iz istorii jekonomiceskoy myslii narodnogo hozjajstva v Rossii, v 2 ch., Ch. 2, M., In-t jekonomiki RAN, Volgogradskijgos. un-t, 1993, S. 342–350.
- Pospelovskij D. V., *Russkaja pravoslavnaja cerkov' v XX veke*, M., Respublika, 1995. – 511 s.
- Rimskij S. V., *Rossijskaja cerkov' v jepohu velikih reform*, M., Krutickoe patriarshee podvor'e, Obshhestvo ljubitelej cerkovnoj istorii, 1999. – 568 s.
- Smolich I. K., *Istorija Russkoj Cerkvi: 1700–1917*, V 2-h ch., Ch. 1, M., Vlaamskij monastyr', 1997. — 800 s.
- Firsov A. G., *Gosudarstvennoe finansirovanie Pravoslavnoj cerkvi v Rossii v period «Velikih reform»*, Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2007, № 17, S. 321–324.
- Holodkov V., *Pravoslavnye tradicii v rossijskom zemlevladenii*, Voprosy ekonomiki, 1993, № 8, S. 97–105.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47).084.9+791.43+ 791.45
DOI 10.26456/vthistory/2024.1.075–085

«ЖУТКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ФОНА»: ПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛОЧНЫХ ФИЛЬМОВ О ЗАСТОЕ¹

А.Д. Моисеенко

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье анализируются дискуссии кинокритики периода перестройки о полочных фильмах, снятых в 1970-х гг. Для описания выбраны три картины – «Вторая попытка Виктора Крохина» (1977/1987), «Ошибки юности» (1978/1989) и «Тема» (1979/1986). Такая подборка обусловлена тем, что сюжеты этих произведений посвящены осмыслинию настоящего (то есть времени «застоя»). Возвращение фильмов, ранее недоступных публике, фактически становилось актом легитимации гласности и демократизации в СССР. Поэтому актуализировались дискуссии о запретах в прошлом, а также о том, что могли бы дать такие картины дню сегодняшнему. На основании обсуждений выбранных произведений воспроизводятся тропы и метафорика в описаниях лет «застоя», а также интерпретации причин того, почему совершились те или иные «ошибки прошлого».

Ключевые слова: полочное кино, перестройка, кинокритика, переосмысление прошлого, период застоя.

В эссе о темпоральных структурах в историческом развитии понятий Р. Козеллек отметил, что «различные значения и способы употребления придают аристотелевскому «koloniapolitike» читатели «Политики», – то есть само по себе понятие Аристотеля не имеет истории, а вот его восприятие, наоборот, обладает таковой»². Если редуцировать до общей формулы этот тезис, то можно сказать, что текст остаётся «живым», пока он в поле зрения его интерпретаторов, критиков, фанатов, ненавистников и т. д. В этом смысле история перестройки оставила богатый материал для размышлений. Так произошло, что многие тексты, идеи и представления, появившиеся ранее в

¹ Научный руководитель – декан факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, канд. ист. наук А.Т. Урушадзе.

² Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 23.

советском обществе, оставались долгое время не то что без должной верификации, но и вообще без какой-либо даже малой доли интерпретации на официальном уровне и в публичном пространстве. То, что называлось в годы перестройки «политикой гласности», позволило многим концепциям и мнениям оказаться в поле множественных реинтерпретаций. В первую очередь это касалось художественной литературы, часть из которой вышла на поверхность из «спецхрана», а часть – из мира «подпольной» её циркуляции³. Аналогичный процесс постиг и кинематографические произведения, которые оставались долгие годы в тени. Дело в том, что доперестроечная история «контроля за идеальной чистотой» в области киноискусства породила феномен, который часто называется «полочным кино». Так я и буду называть эти формы художественного творчества в настоящей статье.

Перестройка стала периодом стремлений переосмыслить всю советскую историю. С одной стороны, сакральным для идеологического дискурса периода стало обращение к восстановлению «истинного Ленина», постижение идей которого нередко фундировало связь времён: эпохи настоящего и сакрального прошлого⁴. С другой стороны, перестроечная философия истории, в формировании которой не последнюю роль играла партия, предполагала также обращение к ошибкам прошлого. Так, важными становились нарративы, в которых разворачивались сюжетные линии виктимных образов, злоупотреблений отдельных личностей и сообществ, а также кейсы упущенных альтернатив развития государства⁵.

Полочное кино отвечало всем отмеченным направлениям поисков сакрального и ошибочного в прошлом. Однако из-за широкой палитры контекстов рассмотрение всех полочных лент невозможно в рамках одной отдельно взятой статьи. Поэтому остановлюсь только на картинах, снятых в годы «застоя» и посвященных осмыслинию реальности 1970-х. То есть основная задача статьи – проанализировать перестроечные дискуссии о том, как картины «возвращались» в общественное поле и какие при этом расставлялись акценты в интерпретации периода «застоя». За основу взяты

³ Подробнее см.: Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009. С. 350–388; Блюм А.В. Закат Главлита: Как разрушалась система советской цензуры: документальная хроника 1985–1991 гг. [Электронный ресурс] URL: <http://opentextmn.ru/old/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/index.html@id=3888> (дата обращения: 12.09.2023).

⁴ Подробнее см.: Yurchak A. The Canon and the Mushroom. Lenin, Sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory. Vol. 7, №2, 2017. P. 165–198; Юрчак А. Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2016. С. 572–583.

⁵ См. подробнее: Атнашев Т. Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // «Особый путь»: от идеологии к методу. М., 2018. С. 189–242; Atnashev T. Transformation of the Political Speech under Perestroika Rise and Fall of Free Agency in the Changing Idioms, Rules and Second-order Statements of the Emerging Intellectual Debates (1985–1991). PhDiss. Florence. 2010. P. 192–215.

кинопроизведения «Вторая попытка Виктора Крохина»⁶, «Ошибки юности»⁷ и «Тема»⁸. Источниками для исследования стали материалы периодической печати (в основном специализированные издания о кино – «Искусство кино», «Советский экран», «Спутник кинозрителя») и архивные сведения из фонда студии «Ленфильм» и «Госкино СССР».

В сюжет картины «Вторая попытка Виктора Крохина» положено сопоставление двух временных пластов – послевоенный период и 1970-е гг. Авторы фильма регулярно отправляют зрителя то в один мир, то в другой. В одном Виктор Крохин – надежда советского бокса, человек, пытающийся достичь спортивных целей; в другом – ребёнок послевоенной поры, который в процессе возмужания всё больше начинает верить, что ему нужно «выбиться в люди любой ценой». Идеологическая цензура стала барьером, препятствующим путь встречи ленты со зрителем. Любопытно, что за широким перечнем правок из Госкино фактически скрывалась претензия нравственной категории. Так, в заключении сценарной редакции подчёркивалось, что авторы картины стремились расставить акценты на «дрязгах мелких неинтересных людей в коммунальной квартире», которые создали конъюнктуру невозможности выбора. Именно поэтому Крохин превратился в «маленького волчонка». Соответственно, главным требованием киноведомства становилась необходимость опровержения такой концепции – «необходимо показать, что у героя был и другой путь, и только стечениe обстоятельств, неумение мыслить самостоятельно воспитали этот pragматический характер»⁹. Несмотря на многочисленные попытки «Ленфильма» учесть замечания коллегии и иных интересантов, отмеченный аспект «несознательности» стал камнем преткновения в вопросе выпуска картины.

Уже в годы перестройки, анализируя запреты и требования исправлений от различных ведомств, киновед В. Фомин перечислял конкретные требования организаций по исправлению фильма: убрать кадр с изображением советского флага, Польшу запрещалось называть таковой (а бойца на ринге поляком), убрать кадры военнопленных немцев, требование вырезать песню Высоцкого, а также изъять фразу «Товарищ Сталин не позволит» из звучащего по радио сообщения ТАСС¹⁰. Однако даже такие правки не спасли картину. Кинокритик Е. Стишова высказывала соображение, что Госкино не устраивала «авторская трактовка, взгляд на сильную личность и её генезис»¹¹.

⁶ «Ленфильм»; режиссер – И. Шешуков, сценарист – Э. Володарский; снят в 1977 г., вышел только в 1987 г.

⁷ «Ленфильм»; режиссер – Б. Фрумин, сценарист – Э. Тополь; снят в 1978 г., вышел в 1989 г.

⁸ «Мосфильм»; режиссер – Г. Панфилов, сценарий – А. Червинского; снят в 1979 г., вышел в 1986 г.

⁹ Центральный государственный архив литературы и искусства (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-257. Оп. 24. Д. 1436. Л. 39–40.

¹⁰ Фомин В. «Убрать флаг Советского Союза» // Советский экран. 1989. № 10. С. 24.

¹¹ Стишова Е. Время и выбор // Искусство кино. 1987. № 11. С. 55.

В перестроенных публикациях неоднократно обращалось внимание на то, что картина непосредственно подчинена проработке послевоенной общественной травмы. Однако акцент делался не на демонстрации послевоенного быта, его тягот и лишений, а на том, какой человек выходит из такой реальности. Основа этого человека – «мальчишка, зверёк военной поры, так и не наевшийся вдоволь, не обувшийся вдосталь, уверовавший в то, что нет на свете ничего выше силы кулака»¹².

Но мнения по поводу генезиса личности разделились. Некоторые авторы, например, считали путь Крохина движением «обесчеловечивания, нравственных потерь и глухоты чувств»¹³. Другие полагали, что атмосфера тягот детства, сложной народной жизни, в которой люди прощают друг друга также легко, как и обижают, не могла не отразиться на личности мальчика. Крохин при таком подходе интерпретировался как человек, не ощущающий чужой боли; единственная его цель – вырваться из нищеты, «выбиться в люди любой ценой», как говорил сам персонаж в фильме. Причина этой борьбы как на ринге, так и за его пределами критикам также виделась в разных контекстах: в послевоенном мире, сотканном из противоречий, лишений и травматического опыта¹⁴; в идее «искусственного мира» 1970-х гг., который породил в Крохине и в ему подобных молодых людях «摧毀 веры в немедленную победу добра, заставил усомниться во многих ценностях, породил цинизм “железных мальчиков” и философию личного успеха»¹⁵. Единственное, в чём сходились аналитические замечания к фильму, – актуальность картины для перестроенных дней «остыла». Но при этом высказывались сходные соображения: процесс, сформировавший Крохина, говорит и о формировании «нас»; фильм позволяет прочувствовать десятилетнюю дистанцию для того, чтобы оценить эти «истоки» с современных позиций.

Повествование картины «Ошибки юности» начинается с демонстрации жизни армейской части в южном регионе страны. Главный герой по имени Митя Гурьянов проходит там службу и питает надежду «увидеть настоящую жизнь». Это желание отправляет его работать на большую стройку в далеком северном городке. Однако перипетии повседневной жизни не позволяют ему достичь желаемого. Череда событий приводит его в Ленинград, где внутренние противоречия продолжают одолевать молодого человека.

В интервью на страницах журнала «Советский экран» в 1988 г. режиссер картины Б. Фрумин рассказал о некоторых трудностях, которые преследовали процесс производства ленты¹⁶. Изначальный вариант сценария Э. Тополя содержал в себе множество попыток осмыслить проблемы

¹² Черненко М. Следы послевоенных лет // Спутник кинозрителя. 1987. № 2. С. 14.

¹³ Там же.

¹⁴ Хлоплянкина Т. Возвращение Виктора Крохина // Советский экран. 1987. № 2. С. 8–9.

¹⁵ Стишова Е. Указ. соч. С. 56.

¹⁶ Живёт в США. Интервью Л. Аркус с Б. Фруминым // Советский экран. 1988. № 23. С. 21.

повседневной армейской жизни: дедовщина, жестокость, злоупотребление алкоголем и пр. Этот аспект был особенно внимательно учтён Госкино, которое утверждало впоследствии практически все сцены по отдельности после каждого этапа переписывания сценария (При этом Фрумин не учитывал тот факт, что несколько первых версий сценария Э. Тополя были довольно прохладно встречены и на самом «Ленфильме». Договор со сценаристом был заключен ещё осенью 1973 г., однако после многочисленных правок литературный вариант был утвержден только в ноябре 1975¹⁷). После съемок зимой 1977–78 гг. в Сибири процесс был законсервирован, а сценарий отправлен на переработку с целью «добавления оптимизма и слаживания углов». Позже на съемках на юге страны к киногруппе был «приставлен полковник». Однако в результате всех сценарных, съемочных и монтажных правок фильм всё же не был принят ни в Госкино, ни на киностудии. В следующем году Фрумин уехал в США. Однако с наступлением перестройки, используя контекст «реабилитации» кинематографических и литературных произведений, режиссёр обращался на «Ленфильм» и изъявлял желание закончить работу над проектом¹⁸. В заключении конфликтной комиссии Союза кинематографистов СССР в 1988 г. подчеркивалось, что несмотря на то, что материалы ленты представляют собой «руины, хранящие следы грубых редакторских бомбардировок», общество нуждается в доработке этого произведения, поскольку оно представляет собой акт очищения от «нравственных болезней застойного периода, о которых сейчас мы говорим в полный голос»¹⁹. Поэтому Б. Фрумин вернулся в СССР и возобновил работу над картиной. Однако, как признавался режиссер, досъемок не планировалось (весной 1978 г. исполнитель главной роли, С. Жданько, трагически погиб. Впоследствии его гражданская жена была осуждена за убийство актера), и необходимо было сделать картину из уже имеющегося материала, используя только средства монтажа и переозвучивания²⁰.

Непростая судьба этого произведения не слишком основательно освещалась в перестроечной прессе. Более того, цельных разборов картины на страницах киножурналов можно найти не так много (в сравнении с другими произведениями, о которых, в частности, идёт речь в этой статье). Но смыслы и значения, описанные критиками, практически были тождественными. Отмечалось, что картина была посвящена трагедии «простого человека», который жил в эпоху чрезмерного стремления к будущему. Но его окружающий мир считался в общем приемлемым, то есть достигшим определённой фазы социализма. Поэтому, «в 70-е “простому человеку” рекомендовано было строить социализм в масштабах предоставленной ему отдельной квартиры. Пространство социальной активности было сведено к

¹⁷ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-257. Оп. 31. Д. 38. Л. 21–68; Kelly C. Soviet Art House. LenfilmStudio under Brezhnev. New York, 2021. pp. 385–400.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-257. Оп. 38. Д. 589. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 8–9.

²⁰ Живёт в США... С. 21.

точке»²¹. Весь мир за пределами этой точки именовался декорацией. Так «простой человек» сталкивался с безликом «фоном», и путь в таких условиях уподоблялся «движению человеческой души, тычащейся в этом мире, как слепой котенок»²². Гурьяновское «жизни ещё не видел» воспроизводится на протяжении всего фильма. Поэтому в критике его поиски себя оправдывались, как правило, тем, что воспитанный в ожидании ежедневных героических свершений главный герой сталкивается с обыденностью, серостью и безыдейностью. Именно «жуткая достоверность фона»²³ и демонстрация «исчерпанности традиционных форм единства»²⁴ становились обоснованием пустоты и фикции подобной жизни.

Неоднократно отмечалось, что шансов у фильма «Ошибки юности» быть замеченным в годы перестройки практически нет, поскольку современные фильмы более актуальны для стремительно меняющейся действительности. Однако критики сходились во взглядах, что эта картина представляла собой разрыв контрастов между кинематографом 1960-х и 1970-х гг. 1960-е – время, когда герой киноленты и окружающая действительность неразрывно связаны и формируют друг друга; 1970-е гг. – время отчуждения личностей, не готовых мириться с серой обыденностью, декоративностью и фиктивностью реальности²⁵. Речь шла скорее не о большой политике, а о практиках самоопределения, внутреннего сопоставления собственных принципов и действительности. Критическая литература перестройки на примере этой киноленты строго разграничивала рамки советской истории, в которой застой символизировался апатией, отчуждением и искусственным счастьем «простого человека». В то время как сама перестройка и часть 1960-х гг. ассоциировалась с искренностью, подлинностью и соответствием слова и дела (или окружающей действительности внутреннему устройству человека). В этом смысле характерны телесофологические представления кинокритика А. Васильева, в основе которых можно рассмотреть убежденность в том, что социальный прогресс – движущая сила трансформации мира: «... у будущих летописцев [70-х] будет фора – знание о причинах застоя, виновниках, и, главное, о его неизбежном конце. А чего не будет – так это подавленной растерянности, ощущения абсолютно бессилия под прессом “развитого социализма”, чувства неизбежности и непоправимости “ошибок юности”»²⁶.

Одной из первых «реабилитированных» лент был художественный фильм «Тема», премьера которого состоялась с опозданием на 7 лет в московском Доме кино через месяц после V Съезда СК СССР – 17 июня 1986 г.²⁷ На широкий экран (начиная с кинотеатра «Звездный» в Москве) карти-

²¹ Марголит Е. «Свято место пусто...» // Искусство кино. 1990. № 1. С. 56.

²² Ерохин А. Мы свободны? // Советский экран. 1989. № 16. С. 6.

²³ Васильев А. Пятый угол // Спутник кинозрителя. 1989. № 10. С. 4.

²⁴ Марголит Е. Указ. соч. С. 59.

²⁵ Там же. С. 54–61.

²⁶ Васильев А. Указ. соч. С. 4.

²⁷ Панфилов Г., Червинский А. Тема // Искусство кино. 1986. № 12. С. 136.

на впервые вышла 21 октября того же года²⁸. Центральное место сюжета занимает история известного советского писателя (Кима Есенина), который принимает приглашение своего друга и коллеги и отправляется в Сузdalь с целью написания романа, вскрывающего социальную реальность эпохи «Слова о полку Игореве». В этом городе он знакомится с местной интеллигенткой (Саша Николаева в исполнении И. Чуриковой), которая увлекается поэзией и писательским ремеслом. Её критические замечания о творчестве и таланте писателя заставляют Есенина погрузиться в глубокую саморефлексию. Это приводит его к совершению малодушного поступка и впоследствии к осознанию необходимости бегства от реальности, в которой он теряет себя как именитого мастера. Всё это оборачивается трагической развязкой на пути обратно в Москву.

Кинокритика перестройки апеллировала к разным механизмам запрета выхода фильма в первоначальном варианте, а также к требованиям ведомств к исправлению «идеологических ошибок». Так, например, В. Фомин публиковал требование к исправлению «Темы» от МВД, где высказывалась необходимость изменить сцены демонстрации образов сотрудников ГАИ, поскольку, по мнению ведомства, существующий вариант «дискредитирует сотрудника милиции»²⁹. Режиссер картины Г. Панфилов подчёркивал нежелание критиков видеть расстановку акцентов в сценах с героям Андреем («Бородатым»), актер – С. Любшин (По сценарию этот герой предполагался как антипод Есенина. Если Есенин был творцом эпохи развитого социализма, то «Бородатый» оказался непринятым гением, зажатым системой. По сюжету Андрей уехал за границу как третируемый интеллигент)³⁰. Кинокритик Н. Зоркая высказывала соображение, что цензура сделала «бледнее и слабее» художественную ценность итоговой сцены, которая изначально задумывалась как открытый финал, но превратилась в возможность спасения Есенина сотрудником милиции³¹. Так выглядели апелляции к цензурным практикам прошлого. При этом любопытно, что доработка картины фактически признавалась нецелесообразной, поскольку требовала дополнительных как финансовых, так и инфраструктурных вложений (Об этом, в частности, свидетельствует перечень правок с указанием на необходимость выделения дополнительных съёмочных дней, оплаты работы творческого коллектива и «двух коробок кодака»³².)

Относительно проблем, поднимаемых в картине, высказывались разные точки зрения. В журнале «Спутник кинозрителя» отмечалось, что основой сюжетного поиска стала попытка изобразить мир «умирающего художника», которому, впрочем, не чужды попытки изменить себя и своё от-

²⁸ Зоркая Н. Трагедия преуспеяния // Искусство кино. 1987. № 1. С. 34.

²⁹ Фомин В. «Убрать флаг Советского Союза»... С. 27.

³⁰ Панфилов Г., Червинский А. Указ. соч. С. 137.

³¹ Зоркая Н. Указ. соч. С. 29.

³² Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2944. Оп. 4. Д. 5633. Л. 37.

ношение к делу³³. Но большая часть комментариев эпохи использовала не такую «позитивную» оптику. Скорее высказывались соображения о том, что фильм представляет собой олицетворение «духовной эрозии». Например, исполнитель главной роли отмечал, что «герой-писатель выведен насмешливо, едко», поскольку замысел режиссера заключался во «вскрытии целой корневой системы явления “есенинщины”, [основой которой были] механизмы человеческой гибели во лжи, в продаже своего “я”, в уступках своей совести и компромиссах»³⁴. Подчёркивались разные конкретные пороки персонажа: незаинтересованность в перипетиях дискуссий о древнерусской истории, о которой он собирался писать и уже принял предоплату; самоуверенность и необоснованная категоричность суждений об окружающих; ореол псевдоклассика в современной советской литературе. Именно последний пункт стал важным аспектом рассуждений в критической заметке Н. Зоркой. Она заключала, что величина Есенина – мнимая, и за ширмой кажущегося творческого заката скрывается более глубокая проблема – «трагедия преуспеяния, процветания псевдо-таланта, самодовольства, самолюбования, забурения, обронзовения»³⁵.

Именно эти характеристики стали маркироваться как проблемы эпохи в целом. Более того, феномен «есенинщины» – это «образ жизни, определённая психологическая структура писателя, концентрат, в разбавленном виде входящий в состав личности многих и многих литераторов»³⁶. То есть трагедия Есенина интерпретировалась в том числе и как беда современности, проявления которой были двояки: некоторые литераторы перестройки активно критиковали рисованный образ: «Где это мы видели такого писателя?», другие перенимали стратегию есенинского самокопания и идентифицировали героя с собой³⁷. Как отметил М. Ульянов, «есенинщина – это социальный синдром, [симптомы которого выражены в принципе] “казаться”, а не “быть”». То есть критики эпохи обличали такой тип персонажа (даже несмотря на его тщетные попытки переделать свои творческие корни) как опасный элемент, представляющий собой человека, создающего разрыв между словом и делом. Сценарист картины А. Червинский отмечал, что «Тема» не представляет собой набор «рецептов на все случаи жизни, а [является] изображением явления»³⁸. В этом контексте неверно было бы интерпретировать перестроочные нарративы о «Теме» как попытку исправить этот «социальный синдром» только лишь действием самой картины.

Однако подход критиков к интерпретации фильма всё же апеллировал к попыткам исправления ситуации, только не «есенинской» природы писателей, а конъюнктуры, в которой этот феномен замалчивался, цензу-

³³ Светлова Н. Тема // Спутник кинозрителя. 1986. № 10. С. 8–9.

³⁴ Панфилов Г., Червинский А. Указ. соч. С. 136–137.

³⁵ Зоркая Н. Указ. соч. С. 28–29.

³⁶ Там же.

³⁷ Панфилов Г., Червинский А. Указ. соч. С. 137.

³⁸ Повороты судьбы. Беседа Ж. Головченко и А. Червинского // Советский экран. 1988. № 6. С. 5.

рировался, запрещался. Попытка «осовременивания» темы столкнулась с требованием исправления реальности, в которой «есенинский синдром» стал второстепенным по отношению к эрозии системы в целом. Этот факт объяснялся тем, что фильм «Тема» в связи с тем, что оказался на «полке», потерял характеристики «первооткрытия, своего творческого патента»³⁹. Соответственно, проблема «есенинщины» в годы перестройки не стала звучать так громко с экрана (как это могло быть в 1979 г.), поскольку вся острота оказалась апроприирована газетными и журнальными страницами⁴⁰. Ожог от «льда и пламени истины» (так Е. Громов охарактеризовал страх бюрократического аппарата перед выпуском картины в конце 1970-х гг.)⁴¹ картины стал феноменом историзации, а не вскрытия противоречий в писательской среде в дне сегодняшнем, хотя все критики подчёркивали актуальность направленности фильма и для перестройки.

Перестроечная аналитика вокруг «Темы», «Ошибок юности» и «Второй попытки Виктора Крохина» была наполнена суждениями о том, что если бы зритель встретился с такими нарративными конструкциями вовремя, то и история могла бы повернуть совсем в другую сторону. Часто встречается представление, что если бы народу дали возможность вскрыть «ненастоящую» сущность мира, то он нашёл бы в таких презентациях себя. Фактически полочные ленты 1970-х гг. становились объектом для подтверждения тезиса о том, что в «застойные» годы были потеряны возможности что-либо поменять в окружающей действительности. Этот тезис также раскрывается в кейсах, которые не вошли в основную часть статьи. В критике, например, упущенными альтернативами по «вскрытию» реальности назывались и полочные картины о «застое» (например, «Долгие проводы» и «Среди серых камней» К. Муратовой, «Иванов катер» М. Осепьяна и др.), и запрещённые фильмы о действительности 1960-х гг. («Тугой узел» М. Швейцера, «Застава Ильича» М. Хуциева, «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» А. Михалкова-Кончаловского и др.).

«Торможение», «размывание» и «разрывы» времени выражались в терминах «застой», «бюрократизм», «командно-административная система». Такое подчёркивание «порочности» вполне соответствовало риторике партии и её попыткам переосмыслить советское прошлое, чтобы вернуться к «истинным» социалистическим идеям. Только в мире кинематографа на первый план выдвигались художественные конструкции для описания прошлого – «есенинский синдром», «декоративность фона», строгое разграничение между «словом и делом» / «настоящим и ненастоящим». Такой подход к описанию прошлого вынуждал авторов идей перестройки искать поиски первоначала такой «болезни». В этом смысле крайне показательна статья Ю. Афанасьева в журнале «Искусство кино», в которой он заклю-

³⁹ Зоркая Н. Указ. соч. С. 36.

⁴⁰ Повороты судьбы... С. 5.

⁴¹ Громов Е. Лед и пламень истины («Тема») // Экран-88. М., 1988. С. 98.

чил, что все «застойные» явления настоящего и прошлого являются «метастазами сталинизма»⁴². Именно построение связи между временами на основании логики развития болезни (от сталинизма к декоративности фона) – важная составляющая разговора «по-перестроечному». Тем не менее, этот довод несколько спекулятивен, поскольку для его раскрытия необходимо сопоставление обращений к «застойному» времени в мире кинематографа с попытками интерпретировать иные исторические периоды.

Список литературы:

1. Атнашев Т. Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 189–242.
2. Блюм А.В. Закат Главлит: Как разрушалась система советской цензуры: документальная хроника 1985–1991 гг. [Электронный ресурс] URL: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/index.html@id=3888> (дата обращения: 12.09.2023).
3. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. – 407 с.
4. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитара. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
5. Юрчак А. Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 664 с.
6. Atmashev T. Transformation of the Political Speech under Perestroika Rise and Fall of Free Agency in the Changing Idioms, Rules and Second-order Statements of the Emerging Intellectual Debates (1985-1991). PhD diss. Florence. 2010. – 494 p.
7. Kelly C. Soviet Art House. Lenfilm Studio under Brezhnev. New York: Oxford University Press, 2021. – 536 p.
8. Yurchak A. The canon and the mushroom. Lenin, sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory. Vol. 7, №2, 2017. pp. 165–198.

Об авторе:

МОИСЕЕНКО Арсений Дмитриевич – научный сотрудник Факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1А), e-mail: amoiseenko@eu.spb.ru

---

⁴² Афанасьев Ю. Метастазы сталинизма // Искусство кино. 1989. № 1. С. 51.

«AWFUL AUTHENTICITY OF THE BACKGROUND»: INTERPRETATIONS OF SHELVED FILMS ABOUT ERA OF STAGNAION DURING PERESTROIKA

A. D. Moiseenko

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

The article analyzes the discussions of film criticism during the perestroika about shelved films. These pictures were made in the 1970s. Three films were selected for description – «The Second Attempt of Viktor Krokhin» (1977/1987), «Mistakes of Youth» (1978/1989) and «Theme» (1979/1986). This selection is due to the fact that the pictures of the works are devoted to understanding the present (that is, «Era of Stagnation»). The return of films previously unavailable to the public became an act of legitimization of glasnost and democratization in the USSR. Therefore, to update discussions about prohibitions in the past, as well as about what such pictures could give to modernity. Based on discussions of these works, tropes and metaphors are reproduced in descriptions of the years of «stagnation», as well as interpretations of the reasons why certain «mistakes of the past» were made.

Keywords: *shelved films, Perestroika, film critic, reinterpretation, Era of Stagnation.*

About the author:

MOISEENKO Arseniy Dmitrievich – Research Scientist, the History Department, European University at St. Petersburg (Russia, 191187, St.-Petersburg, Gagarinskaya st., 6/1A), e-mail: amoiseenko@eu.spb.ru

References

- Atnashev T., *Istoricheskij put', vybiri al'ternativy v politicheskoj mysli perestrojki okolo 1988 goda*, «Osobyj put'»: otideologii k metodu, M., Novo eliteraturnoe obozrenie, 2018, S. 189–242.
- Bljum A.V., *Zakat Glavli: Kak razrushalas' sistema sovetskoy cenzury: dokumental'naja hronika 1985–1991 gg.* URL: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/index.html?id=3888> (access date: 12.09.2023).
- Gorjaeva T. M., *Politicheskaja cenzura v SSSR. 1917–1991 gg.*, M., ROSSPEN, 2009. – 407 s.
- Kozellek R., *K voprosu o temporal'nyh strukturah v istoricheskem razvitiu ponjatiij*, Istorija ponjatiij, istorija diskursa, istorija mentaliteta, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, S. 21–33.
- Jurchak A., *Jeto bylo navsegda poka ne konchilos'*. Poslednee sovetskoe pokolenie, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 664 s.

Статья поступила в редакцию 17.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 904(470.331)"13/16"
DOI 10.26456/vthistory/2024.1.086–099

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIV – XVII ВВ. В СТАРИЦКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИ- КО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕЛЬ- СКОГО РАССЕЛЕНИЯ¹

Л.Б. Молотилов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена истории археологического изучения Старицкого Поволжья эпохи Средневековья и первичному анализу имеющихся материальных и письменных данных об известных памятниках. Представлены основные этапы, тенденции, характер изучения сельских объектов. Данна археологическая, источниковедческая и историко-географическая характеристика средневековых сельских памятников, краткая справка о физико-географических особенностях микрорегиона. Предложены варианты типологизации археологических памятников на основе их назначения и установленных хронологических рамок. На основе пространственного и структурного анализа объектов сформированы предварительные выводы о процессах расселения и освоения территории. Выделены приоритетные и перспективные направления исследования микрорегиона.

Ключевые слова: Старицкое Поволжье, Средневековье, археология, объект археологического наследия, селище, городище, расселение, сельское население.

Старицкое Поволжье – микрорегион на юге тверского Верхневолжья, который активно осваивался сельским населением в период Средневековья. Кроме того, он имеет определенную историческую специфику, связанную с политической и социально-экономической историей России XV–XVII вв., о чем свидетельствуют письменные источники. Важным дополнением для характеристики региона в эпоху Средневековья являются археологические данные, позволяющие расширить возможности изучения системы сельского расселения.

Под сельским расселением в рамках данной статьи понимается комплексная система социально-экономических процессов, связанных с пере-

---

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета Е.В. Лагуткина.

мещанием и оседанием населения, хозяйственным освоением территории и образованием пространственно-территориальной сети поселений.

Границы современного Старицкого муниципального округа Тверской области не совпадают с исторической территорией старицкого Поволжья. Кроме того, с момента письменной фиксации в XVI в. волостей, станов и пределов прослеживается неоднородность состава и серьезные изменения границ сначала Старицкого княжества, потом Старицкого удела.

Так, согласно духовной грамоте Ивана III Васильевича 1504 г. Андрею Ивановичу Старицкому передавалось в Тверской земле: Старица и «Холмская вотчина», Холм, Новый Городок, волость Олешня и волость Синяя, вместе с городами Верея, Вышгород и Алексин (Московские земли)², что сформировало границы Старицкого удельного княжества в период 1519–1566 гг. Позднее по меновой грамоте Ивана IV Васильевича и Владимира Андреевича 1566 г., с детальным перечислением мест Старицкого уезда (волость Болгарская, стан Верховской, волость Вятка, волость Дмитровская, волость Иворовская, стан Мерский, стан Михнов, стан Песья Лука, стан Порецкий, волость Раменская, волость Рогачевская, волость Родня, стан Семеновский, волость Синяя, волость Холм, волость Холохольня, дворцовая волость Мологинская)³, устанавливается граница для второй половины XVI–XVII вв. Уже в XVIII–XIX вв. в состав Старицкого уезда входит стан Микулинский Тверского уезда и некоторые другие пограничные территории: так, в его состав входили территории Зубцовского, Ржевского, Торжокского и Калининского муниципальных округов современной Тверской области, а также Лотошинского района Московской области⁴.

В рамках данной работы предполагается изучение территории Старицкого Поволжья в границах Старицкого уезда XVI–XVII вв. и близких пограничных территорий.

Старицкое Поволжье, как и вся южная часть Тверской области расположена в пространстве с исторически благоприятными природными условиями для проживания человека и формирования хозяйственных центров. В ландшафтном отношении это регион с достаточно однородным низинным типом рельефа и хорошо разработанной речной долиной. Местные почвы, относящиеся к Южному району, имеют хорошее плодородие и высокую степень освоенности⁵. Это в целом способствовало активному расселению и хозяйственному освоению данной территории населением на

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ) / под ред. С.В. Бахрушина. М.; Л. 1950. С. 360–361.

³ ДДГ. С. 420–422.

⁴ Карты Старицкого уезда 1825 г., 1890 г. // Исторические карты. Б.м., б.д. [Электронный ресурс] URL: <http://www.etomesto.ru/map> (дата обращения: 15.12.2023)

⁵ Калмыкова В.Г. Рельеф Калининской области// Природа и хозяйство Калининской области. / Под ред. М.М. Бочарова. Калинин, 1960. С. 82–122; Загорский Г.Ф. Реки Калининской области // Там же. С. 158–197; Гавеман А.В. Почвы Калининской области // Там же. С. 248–286.

протяжении многих веков, о чём свидетельствуют как многочисленные археологические материалы, так и письменные источники.

Единственными источниками изучения ранних периодов истории региона являются археологические данные. В общей сложности на исторической территории Старицкой земли (по данным «Археологической карты России» и другим исследованиям) определены несколько сотен разновременных памятников археологии от каменного века до XIX в. Наиболее ранними открытymi памятниками являются стоянки мезолитической бутовской культуры. Широко представлены стоянки эпохи неолита, отмечены могильники фатьяновской культуры эпохи бронзы, городища и селища раннего железного века⁶.

Данное же исследование сосредоточено на сельских средневековых объектах. Несмотря на то, что проблема преемственности и взаимосвязи памятников позднего периода раннего железного века и Средневековья для тверского Поволжья остаётся недостаточно разработанной⁷, можно отметить увеличение количества и территориальное распространение разных типов археологических памятников с конца I тыс. н. э., что можно связать с развитием хозяйственной деятельности, а также это говорит об активном освоении новых территорий, росте населения и движения поселений от крупных водоемов в бассейны мелких притоков⁸.

Сельские средневековые археологические памятники различаются по назначению и хронологии. По назначению объекты археологического наследия (далее – ОАН)⁹ можно разделить на погребальные (сопочные, курганные или грунтовые могильники) и поселенческие (городища и селища). Хронологически они разделяются на памятники XI–XIII вв. и XIV–XVII вв., что объясняется как сменой погребальной традиции от насыпей к грунтовым могилам, так и изменением массового и индивидуального материала на поселенческих ОАН.

Самыми распространёнными и изученными памятниками в Старицком Поволжье являются погребальные насыпи XI–XIII вв. Хорошая их изученность объясняется простотой (относительно других) определения на местности, выраженностью на рельефе. Что объясняет также и раннее начало их археологического изучения. Уже в конце XIX – начале XX в. отмечены значимые исследования. И.П. Крыловым в 1912 г. проводились

⁶ Археологическая карта России. Тверская область. М., 2003. Ч.1 / Под ред. А.В. Кашкина. С. 21–71, 345–401.

⁷ Малыгин П.Д. Археологические памятники Тверской области и история их изучения: учебное пособие. Тверь, 2007. С. 39.

⁸ Кузя А.В. Неукрепленные поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1985. С. 96–104.

⁹ Наименования ОАН даны согласно сведениям из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных министерства культуры РФ. Б.м., б.д. [Электронный ресурс] URL:<https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 10.12.2023).

раскопки курганов в Иверово¹⁰ и в Щапово¹¹. А.К. Жизневским была составлена курганская карта Тверской губернии¹². Впоследствии на протяжении XX в. неоднократно проводились раскопки насыпей разных курганных групп, общее число скоплений которых превышает 50. Длительные и плодотворные исследования в итоге позволили в конце XX – начале XXI вв. старицкие курганы включить в большие системные работы, посвящённые изучению погребальных памятников Тверской области¹³.

Более поздние грунтовые погребения фиксируются сложнее. Их обнаружение затруднено типом захоронения, информация о них обрывочна, хотя информационные возможности для характеристики населения обширны. Вся информация о возможном местонахождении трёх известных могильников –Дягунино¹⁴, Коноплино¹⁵ и Юрьевское¹⁶ – определена нахождением каменных крестов XV–XVII вв.

Из числа поселенческих памятников эпохи Средневековья наиболее исследованными являются городища, что вызвано их местонахождением (мысы, холмы), а также часто остатками оборонительных сооружений (рвы, валы), облегчающими их выявление на местности. Это способствовало включению их наряду с курганами в разные своды памятников и достопримечательностей, начиная с конца XIX в.: В.А. Плетнёвым¹⁷, А.А. Спицыным¹⁸, И.П. Крыловым¹⁹. Кроме того, упоминания городищ содержатся в обобщающих работах второй половины XX в., посвящённых укреплённым поселениям Древней Руси²⁰ и Тверского княжества²¹.

¹⁰ Крылов И.П. Курганы близ с. Иверовского, Старицкого уезда // Тверская старина. № 5. Старица. 1912. С. 9.

¹¹ Крылов И.П. Курганы близ д. Щапово // Тверская старина. № 6. Старица. 1912. С. 12–14.

¹² Жизневский А.К. Курганская карта Тверской губернии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XLIX. Вып.5. М., 1890.

¹³ Скукина Е.В. Погребальные памятники Тверского Поволжья X–XII вв.: автореф. дис. .... канд. ист. наук. М. 1997.; Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья // Археология Верхневолжья. Тверь, 2010.Вып. 1.

¹⁴ Плетнёв В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. (К археологической карте губернии) Тверь, 1903. С. 92.

¹⁵ Бодунов Е.В. Отчет о разведках в Старицком Поволжье на территории Калининской области 1985 г. // Архив Института археологии Российской Академии наук (далее – ИА РАН). Ф. Р-1. №10827.

¹⁶ Макаренко Н.Е. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 6. СПб. 1904. С. 90–91.

¹⁷ Плетнёв В.А. О курганах и городищах Тверской губернии. Тверь, 1884; Он же. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. (К археологической карте губернии). Тверь, 1903.

¹⁸ Спицын А.А. Археологические очерки Тверской губернии. (1923) // Археология Верхневолжья. Тверь, 2022.Вып. 2.

¹⁹ Крылов И.П. Достопримечательности в уезде. Выпуск первый. Старица, 1915.; Он же. Достопримечательности в уезде. Выпуск второй. Старица, 1916.

²⁰ Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР.

Всего в Старицком Поволжье зафиксировано 7 городищ разного периода и степени изученности. Это древнерусские городища XI–XIII вв., открытые во второй половине XX в.: городище Боронкино²²; Воеводино²³. К этому же времени относится городище Юрьевское I, известное с конца XIX²⁴ и обследованное в XX в.²⁵

Более интересными видятся городища, действовавшие условно и в XIV–XVII вв., по причине возможного их сличения с имеющимися письменными свидетельствами. Так, городище Паньково (Семенов Городок) упоминается в летописях как пограничная крепость XII–XIII вв.²⁶, в актах феодального землевладения в 1543 г.²⁷ и территориально может быть связано с волостью Холохольня. Археологически обследовалось П.Д. Малыгиным и А.В. Мицким во второй половине XX в.²⁸ Городище Родня 2 (город Роден), существовавшее с раннего железного века до XVII в, обследованное в разное время А.А. Спицыным²⁹ и Е.В. Бодуновым³⁰, по письменным данным может быть связано с крепостью, упомянутой в летописи

№ 105. М.; Л. 1961; Кузя А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод Археологических памятников. М., 1996; *Он же*. Малые города Древней Руси. М., 1989.

²¹ Рикман Э.А. Города Тверского княжества (топография, место в исторической географии): автореф. дис. .... канд. ист. наук. М. 1949; *Он же*. Обследование городов Тверского княжества // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLI. М., 1952. С. 71–85.

²² Паспорт памятники объекта культурного наследия №7210 // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области; Мицкий А.В. Отчет о разведках и раскопках. 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №10720; *Он же*. Отчет об археологических разведках в зонах проектирования объектов автодорожного строительства на территории Тверской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №19594.

²³ Бодунов Е.В. Отчет о разведках и раскопках, произведенных в Калининской области в составе историко-археологической экспедиции Калининского университета. 1976 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №6754.

²⁴ Макаренко Н.Е. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 6. СПб., 1904.

²⁵ Харитонов Г.В. Отчет о разведывательных работах, произведенных на территории Селижаровского, Ржевского, Старицкого и Калининского р-нов Калининской области 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №5466.

²⁶ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ).. СПб., 1848. Т. 4. С. 21; ПСРЛ. М. 1965. Т. 10. С.69.

²⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2 / Под ред. А.А. Зимина. С. 170.

²⁸ Паспорт памятники объекта культурного наследия №7239 // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области.; Мицкий А.В. Отчет о разведках и раскопках. 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №10720.

²⁹ Спицын А.А. Городища Дьякова типа // Записки отделения русской и славянской археологии. Т. V. Вып. 1. СПб., 1903.

³⁰ Бодунов Е.В. Отчет о разведках в Старицком Поволжье на территории Калининской области 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №10827.

в 1368 г. и 1370 г.³¹, а также как волостной центр в меновой грамоте 1566 г.³² Хлопово Городище-1, известное с XIX в.³³, и полноценно обследованное позднее А.В. Мирецким³⁴ и П.Д. Малыгиным³⁵, по предположению последнего, может быть связано с г. Холмом, упомянутым в Никоновской летописи под 1346 г.³⁶ и являющимся позднее центром Холмской волости.

Отдельно стоит упомянуть Погорелое Городище, соотнесённое в историографии с историческим г. Хорвач (позднее Новый городок/городище), впервые упомянутым в 1368 г. в летописях³⁷ как Новый городок в 1504 г. в духовной грамоте Ивана III³⁸ и входящего в XVI–XVII вв. в состав волости Холм. Данный памятник известен также с конца XIX в., позднее полноценно исследован Э.А. Рикманом³⁹, П.Д. Малыгиным⁴⁰ и А.П. Ланцевым⁴¹.

Появление или перезаселение городищ в Средневековье связано во многом с образованием сельским центров, что было вызвано развитием хозяйственной деятельности, ростом населения и усложнением территориальной организации. Как показывают примеры выше, зачастую они становятся центрами административных округов и напрямую связаны с сельским населением.

Существует более многочисленная группа ОАН, представленная неукреплёнными поселениями – селищами, которые также могли как выполнять функцию сельского центра, так и являться простым поселением (селом), что не уменьшает их информационный потенциал.

Переходя к характеристике истории изучения селищ, необходимо отметить, что данный тип археологических памятников является наиболее сложным по методике обнаружения и дальнейшего исследования, так как они не имеют чёткой выраженности на местности, могут располагаться на давно заброшенных, поросших лесом участках. По этой причине, за некоторым исключением, их введение в научный оборот происходит только со второй половины XX в., а их исследование ограничено археологической разведкой.

³¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87, 91

³² ДДГ. С. 420-422

³³ Тверской музей и его приобретения в 1891. Тверь, 1892.

³⁴ Мирецкий А.В. Отчет о раскопках и разведках. 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №12262.

³⁵ Малыгин П.Д. Отчет о разведках. 1988 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №12985-12986.

³⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 218.

³⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87

³⁸ ДДГ. С. 360-361.

³⁹ Рикман Э.А. Отчёт о разведках на территории бывшего Тверского княжества. 1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №417.

⁴⁰ Малыгин П.Д. Отчет о разведках. 1988 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №12985-12986.

⁴¹ Ланцев А.П. Отчет о работах в 1995 г. на территории Тверской области // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №18438.

В целом данный пласт археологических данных во многом характеризует материальную культуру сельского населения, но имеющиеся их исследования не систематизированы. На данный момент отсутствуют работы, посвященные конкретно данному типу объектов на территории Тверской области, а имеющиеся результаты разведок не опубликованы в полноценном виде. Историографический анализ исследований сельских поселений затруднен.

Незначительными исключениями, отражёнными в литературе, являются памятники, которые связаны с упомянутыми или описанными в письменных источниках XIV–XV вв. историческими местами (Холохольня I, 2; Родня I (посад города Родена), Иванищи I, 2; Погорелое Городище I, 2), однако их археологическое обследование также не опубликовано. Эти объекты известны в первую очередь как одноимённые сельские центры, отраженные в комплексе средневековых письменных материалов, с этим же связано их отражение в дореволюционных работах в историографии⁴².

Полноценное археологическое исследование сельских центров (селищ) проводилось в рамках полевых разведок по маршрутам в Старицком и Зубцовском муниципальном округе со второй половины XX в., что нашло отражение в научных отчётах и технических материалах охранного характера. В подавляющем большинстве случаев вся известная информация о памятнике получена при его открытии, повторное изучение ОАН проводилось редко и связано или с длительным периодом функционирования, затрагивающим разные археологические культуры, или с особой информативностью, отражением его в летописях, найденными уникальными артефактами.

Полевые исследования территории полноценно начались в середине XX в. В 1947 г. Э.А. Рикманом было обследовано и укрепленное Погорелое Городище, неоднократно упоминающееся в источниках⁴³. В 1950–60-х гг. в ходе разведок в бассейне р. Волги В.С. Тарасенко (Иванищи 2)⁴⁴ и Н.И. Гуриной (Валуйки I, Кучково I)⁴⁵ при обследовании известных памятников других типов были определены следы средневековых поселений.

В 70–80-х годах XX в. в рамках активной разведывательной деятельности в старицком Поволжье Г.В. Харитоновым были открыты сел. Холо-

⁴² Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. (К археологической карте губернии) Тверь, 1903. С. 113–148.; Крылов И. Достопримечательности в уезде. Выпуск первый. Старица, 1915; Он же. Достопримечательности в уезде. Выпуск второй. Старица, 1916.; Ушаков А.В. О могиле Шигоны-Поджогиных в селе Иванишиах, Старицкого уезда / Отдел II. Областная история. Памятники гражданской старины // Труды 2-го Тверского археологического съезда. Тверь, 1906.

⁴³ Рикман Э.А. Отчет о разведках на территории бывшего Тверского княжества. 1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №417.

⁴⁴ Тарасенко В.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Волги от г. Калинина до г. Старицы. 1956 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №1232.

⁴⁵ Гурина Н.Н. Отчет о полевой работе Неолитического отряда Прибалтийской археологической экспедиции. 1960 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №2125.

хольня I, 2; гор. Юрьевское и др.⁴⁶; В.М. Воробьёвым сел. Балащутино I в Старицком и Гастовня-1, Ягодино-1 в Зубцовском м.о.⁴⁷ Наибольший вклад внёс Е.В. Бодунов, который выявил целый ряд памятников эпохи Средневековья в бассейне р. Волги и Держи: сел. Нестерово I, 2, Иванищи I; гор. Родня 2 (Город Роден) и др.⁴⁸ В этот же период исследователями были составлены паспорта объектов культурного наследия⁴⁹.

В конце 80-х–90-е годы XX в. А.В. Мирецким исследовались памятники на побережье крупных рек: Шоши, Вязьмы, Тьмы, Держи. Был изучен культурный слой крепостей в Паньково (истор. Семенов Городок на Холохольне), где в XIX в. был найден клад куфических монет второй половины VII в., и Хлопова Городища на р. Шоше⁵⁰. В исследовании Хлопова Городища отмечен также П.Д. Малыгин в 1988 г., тогда же им были открыты два синхронных селища вблизи гор. Погорелое Городище⁵¹.

В 1997 г. И.В. Ислановой проводились разведки в районе среднего течения р. Тьмы, где были обнаружены три конгломерата поселений из 4 одновременных памятников в районе д. Берново и д. Глазуново, двух объектов в районе д. Климово⁵². В том же году Ю.В. Степановой было обследовано побережье р. Тьмаки, в результате чего был выявлен ряд позднесредневековых поселений⁵³.

⁴⁶ Харитонов Г.В. Отчет о разведывательных работах, произведенных на территории Селижаровского, Ржевского, Старицкого и Калининского р-нов Калининской области 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №5466.

⁴⁷ Воробьев В.М. Отчет о разведках в Ржевском и Зубцовском районах Калининской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №6940; *Он же*. Отчет о разведках и раскопках в Калининской области 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №8837.

⁴⁸ Бодунов Е.В. Отчет о разведках, произведенных в Старицком р-не Калининской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №5834; *Он же*. Отчет о разведках и раскопках, произведенных в Калининской области в составе историко-археологической экспедиции Калининского университета. 1976 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №6754; *Он же*. Отчет о разведках в Калининской области 1979 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №7951; *Он же*. Отчет о разведках в Старицком Поволжье на территории Калининской области 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 10827.

⁴⁹ Паспорта памятники объекта культурного наследия // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области.

⁵⁰ Мирецкий А.В. Отчет о разведках и раскопках. 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №10720; Отчет о раскопках и разведках. 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №12262; *Он же*. Отчет о разведках и раскопках на территории Тверской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №16714-16715; *Он же*. Отчет об археологических разведках в зонах проектирования объектов автодорожного строительства на территории Тверской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №19594.

⁵¹ Малыгин П.Д. Отчет о разведках. 1988 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №12985-12986.

⁵² Исланова И.В. Отчет о работах в Тверской области в 1997 г. Ч.2 / Отчёт об архитектурно-археологических и археологических работах в Старицком районе Тверской области в 1997. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №20917.

⁵³ Степанова Ю.В. Отчет о разведках в районе р. Тьмаки в Калининском и Старицком р-нах в 1997 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №20344.

В целом на данный момент в научный оборот введено около 60 сельских поселений: городищ и селищ периодов XI–XIII вв. и XIV–XVII вв. Полный список известных ОАН с местоположением представлен на карте (см. рис. 1):

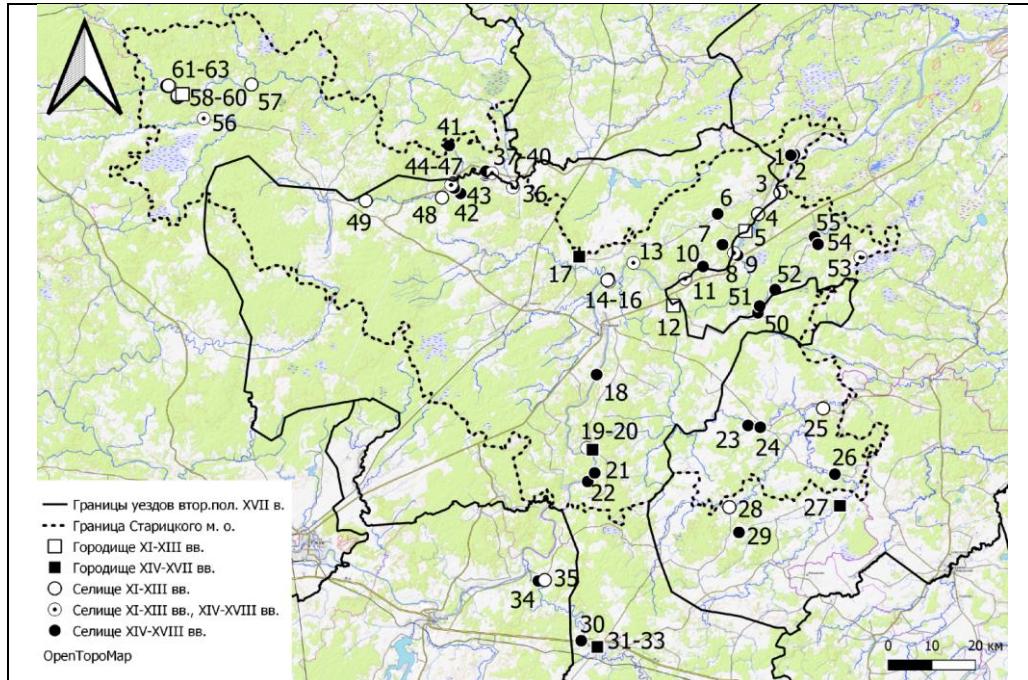

Рис. 1. Карта распространения сельских памятников Старицкого Поволжья:

- 1 – Несторово I; 2 – Нестерово 2; 3 – Новокурцево I; 4 – Кучково I; 5 – Воеводино I; 6 – Васильевское I; 7 – Казнаково I; 8 – Иванищи 2; 9 – Иванищи; 10 – Валуйки I; 11 – Сасынье I; 12 – Юрьевское I; 13 – Толпино I; 14 – Холохольня I; 15 – Холохольня 2; 16 – Дубровка I; 17 – Паньково; 18 – Черепково; 19 – Родня I (посад города Роден); 20 – Родня 2 (город Роден); 21 – Григорьево I; 22 – Дягунино I; 23 – Репино; 24 – Степурино I; 25 – Балаштино I; 26 – Кобелево I; 27 – Хлопово Городище-1; 28 – Ягодино I; 29 – Гастовня-1; 30 – Носово-1; 31 – Погорелое Городище (гор); 32 – Погорелое Городище I (сел); 33 – Погорелое Городище 2; 34 – Никифоровское I; 35 – Никифоровское 2; 36 – Иовлево I; 37 – Берново I; 38 – Берново 2; 39 – Берново 3; 40 – Берново 4; 41 – Подсосенье I; 42 – Климово I; 43 – Климово 2; 44 – Глазуново I; 45 – Глазуново 2; 46 – Глазуново 3; 47 – Глазуново 4; 48 – Малинники; 49 – Анциориха I; 50 – Андриянково I; 51 – Демихово I; 52 – Панафидино I; 53 – Ильинское; 54 – Емельяново I; 55 – Емельяново 2; 56 – Теплово I; 57 – Гришкино I; 58 – Боронкино I (гор); 59 – Боронкино I (сел); 60 – Боронкино 2; 61 – Вороново I; 62 – Вороново 2; 63 – Вороново 3

Отдельно необходимо отметить понятие «культурный слой исторического поселения», отражающее следы раннего существования современных действующих населённых пунктов. Однако в случае с сельскими поселениями подобные исследования только начали проводиться и затруднены современной застройкой.

Некоторые итоги археологических разведок представлены в работах П.Д. Малыгина⁵⁴ и О.М. Олейникова⁵⁵, посвящённых изучению археологических древностей Верхневолжья, а также вступительной статьёй к «Археологической карте Тверской области»⁵⁶.

В целом же степень изученности средневековых сельских памятников старицкого Поволжья можно признать значительной, но недостаточной. Несмотря на то, что на данный момент открыто большое количество археологических объектов, непроработанным остаётся вопрос их систематизации в рамках территории сопредельных средневековых государственных образований – Тверского и Смоленского княжеств и Новгородской земли, позднее – Старицкого уезда. Слабо отражено и соотношение археологических материалов с имеющимися письменными источниками.

Первичный анализ имеющихся данных позволяет сделать некоторые предварительные выводы о процессах расселения и освоения территории Старицкого Поволжья в Средневековье. Сельские центры (селища, городища) всегда приурочены к водоёму, часто расположены на выраженной в ландшафтном плане местности, имеют небольшой размер, культурный слой и находки (фрагменты сосудов) указывают на длительное время их функционирования. Часто возможно их соотнесение с историческими селами, известными по данным письменных источников.

Согласно найденным при проведении археологических изысканий материалам, задействованные в исследовании ОАН делятся на три хронологические группы: 1) XI–XIII вв. (12 селищ и 3 городища); 2) XI–XIII вв.– XIV–XVII вв. (16 селищ и 4 городища); 3) XIV–XVII вв. (28 селищ). Первая и вторая группы сходны по количеству и составу объектов. Отличается третья группа, для которой характерны резкие изменения: 1) увеличение количества новых функционирующих селищ, что связано во многом с хозяйственным освоением не затронутых ранее территорий (угодий), возможно, с ростом населения, техническим прогрессом; 2) отсутствие новообразованных городищ, что может быть следствием процесса централизации Московского государства и потери необходимости установки пограничных крепостей между уделами. Интересным выглядит также долгий период функционирования памятников второй группы с XI по XVII вв., свидетельствующий о преемственности освоенных участков. По-видимому, удобное расположение вблизи крупных водных артерий способствовало длительному проживанию населения на одной территории и отсутствию потребности миграции. Укреплённые поселения – городища – с XIV в., вероятно, меняют свой статус, становятся центрами сельских округов. При этом необходимо отметить некоторую ограниченность возмож-

⁵⁴ Малыгин П.Д. Археологические памятники Тверской области и история их изучения: учебное пособие. Тверь, 2007.

⁵⁵ Олейников О.М. История населения Тверского Поволжья в VI–XIII вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁵⁶ Археологическая карта России. Тверская область. М., 2003. Ч.1 / Под ред. А.В. Кашкина. С. 12–71.

ности исследования на данный момент, вызванную недостаточной изученностью микрорегиона (остаётся много неизученных районов, ОАН исследованы только в ходе археологических разведок, полноценных раскопок на подавляющем большинстве из них не проводилось.

Определённые выводы можно сделать при пространственном анализе объектов (см. рис. 1). Размещение известных сельских памятников на топографической основе (в формате гео-информационной системы) позволяет увидеть неравномерное распределение их на местности – почти все эти объекты отмечены на побережьях относительно крупных рек микрорегиона: Волги, Тьмы, Тьмаки, Шоши, Держи. Это может быть связано с особенностями расселения в эпоху Средневековья вдоль рек, а также с маршрутами археологических разведок в XX в. Выделяются также группы памятников, расположенных вблизи друг с другом, которое можно связать с «гнездовым» типом расселения. Подобные «гнёзда» обнаружаются в районе среднего течения р. Тьмы (открыты три скопления (по 2–4 объекта) вблизи деревень Берново, Глазуново, Климово), на повороте р. Волги выше г. Старицы (недалеко от исторического поселения Иверовское (Иворовское) отмечено три селища), выше по течению р. Волги на обоих берегах в районе деревень Казнаково, Воеводино, Иванищи (пять селищ и городище) и на р. Держе в районе с. Погорелое Городище (три синхронных памятника). Известны также близко расположенные синхронные средневековые парные памятники: селища Нестерово I.2, Емельяново I.2, Родня I; городище Родня 2; селища Репино и Степурино I.

Таким образом, перспективными представляются два направления исследований старицкого Поволжья. Во-первых, это анализ имеющихся археологических данных и, главное, поиск новых с целью их дальнейшего включения в единый комплекс сельских объектов, характеризующий сеть поселений и показывающий общую картину материальных следов процессов расселения и хозяйственного освоения микрорегиона в эпоху Средневековья. Во-вторых, это сопоставление археологических и письменных источников, в первую очередь писцовых книг, что способствует как нахождению и материальному подтверждению имеющихся в них исторических сел и волостных центров, так и интерпретации известных археологических памятников и обнаружению новых. В объединении в рамках одного исследования археологического, источниковедческого и историко-географического подходов видится возможность более полной реконструкции территориальной организации в микрорегионе.

Список литературы:

1. Гавеман А.В. Почвы Калининской области. // Природа и хозяйство Калининской области. / Под ред. М.М. Бочарова. Калинин, 1960. С. 248 – 286.
2. Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья // Археология Верхневолжья. Тверь: Научная книга, 2010. Вып. 1. – 351 с.

3. Загорский Г.Ф. Реки Калининской области// Природа и хозяйство Калининской области. / Под ред. М.М. Бочарова. Калинин, 1960. С. 158–197.
4. Калмыкова В.Г. Рельеф Калининской области // Природа и хозяйство Калининской области. / Под ред. М.М. Бочарова. Калинин, 1960. С. 82–122.
5. Кузя А.В. Неукрепленные поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1985. С. 96–104.
6. Кузя А.В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. – 169 с.
7. Кузя А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод Археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. – 254 с.
8. Малыгин П.Д. Археологические памятники Тверской области и история их изучения: учебное пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – 104 с.
9. Олейников О.М. История населения Тверского Поволжья в VI–XIII вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. – 25 с.
10. Рикман Э.А. Города Тверского княжества (топография, место в исторической географии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. – 18 с.
11. Рикман Э.А. Обследование городов Тверского княжества // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLI. М.: АН СССР, 1952. – С. 71–85.
12. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. №105. М.; Л.: АН СССР, 1961. – 242 с.
13. Скукина Е.В. Погребальные памятники Тверского Поволжья X–XII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. – 20 с.
14. Спицын А.А. Археологические очерки Тверской губернии. (1923) // Археология Верхневолжья. Тверь: Твер. гос. ун-т; ТГОМ, 2022. Вып. 2. – 134 с.

Об авторе:

МОЛОТИЛОВ Леонид Борисович – аспирант, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31), e-mail: Molotilov.LB@tversu.ru

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS XIV – XVII CENTURIES IN THE STARITSKY VOLGA REGION IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF RURAL SETTLEMENT

L.B. Molotilov

Tver State University, Tver', Russia

The article is devoted to the history of the archaeological study of the Staritsa Volga region during the Middle Ages and the primary analysis of the available material and written data on famous monuments. The main stages, trends, and nature of the study of rural objects are presented. An

archaeological, source study and historical and geographical characteristics of medieval rural monuments are given, as well as a brief information about the physical and geographical features of the microregion. Options for typologizing archaeological sites based on their purpose and established chronological framework are proposed. Based on spatial and structural analysis of objects, preliminary conclusions about the processes of settlement and development of the territory were formed. Priority and promising areas of microregion research are identified.

Keywords: Staritskoe Volga region, Middle Ages, archeology, object of archaeological heritage, settlement, ancient settlement, resettlement, rural population.

About the author:

МОЛОТИЛОВ Леонид Борисович – Postgraduate Student, the Department of Russian History, Tver State University, (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31) e-mail: Molotilov.LB@tversu.ru

References

- Gaveman A.V., *Pochvy Kalininskoy oblasti*, Priroda i hozyajstvo Kalininskoy oblasti, Pod red. M.M. Bocharova, Kalinin, 1960, S. 248–286.
- Zhukova E.N., Stepanova Yu.V., *Drevnerusskie pogrebal'nye pamyatniki Verhnevolzh'ya*, Arheologiya Verhnevolzh'ya, Tver', Nauchnaya kniga, 2010, Vyp. 1. – 351 s.
- Zagorskij G.F., *Reki Kalininskoy oblasti*, Priroda i hozyajstvo Kalininskoy oblasti., Pod red. M.M. Bocharova, Kalinin, 1960, S. 158–197.
- Kalmykova V.G., *Rel'ef Kalininskoy oblasti*, Priroda i hozyajstvo Kalininskoy oblasti., Pod red. M.M. Bocharova, Kalinin, 1960, S. 82–122.
- Kuza A.V., *Neukreplennye poseleniya*, Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo, Arheologiya SSSR, pod red. B.A. Rybakova, M., Nauka, 1985, S. 96–104.
- Kuza A.V., *Malye goroda Drevnej Rusi*, M., Nauka, 1989. – 169 s.
- Kuza A.V., *Drevnerusskie gorodishcha X–XIII vv. Svod Arheologicheskikh pamyatnikov*, M., Hristianskoe izdatel'stvo, 1996. – 254 s.
- Malygin P.D., *Arheologicheskie pamyatniki Tverskoj oblasti i istoriya ihizuchenija: uchebnoe posobie*, Tver', Tver. gos. un-t, 2007. – 104 s.
- Olejnikov O.M., *Istoriya naseleniya Tverskogo Povolzh'ya v VI–XIII vv. n. e.*, avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, M., 2003. – 25 s.
- Rikman E.A., *Goroda Tverskogo knyazhestva (topografiya, mesto v istoricheskoy geografii)*, avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, M., 1949. – 18 s.
- Rikman E.A., *Obsdelenie gorodov Tverskogo knyazhestva*, Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury, Vyp. XLI, M., AN SSSR, 1952, S. 71–85.
- Rapoport P.A., *Ocherki po istorii voennog ozodchestva Severo-vostochnoj Severo-zapadnoj Rusi X–XV vv.*, Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, № 105, M., L., AN SSSR, 1961. – 242 s.

- Skukina E.V., *Pogrebal'nye pamyatniki Tverskogo Povolzh'ya X–XII vv.*, a
vtoref. dis. ... kand. ist. nauk, M., 1997. – 20 s.
- Spicyn A.A., *Arheologicheskie ocherki Tverskoj gubernii. (1923)*, Arheologiya
Verhnevolzh'ya, Tver', Tver. gos. un-t, TGOM, 2022, Vyp. 2. – 134 s.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.

СООБЩЕНИЯ

УДК94(470.2)“1941/1945”
DOI 10.26456/vthistory/2024.1.100–112

О РОЛИ КИРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ТРАНСПОРТИРОВКЕ ИМПОРТНЫХ ГРУЗОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ю.Н. Зеленская

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»,
г. Петрозаводск, Россия

В статье впервые в отечественной историографии на основе широкой источниковской базы поднимается вопрос транспортировки импортных грузов, которые поступали в порт г. Мурманска в период зимней навигации от союзников по антигитлеровской коалиции, по Кировской железной дороге. В годы Великой Отечественной войны однопутная железнодорожная линия Сорокская – Обозерская стала единственной связующей сухопутной коммуникацией между Карело-Финской ССР и Архангельской областью. Выполнение стратегических перевозок в чрезвычайных условиях военного времени потребовало модернизации железнодорожной инфраструктуры, внедрения новых технологических решений в работу Кировской магистрали. В результате сопоставления данных из архивных источников установлен объем союзнических грузов, перевезенных по Кировской железной дороге в военный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Мурманский порт, Кировская железная дорога, ленд-лиз, перевозки.

В отечественной историографии наблюдается всплеск научного интереса к теме взаимоотношений с союзниками по антигитлеровской коалиции, в частности организации поставок по ленд-лизу¹, погашения долгов сначала СССР, затем Российской Федерацией². Острая дискуссия развернулась по вопросу вклада союзнических поставок в Победу: Н. В. Шабельник считает, что помочь союзникам по ленд-лизу была существенной, но решающей роли в Победе советской армии не сыграла³. Б. В. Соколов,

¹ Бутенина Н. В. Ленд-лиз: сделка века. М., 2004.

² Благих И. А. Ленд-лиз оружие победы? // Проблемы современной экономики, 2010. №2. С. 30-32; Рыжков Н. И. Фактор ленд-лиза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2015. Вып. 15. С. 34-47.

³ Шабельник Н.В. Роль ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны: современные оценки // Манускрипт, 2016. С. 196–199.

напротив, пишет, что без западных поставок горючего для авиации, железнодорожных рельс, паровозов и вагонов, автомобилей, пороха и т.д. Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, не был в состоянии противостоять германскому вторжению⁴. Известный специалист по данному вопросу М.Н. Супрун, опираясь на рассекреченные материалы, утверждает, что по продовольственному, материально-техническому снабжению помочь союзников неоценима⁵. Он охарактеризовал особенности поставок по северному маршруту, проанализировал на основе статистических данных объемы поступивших в северные порты грузов, которые далее по железнодорожным путям (в т.ч. и Кировской магистрали) были доставлены к месту назначения⁶. Изучение перевозок по ленд-лизу, осуществлявшихся по северному маршруту, находится также в центре внимания других исследователей⁷. Упоминания о работе Мурманского порта и железнодорожного узла, Кировской железной дороги в военный период встречаются в работах А. А. Киселева⁸ и С. Г. Веригина⁹.

Зарубежная историография представлена обстоятельным трудом Р.Х. Джонса, где представлены объемы импортных поставок в СССР по времени, типу груза, маршруту. По мнению исследователя, нация, «понесшая огромные потери... получила безусловно бесценный промышленный потенциал, чтобы дать начало восстановлению своего хозяйства... Ленд-лиз приблизил окончание войны как для русских, так и для союзников, и с этой точки

⁴ Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/HIST/sokolov.txt> (дата обращения: 15.01.2024 г.)

⁵ Супрун М.Н. Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1996. №3. С. 46-54; Его же. Стратегия Антигитлеровской коалиции и ленд-лиз. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2010. №2. С. 42–52.

⁶ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М., 1997; Его же. Значение северных конвоев в организации военно-экономического сотрудничества СССР и союзников в 1941–1945 гг. // Управление и консультирование, 2005. №2. С. 10–20; Его же. Ленд-лиз в стратегии Антигитлеровской коалиции//Ленд-лиз и глобализация: материалы международной конференции, 28–30 апреля 2005. Архангельск, 2006. С. 6–18.

⁷ Балова М.Б. Молотовский порт и северные конвои в годы Великой Отечественной войны // Проблемы культуры, языка, воспитания: сб. науч. ст. Архангельск, 2004. Вып. 6. С.69–78; Лузин Д.Ю. Северный морской путь в годы Второй мировой войны, 1939–1945 гг. // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Архангельск, 2000. Вып. 4. С.91–104; Санников Л.И. Поставки по ленд-лизу через Архангельск и железную дорогу на Экономию // Ленд-лиз и Россия: материалы международной конференции по проблемам ленд-лиза. Архангельск, 2006. С. 261–271; Архангельск и ленд-лиз: городской Совет в годы войны. Архангельск, 2011.

⁸ Киселев А.А. Мурманск – город герой. М., 1988.

⁹ Веригин С.Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009.

зрения программа полностью выполнила свое предназначение»¹⁰. Р. Мантинг охарактеризовал северный маршрут поставок как чрезвычайно рискованный. По подсчетам автора через Мурманск и Архангельск ССР получил 4,4 млн. т. грузов (по Персидскому коридору – 4,6 млн. т)¹¹. О помощи Великобритании ССР повествовал изданный 1943 г. иллюстрированный фотографиями журнал «Товарищи по оружию! Великобритания и ССР», содержащий сведения о подписании договора между союзниками о ленд-лизе, работе военной промышленности Великобритании по производству танков и самолетов, поставках боевой техники, ее участии в боевых действиях¹². Подробному освещению вклада Великобритании в дело оказания помощи ССР посвящена книга Д. Бомонта¹³.

Вне поля зрения отечественных и зарубежных исследователей остается вопрос обеспечения Кировской магистралью транспортировки импортных грузов.

В основе данной статьи лежат письменные источники, опубликованные в тематическом издании «Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы», где представлены статистические данными о грузах, поступивших в порт г. Мурманска в каждый военный год¹⁴; дневниковые записи первого секретаря обкома ВКП(б) прифронтовой Мурманской области в годы войны М. И. Старостина, отражающие события военной повседневности и трудовые будни, данные о налетах авиации противника, разрушениях, перерывах в движении поездов и т.д.¹⁵; воспоминания иностранных моряков, прибывших в порт Мурманска с караванами, свидетельства ветеранов Второй мировой войны - участников Северных конвоев»¹⁶.

Часть материалов извлечена из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (постановления ГКО, регламентировавшими процесс реконструкции морских портов Архангельск и Мурманск, их подготовку к приему караванов союзников); Национального архива Республики Карелия (сведения о строительстве линии Сорокская – Обозерская, модернизации железнодорожной инфраструктуры Кировской магистрали, сведения об объемах перевезенных грузов, а также документы о встрече первого секретаря ЦК КП(б) КФССР Г.Н. Куприянова с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом.

¹⁰ Джоун Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для ССР во Второй мировой войне [Электронный ресурс]. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/68708/chitat_knigu.shtml#t13 (дата обращения: 15.01.2024 г.)

¹¹ Munting R. Lend-Lease and the Soviet War Effor. Journal of Contemporary History. Vol. 19.1984. P. 497.

¹² Товарищи по оружию! Великобритания и ССР. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/comradesinarmsbr00unse/mode/2up> (дата обращения: 15.01.2024 г.)

¹³ Beaumont J. Comrades in Arms: British Aid to Russia, 1941-1945. L., 1980.

¹⁴ Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М., 1994.

¹⁵ Старостин М.И. Дневник войны. Мурманск, 2014.

¹⁶ Встречайте, скалистые горы. Свидетельства ветеранов Второй мировой войны-участников Северных конвоев. 1941–1945. СПб., 2009.

***

Импортные перевозки начались после подписания секретного протокола на Московской конференции, которая работала с 29 сентября по 1 октября 1941 г. По программе ленд-лиза в СССР поступали вооружение, боеприпасы, продовольствие, оборудование и материалы для промышленных предприятий. Доставка грузов осуществлялась по нескольким маршрутам: североатлантическому (в порты Мурманска, Архангельска и Молотовска), тихоокеанскому (в порты Владивостока, Находки, Нагаева, Николаевска, Петропавловска-Камчатского), транссибирскому (через Аляску и Чукотку), трансафриканскому (вокруг и через Африку в Басру, Тегеран и Баку)¹⁷.

Североатлантический путь поставок являлся наиболее коротким. Транспортировка грузов занимала всего 10–14 дней. Караваны могли заходить сразу в три северных порта. Наиболее удобным для разгрузки и последующей отправки грузов был незамерзающий порт г. Мурманска, связанный с Кировской железной дорогой.

Немецкое командование понимало преимущества этого транспортного коридора и при разработке плана «Барбаросса» учло опыт сотрудничества России и Великобритании в период Первой мировой войны, когда Россия получила помощь от союзников через северные порты Архангельск и Романов-на-Мурмане¹⁸. В годы Великой Отечественной войны, чтобы парализовать доставку союзнических грузов, северный маршрут патрулировали германские субмарины, надводные корабли и самолеты, базировавшиеся в Норвегии¹⁹. Авиация противника, находясь в 10 мин лета до г. Мурманска, совершала массированные атаки на его порт и железнодорожный узел.

В условиях начавшейся войны, город Мурманск находился под угрозой захвата войсками противника. 29 июня 1941 г. немецкий горнострелковый корпус «Норвегия» начал наступление на мурманском направлении из района Петсамо. В ходе ожесточенного сопротивления войск 14 армии, противник был остановлен в 40 км от города.

Учитывая уязвимость Мурманского порта, руководство СССР приняло решение использовать более безопасные порты Белого моря Архангельск и Молотовск. В соответствии с постановлением ГКО № 875сс «Об архангельском порте» от 9 ноября 1941 г. началось усовершенствование производственной мощности порта, который получил два ледокола, четыре буксира, четыре железнодорожных баржи, 130 грузовиков, 10 тракторов и т.д.²⁰. Согласно постановлению ГКО 875сс/а приступили к строительству новой линии на Северной железной дороге Исакогорка – Экономия протяженностью 35 км с ледовой переправой через р. Северная Двина и дере-

¹⁷ Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М., 2004. С. 110.

¹⁸ Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб, 1998. С. 169.

¹⁹ Бутенина Н.В. Указ. соч. С. 111.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 18-19.

вянным мостом через р. Кузнециху²¹. Несмотря на принятые меры, на оперативности обслуживания прибывавших транспортов оказывались неприспособленность инфраструктуры порта для разгрузки тяжелой техники (танков, локомотивов, катеров и т.д.) и ограниченная пропускная способность архангельского транспортного узла²².

С наступлением холодов зимой 1941–1942 гг. Белое море покрылось льдом. Температура воздуха была на 5–7 градусов ниже нормы²³. Гавани Архангельска и Молотовска не могли принимать караваны без помощи ледоколов. Единственным портом, который позволял обслуживать союзнические конвои оставался незамерзающий Мурманский.

Техническое состояние порта нуждалось в оперативной модернизации и оснащении. К осени 1941 г. он фактически не функционировал. В связи с немецким наступлением портовые механизмы эвакуированы. Причалы требовали ремонта. Рабочие были либо мобилизованы, либо эвакуированы. Элементарные бытовые удобства отсутствовали.

В декабре 1941 г. народный комиссар внешней торговли СССР А.И. Микоян вынес вопрос о реконструкции порта и подготовке Мурманска к навигации на заседание ГКО²⁴. В соответствии с принятыми решениями в чрезвычайной ситуации под руководством Г. Н. Куприянова развернулись работы по установке портовых кранов, восстановлению и увеличению причального фронта, введению в строй энергетической системы²⁵. Решению кадрового вопроса способствовал приказ ГКО №1026с от 14 декабря 1941 г. «Об обеспечении грузчиками Мурманского, Бакинского и Красноводского портов»²⁶. В Мурманск прибыло 1 160 специалистов архангельского порта, затем еще 2 200 неквалифицированных работников из центральных областей страны, не имевших представления о специфике функционирования портовой инфраструктуры. Почти 30% из них страдали физическими недостатками, 10 чел. имели до войны судимость²⁷.

Размах восстановительных работ увидел посетивший Мурманск 25 декабря 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Впоследствии он предложил своему правительству перенаправить конвой в Кольский залив²⁸. Положительному решению способствовало впечатление, которое произвела на А. Идена введенная в сентябре 1941 г. во временную эксплуатацию однопутная линия Сорокская – Обозерская. Железнодорож-

²¹ Там же. Л. 20.

²² Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М., 1997. С. 29–30.

²³ Разуваев В.Н. Погода и климат в России в XX веке // Россия в окружающем мире: 2001. М., 2001. С. 169.

²⁴ Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 179.

²⁵ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 19. Л. 22.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 16. Л. 95.

²⁷ Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 179.

²⁸ Амусин Б.М. Советские арктические порты в программе ленд-лиза в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.) //Арктика: экология и экономика. 2013. №3 (11). С.114.

ная линия, отсутствовавшая на картах, проходила вдоль берега Белого моря и соединяла Кировскую железную дорогу с Северной, Карело-Финскую ССР с Архангельской областью. Во время поездки по железнодорожной линии министр Великобритании сказал: «Построить за полтора года 356 км по такой труднопроходимой местности – это могли сделать только русские!»²⁹.

Первый конвой (PQ-6) с 111 т. груза прибыл из США в Мурманск 20 декабря 1941 г.³⁰. Начиная с зимы 1941–1942 гг. в период зимней навигации, которая длилась от трех до пяти месяцев, союзнические суда направлялись в порт г. Мурманска как единственную незамерзающую северную гавань. За весь период войны в Мурманский порт вошли 27 караванов в составе 379 пароходов с 322,9 тыс. т. грузов³¹. В 1942 г. СССР получил 92 966 т. грузов, 1943 г.– 66 754,6 т., 1944 г.– 100 370,9 т., в 1945 г.– 62 741,7 т. Всего за годы войны США передали 220 918, 6 т. помощи, Великобритания – 101 914,7 т.³². Союзники поставили 2 597 самолетов, 4 198 танков, 45 715 т. боеприпасов и т.д.³³.

С 1 декабря 1941 г. по 31 декабря 1944 г. со станции Мурманск было отправлено в тыл и на фронты 88 333 вагона или 1 358 989 т. импортных грузов³⁴, что составило примерно 36% всех грузов, поступивших по северному маршруту.

Объемы среднесуточной погрузки-выгрузки вагонов на станции Мурманск в 1940–1944 гг.³⁵

Вид деятельности	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
погрузка вагонов	71	140	73	177
выгрузка вагонов	219	127	136	161

Данные, приведённые в таблице, указывают на сокращение погрузки вагонов на станции Мурманск в 1943 г. в сравнении с 1942 г. и 1944 г. Причиной этому послужила гибель восьми кораблей конвоя PQ-16 в мае 1942 г. и 41 корабля конвоя PQ-17 в июле 1942 г. Суда были потоплены в результате массированных налетов и атак немецкого военно-воздушного и военно-морского флотов³⁶. В 1943 г. поставки возобновились вновь.

²⁹ Зеленская Ю.Н. «Это могли сделать только русские!». Строительство Сорокско-Обозерской железнодорожной линии, которая в годы Великой Отечественной войны стала «дорогой жизни» Севера // Военно-исторический журнал. 2015. №8. С. 23–28

³⁰ Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М., 1994. С. 213.

³¹ Там же. С. 251.

³² Там же. С. 222, 226, 235, 245.

³³ Там же. С. 252.

³⁴ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 1/6а. Л. 11.

³⁵ Там же. Л. 11.

³⁶ Хакам С. PQ-16. Первая кровь // Встречайте, скалистые горы. Свидетельства ветеранов Второй мировой войны-участников Северных конвоев. 1941–1945. СПб., 2009. С. 44–57; Браммер Ф. PQ-17. Обреченные на гибель // Там же. С. 57–61.

В результате сопоставления данных из архивных источников установлено, что в 1942 г. союзнические перевозки составили 4,7% от всех перевозок, осуществленных Кировской железной дорогой в этом году, в 1943 г. – 5,9%, в 1944 г. – 9,7%³⁷.

С началом импортных перевозок порт и железнодорожная станция Мурманск с прилегавшими к ней участками подвергались интенсивным бомбардировкам авиации противника³⁸. На Мурманский железнодорожный узел за годы войны противник сбросил 61 699 авиабомб, что составило 68% от общего количества сброшенных на дорогу бомб³⁹.

В годы войны г. Мурманск защищали 130 зенитных орудий и 30 орудий малой зенитной артиллерии, аэростаты и авиация ПВО. Значительно хуже были оснащены системой ПВО железнодорожные участки и станции Кировской железной дороги, через которые следовали импортные грузы в направлении линии Сорокская – Обозерская. Плохо был защищен участок Кандалакша – Лоухи. В период с 22 по 23 апреля 1943 г. противнику удалось вывести из строя семь паровозов. Движение поездов остановилось на более чем пять суток. На железной дороге не было ни одного километра пути, не взорванного воронками от авиабомб. Особенно много повреждений насчитывалось на участке Полярный Круг – Кемь⁴⁰.

Для прикрытия поездов в пути во время налетов воздушных сил противника на Кировской железной дороге в 1942 гг. следовали оснащенные различными пулеметными установками 12 зенитно-пулеметных взвода по два вагона в каждом. Станционные зенитные установки обороныли 15 железнодорожных объектов (станции Мурманск, Оленья, Княжая, Ковда, Полярный Круг, Мончегорск, ГЭС Нива-2, Кандалакша, Лоухи, Кемь, Сорокская и др.). Всего в защите железнодорожных объектов участвовали 154 зенитных орудия, 11 пулеметов и 21 пулеметная установка⁴¹. Мурманский железнодорожный узел с Кольского залива прикрывал эсминец «Гремящий». Военные моряки не позволили летчикам противника прицельно сбрасывать бомбы на Мурманский железнодорожный узел⁴².

В 1943 г. под защитой зенитных установок находились уже 22 железнодорожные станции. На участке Лоухи – Кандалакша курсировал зенитный бронепоезд №190. Для воздушного прикрытия участка Лоухи – Кандалакша были построены аэродромы⁴³. В этом же году на основе отдела ПВО, входившего в состав военно-мобилизационной службы⁴⁴, по постановлению ГКО от 15 сентября 1943 г. №ГКО-4129/с и приказу НКПС от 21 сентября 1943 г. №С-731/ц была организована служба местной противово-

³⁷ Государственный архив Мурманской области. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 316. Л. 44.

³⁸ Старостин М.И. Указ. соч. С. 122.

³⁹ НАРК. Р-528. Оп. 13. Д. 4/26. Л. 1.

⁴⁰ Старостин М.И. Указ. соч. С. 149, 285.

⁴¹ НАРК. Ф. Р-528. Оп.13. Д.4/29. Л. 181, 183.

⁴² Киселев А.А. Мурманск – город-герой. М., 1988. С. 128.

⁴³ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 181, 183; Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 1/6а. Л. 24;

⁴⁴ Там же. Ф. П-218. Оп. 1.Д. 493. Л. 115.

воздушной обороны (МПВО). При службе МПВО действовали шесть участков МПВО со штабами и объектами⁴⁵. В короткий срок удалось привести в боевую готовность систему противохимической защиты на дороге, организовать формирования МПВО (батальоны, роты), развернуть среди военнослужащих боевую подготовку по 30-часовой программе⁴⁶.

Для сохранения подвижного состава и бесперебойного отправления грузов работа по формированию поездов была перенесена со станции Мурманск на станцию Кола. Загруженные на станции Мурманск вагоны оперативно небольшими группами маневровым порядком отправлялись на станцию Кола. Остальной железнодорожный парк рассредоточивался на примыкающих к Мурманскому узлу железнодорожных ветках⁴⁷. С этой же целью применялись временные графики движения. Они разрабатывались с учетом продвижения поездов с ценными грузами по участкам, наиболее подвергшимся воздушным атакам. Пользуясь протяженностью темной полярной ночи, движение поездов производилось преимущественно в темное время суток. Железнодорожный состав, застигнутый рассветом, задерживался и рассредоточенный ждал наступления темноты для отправления в точку назначения. При необходимости срочной переброски грузов, поезда с воздуха прикрывались истребительной авиацией, которую предоставляло командование штаба фронта⁴⁸. Локомотивы и поезда ходили без наружного освещения⁴⁹.

При увеличении грузопотока на станции Мурманск было введено в 1942 г. отправление тяжеловесных поездов, а на участке Лоухи – Кандалакша двойной тягой. На этом железнодорожном участке поезда пропускались преимущественно в темное время суток или в нелетную погоду. Для сокращения станционных интервалов на участке Кандалакша – Лоухи – Кемь в пунктах дополнительного набора топлива использовались «подменные» паровозы⁵⁰.

На станции Кемь в 1942 г. построены два тупика для промывки оборудования вагонов, подъездные пути и железнодорожная ветка Баба – Губа. Эта ветка использовалась для отгрузки дров для нужд транспорта. Станциям Лоухи, Кемь и Кемь-Пристань выделены в 1942 г. дополнительные паровозы для проведения маневровых работ. В этом же году на Кемском отделении открылись два дополнительных пункта технического осмотра, что позволило производить ремонт вагонов непосредственно силами пунктов технического осмотра отделения⁵¹.

В 1943 г. разработаны планы по формированию поездов на вспомогательных станциях Кола, Апатиты, Сорокская, Идель при затруднениях на

⁴⁵ Там же. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 1/6а. Л. 22.

⁴⁶ Там же. Д. 1/6а. Л. 23.

⁴⁷ Там же. Л. 12.

⁴⁸ Там же. Д. 4/29. Л. 107, 108.

⁴⁹ Мурманский областной краеведческий музей. Ф. НВ. Д. 4323-5пид. Л. 92.

⁵⁰ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 123–124, 182.

⁵¹ НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 715. Л. 46.

основных путях. Зимой 1942-1943 гг. на промежуточных станциях Полярный Круг, Княжая и Энгозеро «добр дров с одновременным набором воды» осуществлялся без отцепки паровозов⁵². Это способствовало увеличению пропускной способности железнодорожного участка Кандалакша – Кемь.

Строительные работы велись на линии Сорокская – Обозерская. Был построен мост через реку Онега, открыт южный выход на примыкании Сорокско – Обозерской ветки к Кировской железной дороге, что значительно разгрузило станцию Сорокская. За 1942 г. строители вывезли и уложили в путь линии Сорокская – Обозерская 400 000 кб. м. балласта, достроили депо Сумпосад и Мудьюга. Временную систему водоснабжения заменили постоянной. Произвели развитие станционных путей на станциях Сумпосад, Малошуйка, Нюхча и Мудьюга, построили постоянные линии телефонной и селекторной связи.⁵³ В октябре 1942 г. железнодорожная линия, соединившая станции Сорокская и Обозерская, вступила в постоянную эксплуатацию⁵⁴.

Окончательно строительные работы на Сорокско-Обозерской железнодорожной линии завершились в 1943 г. Большинство промежуточных станций состояли из 3 путей, а распорядительные станции – из 5. Если в 1941 г. пропускная способность линии составляла 3 пары поездов в сутки, а скорость движения составов 5-6 км/ ч⁵⁵, то в 1943 г. пропускная способность линии достигла 14 пар поездов в сутки при участковой скорости 23,8 км/ч и технической – 28,7 км/ч. Графики следования и отправления поездов выполнялись на 90-100%⁵⁶. К. А. Партанен, начальник пассажирского поезда, следовавшего в годы войны по участку Кемь – Быстрыги, вспоминал о движении днем и ночью одним за другим по линии Сорокская – Обозерская эшелонов, в которых везли танки, орудия, огромные ящики. Американские контейнеры занимали на всю платформу⁵⁷.

Таким образом, с декабря 1941 г. в порт г. Мурманск стали прибывать караваны с грузами взаимопомощи от союзников по антигитлеровской коалиции. Мурманская гавань принимала американские и английские суда в период зимней навигации пока акватории портов Архангельск и Молотовск были скованы труднопроходимыми льдами. После обработки поставки направлялись по Кировской железной дороге на Карельский фронт и в центральные районы страны. Обслуживание импортных перевозок стало новым направлением в деятельности прифронтовой Кировской магистрали. Возраставшая в зимний период интенсивность работы магистрали

⁵² НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13.Д. 4/29. Л. 123–124.

⁵³ Воспоминания Н.В. Крутовского / Из коллекции музея Петрозаводского филиала ПГПС.

⁵⁴ НАРК. Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.

⁵⁵ Воспоминания Н.В. Крутовского / Из коллекции музея Петрозаводского филиала ПГПС.

⁵⁶ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 122.

⁵⁷ Минина С. Эшелоны шли день и ночь // Октябрьская магистраль. 2 сентября 2006. С. 3.

требовала оперативного совершенствования пропускной способности железнодорожной линии от станции Мурманск до станции Сорокская и далее до станции Обозерская Северной железной дороги. Проведенные модернизационные мероприятия в 1942–1943 гг. способствовали ускорению движения эшелонов, их безопасному преодолению транзитного расстояния между пунктами отправления и прибытия. Коллектив Кировской железной дороги справился с возложенной на него задачей по перевозке союзнических грузов. Возможность осуществления этих перевозок обуславливалась введением в эксплуатацию линии Сорокская – Обозерская.

Список литературы:

1. Амусин Б.М. Советские арктические порты в программе ленд-лиза в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.) // Арктика: экология и экономика. 2013. №3 (11). С.112–115.
2. Балова М.Б. Молотовский порт и северные конвои в годы Великой Отечественной войны // Проблемы культуры, языка, воспитания: сб. науч. ст. Архангельск, 2004. Вып. 6. С. 69–78.
3. Благих И.А. Ленд-лиз оружие победы? // Проблемы современной экономики, 2010. №2. С. 30–32.
4. Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 311 с.
5. Веригин С.Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – 541 с.
6. Джоун Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне [Электронный ресурс]. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/68708/chitat_knigu.shtml#t13
7. Киселев А.А. Мурманск – город герой. М.: Воениздат, 1988. – 189 с.
8. Лузин Д.Ю. Северный морской путь в годы Второй мировой войны, 1939–1945 гг. // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Архангельск, 2000. Вып. 4. С. 91–104.
9. Разуваев В.Н. Погода и климат в России в XX веке. // Россия в окружающем мире : 2001. М.: МНЭПУ, 2001. С. 163–194.
10. Рыжков Н.И. Фактор ленд-лиза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2015. Вып. 15. С. 34–47.
11. Санников Л. И. Поставки по ленд-лизу через Архангельск и железную дорогу на Экономию // Ленд-лиз и Россия: материалы международной конференции по проблемам ленд-лиза. Архангельск, 2006. С. 261–271.
12. Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: АО «Издательство Славия», 1998. – URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/HIST/sokolov.txt>
13. Супрун М.Н. Значение северных конвоев в организации военно-экономического сотрудничества СССР и союзников в 1941–1945 гг.//Управление и консультирование, 2005. №2. С. 10–20.

14. Супрун М.Н. Ленд-лиз в стратегии Антигитлеровской коалиции //Ленд-лиз и глобализация: материалы международной конференции, 28–30 апреля 2005. Архангельск, 2006. С. 6–18.
15. Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М.: Андреев. флаг, 1997. – 363 с.
16. Супрун М.Н. Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1996. № 3. С. 46–54.
17. Супрун М.Н. Стратегия Антигитлеровской коалиции и ленд-лиз. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2010. № 2. С. 42–52.
18. Шабельник Н.В. Роль ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны: современные оценки // Манускрипт, 2016. С. 196–199.
19. Beaumont J. Comrades in Arms: British Aid to Russia, 1941–1945. L., 1980. – 264 p.
20. Munting R. Lend-Lease and the Soviet War Effor // Journal of Contemporary History. Vol. 19. 1984. P. 495–510.

Об авторе:

ЗЕЛЕНСКАЯ Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент, кафедра отечественной истории, Институт истории политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Россия, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33), e-mail: yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

ON THE ROLE OF THE KIROV RAILWAY IN THE TRANSPORTATION OF IMPORTED GOODS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Yu. N. Zelenskaya

Petrozavodsk State University, *Petrozavodsk, Russia*

For the first time in Russian historiography, on the basis of a wide source base, the article raises the issue of transporting imported goods that arrived at the port of Murmansk during the winter navigation from the allies of the anti-Hitler coalition, along the Kirov Railway. During the Great Patriotic War, the Sorokskaya–Obozerskaya single-track railway line became the only connecting land communication between the Karelo-Finnish SSR and the Arkhangelsk region. The implementation of strategic transportation in wartime emergencies required the modernization of the railway infrastructure, the introduction of new technological solutions into the operation of the Kirov highway. As a result of comparing data from archival sources, the volume of Allied cargo transported by the Kirov Railway during the war period was established.

Keywords: Great Patriotic War, Murmansk port, Kirov Railway, lend-lease, transportation.

About the author:

ZELENSKAYA Yulia Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History, Institute of History of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (Russia, 185910, Petrozavodsk, Lenin Ave., 33), e-mail: yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

References:

- Amusin B.M., *Sovetskie arkticheskie porty` v programme lend-liza v pervy`j period Velikoj Otechestvennoj vojny` (iyun` 1941 – noyabr` 1942 g.)*, Arktika: e`kologiya i e`konomika, 201, №3 (11), S. 112–115.
- Balova M.B., *Molotovskij port i severny`e konvoi v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny*, Problemy` kul`tury`, yazy`ka, vospitaniya: sb. nauch. st. Arxangel`sk, 2004, Vy`p. 6, S. 69–78.
- Blagix I.A., *Lend-liz oruzhie pobedy`?*, Problemy` sovremennoj e`konomiki, 2010, № 2, S. 30–32.
- Butenina N.V., *Lend-liz: sdelka veka*, M., Izd. dom GU VShE`, 2004. – 311 s.
- Verigin S.G., *Kareliya v gody` voennyy`ch ispy`tanij. Politicheskoe I social`no-e`konomicheskoe polozhenie Sovetskoy Karelii v period Vtoroj mirovoj vojny` 1939–1945 gg.*, Petrozavodsk, 2009. – 541 s.
- Dzhoun R.X., *Lend-liz. Dorogi v Rossiyu. Voenny`e postavki SSSR dlya SSSR vo Vtoroj mirovoj vojne.* URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/68708/chitat_knigu.shtml#t13
- Kiselev A.A., *Murmansk – gorod geroj*, M., 1988. – 189 s.
- Luzin D.Yu., *Severny`j morskoy put` v gody` Vtoroj mirovoj vojny` 1939–1945 gg.*, Severny`e konvoi: issledovaniya, vospominaniya, dokumenty`. Arxangel`sk, 2000, Vy`p. 4, S. 91–104.
- Razuvaev V.N., *Pogoda iklimat v Rossii v XX veke*, Rossiya v okruzhayushhem mire, 2001, M., 2001, S. 163–194.
- Ry`zhkov N.I., *Faktor lend-liza*, Kontury` global`ny`ch transformacij: politika, e`konomika, pravo, 2015, Vy`p. 15, S. 34–47.
- Sannikov L.I., *Postavki po lend-lizu cherez Arxangel`sk i zheleznuyu dorogu na E`konomiyu*, Lend-lizi Rossiya: materialy` mezhdunarodnoj konferencii po problemam lend-liza, Arxangel`sk, 2006, S. 261–271.
- Sokolov B.V., *Pravda o Velikoj Otechestvennoj vojne*. SPb., 1998. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/HIST/sokolov.txt>
- Suprun M.N., *Znachenie severny`x konvoev v organizacii voenno-e`konomicheskogo sotrudничества SSSR i soyuznikov v 1941–1945 gg.*, Upravlenie i konsul`tirovanie, 2005, № 2, S. 10–20
- Suprun M.N., *Lend-liz v strategii Antigitlerovskoj koalicii*, Lend-liz i globalizacija: materialy` mezhdunarodnoj konferencii, 28–30 aprelya 2005, Arxangel`sk, 2006, S. 6–18.

- Suprun M.N., *Lend-liz i severnye konvoi, 1941–1945*, М., 1997. – 363 с.
- Suprun M.N., *Provol'stvennye postavki v SSSR po lend-lizu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*, Otechestvennaya istoriya, 1996, № 3, S. 46–54.
- Suprun M.N., *Strategiya Antitlerovskoj koalitsii i lend-liz*, Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, Seriya Istoricheskie nauki, 2010, № 2, S. 42–52.
- Shabel'nik N.V., *Rol' lend-liza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sovremennye ocenki*, Manuskript, 2016, S. 196–199.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)“18”+37

DOI 10.26456/vthistory/2024.1.113–130

НАЧАЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ 1860–1870 ГОДОВ

О.А. Панова

ФГОБУ «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассматривается государственная политика в сфере начального народного образования в России во второй половине XIX в. Проводится сравнительный анализ законодательных актов, включённых в Сборник постановлений Министерства народного просвещения – Положения о начальных народных училищах 1864 г. и Положения о начальных народных училищах 1874 г. На основе проведённого анализа делаются выводы о том, что деятельность правительства имела целенаправленный характер и её можно в полной мере рассматривать как выверенную, последовательную и продуктивную государственную политику в сфере начального народного образования в России. Доказывается преемственность в проведении государственной политики в 1860–1870-е гг., которые обеспечили создание фундамента отечественной системы образования – начальной школы.

Ключевые слова: государственная политика, государственная политика в сфере начального народного образования, законодательные акты, законодательная деятельность, Положение о начальных народных училищах 1864 года, Положение о начальных народных училищах 1874 года, реформы образования, начальная народная школа, система начального образования.

Коренные преобразования в России, которые были осуществлены в 1860–1870 гг. XIX в., вошли в историю как эпоха «перелома», «поворотного пункта», эпоха Освобождения и Великих реформ. Трудно преувеличить их масштабы и значение, затронувшие все стороны жизни общества и государства. Вектор реформаторской деятельности определяло понимание всеми слоями общества необходимости экономического, социального, политического развития России, обеспечение её внутренней и внешней безопасности.

В этот период государственная политика носила системный, последовательный и вместе с тем революционный характер. Ключевым являлся вопрос отмены крепостного права, решение которого неминуемо приводило к введению кардинальных изменений во всех сферах без исключения и скординированной, взаимосвязанной работы всего государственного аппарата.

парата. Особое место в этом процессе занимала начальная школа, которая являлась одним из самых слабых звеньев в устаревшей сословной системе образования.

Отечественная наука традиционно рассматривает государственную политику как «целенаправленную деятельность органов государственной власти по решению общественных проблем, достижению и реализации общезначимых целей развития общества или его отдельных сфер»¹ и относит её к одной из основных форм государственной деятельности, которая призвана «утверждать значимость этого социального института (государства) через «производство» общественных благ для наибольшего количества лиц, через структурирование общества, «стягивая» его экономическими, культурно-политическими и иными связями, стремясь к кооперативному взаимодействию с социумом»².

Политика государства в сфере начального народного образования представляла собой совокупность мер, которые должны были обеспечить нормативную правовую базу, создание финансовой системы и благоприятных экономических предпосылок для развития, формирование оптимальной структуры организации и управления, в том числе местного, подготовку кадров, развитие межведомственных отношений. Несомненно, одним из самых ценных источников, которые дают возможность исследователю сегодня быть достаточно объективным в оценке государственной образовательной политики, является законодательство Российской империи.

Законодательная деятельность в России XIX в. была представлена актами, имеющими разную форму. Статья 53 Основных государственных законов определяла, что «законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного совета и докладов, удостоенных высочайшего утверждения». В примечании к этой статье добавлялось «Высочайшие повеления в порядке управления изъявляются сверх сего рескриптами и указами»³.

Понятие «закон» в этот период выступало синонимом понятия «законодательный акт». В конце XIX в. профессор государственного права Московского университета А.С. Алексеев, рассматривая развитие государственного права в России, отмечал, что «эти различные наименования законов можно подвести под две группы: одни из них обозначают целые части законодательства, обнимающие известную систему юридических норм, другие же обозначают лишь отдельные законоположения и повеления, не сведённые в такую систему»⁴.

¹ Родачин В.М.Феномен государственной политики: сущность и виды // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 11. № 6. 2021. С. 47.

² Сытин С.В. Основные подходы к механизмам выработки государственной политики // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 85.

³ Свод законов Российской империи. Том первый. Основные государственные законы. Учреждения государственные. СПб. 1857. С. 13–14.

⁴ Алексеев А.С. Русское государственное право: конспект лекций. М., 1897. С. 264.

В XIX в. специалистами по русскому государственному праву предпринималась попытка установить смысл и значение каждого из перечисленных терминов. Это М.М. Сперанский, И.Е. Андреевский, А.Д. Градовский, А.В. Романович-Славатинский. Но, как отмечал А.С. Алексеев, «попытки эти вряд ли можно назвать удачными, ибо термины: уложение, устав, учреждение, положение, наказ, употребляются у нас в разнообразных случаях, и между ними нет возможности провести какую-нибудь и сколько-нибудь точную юридическую черту»⁵, «под законом мы понимаем обязательное предписание юридической нормы»⁶.

Исследуя процесс развития образовательного права в дореволюционной России, Э.Д. Днепров отмечал, что «единственным объединяющим принципом был факт его санкционирования монархом, так называемого «высочайшего утверждения» как в письменной, так и в устной форме»⁷.

Несомненно, главным нормативным правовым актом являлись манифести. Манифести первой половины XIX в. заложили основы формирования системы образования на последующий период. Так, манифестом 8 сентября 1802 г. в России были утверждены министерства, в том числе и Министерство народного просвещения⁸.

В свою очередь, манифест 13 июля 1826 г., осудивший декабристов как государственных преступников, призвал к объединению общества на основах отечественного закона: «Все состояния да соединятся в доверии к Правительству. В Государстве, где любовь к Монархам и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа; где есть отечественные законы и твёрдость в управлении, тщетны и безумны всегда будут все усилия злонамеренных...»⁹. Этот манифест определил цели как общества, так и государства: «... Мы не имеем, не можем иметь других желаний, как видеть Отечество Наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидением ему предопределённой»¹⁰, также определил место родителей в нравственном воспитании: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей»¹¹. «Тщетны будут все усилия, все пожертвования Правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам»¹², провозгласил путь постепенного усовершенствования на основе законов и расширения истинного просвещения «с целью видеть в будущем Отечество Наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидением ему предопределённой»¹³.

⁵ Алексеев А.С. Указ. соч. С. 265.

⁶ Там же. С. 251.

⁷ Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века: сб. документов: в 3 т. / ред.-сост., ст., comment. Э.Д. Днепров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2017. Т. 1. С. 15.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Там же. С. 213.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Таким образом, манифести первой половины XIX в. определили нравственные и правовые основы усовершенствования образования, сформировали систему координат, в которой и будет осуществляться государственная политика в дальнейшем.

Наиболее распространённой формой законодательных актов были указы и повеления. Они содержали важнейшие законодательные нормы, ими оформлялись частные мероприятия. Например, высочайшим повелением и именным указом вводилось Положение о начальных народных училищах¹⁴.

Рескрипты представляли собой личное обращение императора, адресованное должностному лицу, обществу или учреждению. Например, таким был высочайший рескрипт, данный на имя министра народного просвещения графа Д.А. Толстого в декабре 1873 г., начинавшийся словами «В постоянных заботах Моих о благе Моего народа, Я обращаю особое Моё внимание на дело народного просвещения, видя в нем движущую силу всякого успеха и утверждения трёх нравственных основ, на которых зиждется государства»¹⁵.

Статус закона имел и высочайше утвержденный доклад министра императору. Личные доклады императору подавали руководители всех ведомств. После утверждения их в устной или письменной форме император придавал им силу закона. Вместе с докладом мог быть подан государю и проект приказа Сенату, что обеспечивало возможность без рассмотрения законопроекта в Государственном совете и Комитете министров провести важнейшие законодательные акты. Именно так были утверждены Правила о церковноприходских школах 13 июня 1884 г., подготовленные К.П. Победоносцевым¹⁶.

Важной правовой формой, имеющей общий характер, являлись положения, которые определяли функции и порядок деятельности определённой категории учреждений или учебных заведений. Например, Положение о начальных народных училищах 1864 г. было именно таким законодательным актом¹⁷.

Законом регламентировалась вся сфера образования: основы и принципы государственной политики, открытие и закрытие училищ, финансовая деятельность, все стороны жизни в образовательном учреждении от общих вопросов до самых незначительных.

Во второй половине XIX в. учреждения, уставы, в том числе и общественных организаций, инструкции, наказы, определявшие структуру и

---

¹⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). СПб., 1865. С. 559–560.

¹⁵ Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века... Т. 1. С. 689.

¹⁶ Там же. С. 740–744.

¹⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). С. 559–560.

функции учреждений и учебных заведений, правовой статус должностных лиц, становились законами после их высочайшего утверждения.

Принятию законов предшествовала предварительная процедура обсуждений и согласований. Почти все проекты проходили через высшие органы власти – Государственный совет, Комитет министров или Совет министров. Отмечая высокую степень централизации, следует подчеркнуть, что законодательная деятельность была совокупным результатом работы всего государственного аппарата, и её в полной мере можно признать коллегиальной.

Так, например, журналы и мемории Государственного совета, являющегося высшим законодательным учреждением, фиксировали суть вопроса, ход его обсуждения, в случае разногласий – мнение большинства и меньшинства, а также само решение вопроса. После утверждения императором результативная часть журнала, оформленная как высочайше утвержденное мнение Государственного совета, становилась новым законом.

Высочайшим повелением от 9 сентября 1863 г. было предпринято издание законодательных актов, относящихся к ведомству Министерства народного просвещения, – высочайших повелений, указов, мнений Государственного совета, положений Комитета министров и т. д. в хронологическом порядке. Распоряжения, циркуляры и предписания были изданы отдельно.

В результате с 1864 по 1904 г. вышли 17 томов «Сборника постановлений по Министерству народного просвещения» (представлена законотворческая деятельность по ведомству за 1802–1900 гг.)¹⁸, один том дополнений¹⁹, три выпуска алфавитных указателей к изданию²⁰, «Сборник рас-

¹⁸ Собрание постановлений по Министерству народного просвещения с 1 января 1829 по 21 марта 1833 г., служащее продолжением Запискам Департамента народного просвещения СПб., 1833. С. 340; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра I (1802–1825). СПб., 1864. С. 907; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Николая I (1825–1839, 1840–1855). СПб., 1864. С. 1509; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). СПб., 1865. С. 853; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1865–1870). СПб., 1871. С. 1036; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1871–1873). СПб., 1877. С. 1240; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1874–1876). СПб., 1878. С. 1022; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1877–1881). СПб., 1883. С. 1237.

¹⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения (1803–1864). СПб., 1867. С. 593.

²⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Алфавитный указатель к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения (1802–1864). Пб., 1866. С. 134; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Алфавитный указатель к Сборнику постановлений по Министерству народного

поряжений по Министерству народного просвещения» (вышли первые 7 томов, тома 14 – 16, охватывающие 1802–1879 и 1898–1904 гг., издание не было закончено).

«Сборник постановлений по Министерству народного просвещения» является наиболее полным собранием изданных законодательных актов по вопросам народного просвещения и представляет ту исследовательскую базу, которая позволяет без политических маркировок понять цели, задачи, ключевые направления деятельности в сфере образования на краткосрочный и долгосрочный периоды, выявить взаимосвязь с социально-экономическими процессами в контексте общественно-политического развития России.

Рассмотрим законодательные акты, которые отражают государственную политику, обеспечившую формирование и развитие системы начального образования в России во второй половине XIX в.

14 июля 1864 г. указом Правительствующему сенату было утверждено Положение о начальных народных училищах²¹, заложившее основы формирования и развития системы начального народного образования в России.

Министерство народного просвещения, представляя проект Положения и проект указа Правительствующему сенату в Государственном совете, представило общую характеристику и анализ состояния первоначального образования в городских и сельских школах империи. Так, было отмечено, что существующие школы, предназначенные для людей всех сословий, имеют разные наименования: приходские, начальные, ланкастерские, приготовительные и др., но все вместе они называются народными и действуют в соответствии с существующими законодательными актами, особенно уставом учебных заведений, который был высочайше утверждён 8 декабря 1828 г.²²

В реальности в непосредственном ведении Министерства все школы не находятся, «почти все ведомства принимают участие в распространении первоначального учения». Министерство «не располагает материальными способами к их учреждению и содержанию», «поэтому имеет в своём ближайшем и непосредственном ведомстве только городские приходские училища» и «весма немногие школы, учреждённые в местечках и селениях», «все прочие элементарные школы учреждаются теми местами и лицами, которые находят к тому какие-либо денежные средства»²³.

В Представлении Министерства народного просвещения отмечалось, что школы «разбросаны по разным местам и на значительном расстоянии», отсутствует правильная организация училищ, они «лишены даже ближайшего и необходимого руководства учебным начальством», не имеют «ни-

---

просвещения (1802–1881). СПб., 1888. С. 294; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Алфавитный указатель к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения (1881–1900). СПб., 1906. С. 179.

²¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). СПб., 1865. С. 559–560.

²² Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века... Т. 1. С. 1234.

²³ Там же. С. 1235.

какого единства управления», а у Министерства «нет средств осуществлять даже косвенное наблюдение за учебной частью»²⁴.

В кратком историческом очерке Министерства народного просвещения, представленном Государственному совету, были даны характеристики предшествующих периодов становления начальной народной школы, начиная с учреждения в 1714 г. Петром I в российских городах цифирных (или арифметических) народных училищ для детей всех сословий. Начало последнего этапа развития народного просвещения Министерство связывало с изданием 8 декабря 1828 г. Устава гимназий и училищ и последующими Положениями, касающимися первоначального начального образования, в том числе Положения об учебных округах 1835 г.²⁵ С этого времени низшие и средние учебные заведения отошли от ведомства университетов и были подчинены непосредственно попечителям учебных округов.

При освещении современного положения дел, были сделаны неутешительные выводы, показывающие всю остроту положения в этой сфере. Так, отмечалось, что «громадное число народных училищ всех ведомств, которое, «считая в числе их слишком тысячу училищ Министерства народного просвещения, показывается до 30 000 с 630 000 учащихся, не должно вводить в заблуждение на счёт блестящего состояния первоначального народного просвещения»²⁶.

Далее приводились подтверждения: «на 100 слишком безграмотных приходится только 1 учащийся грамоте», а «в действительности, по разным причинам, учащихся несравненно менее, чем показано на бумаге». В связи с плохим материальным положением большей части приходских училищ в краткой исторической справке сообщалось, что и эта цифра не является точной, так как «многие сельские училища ничем не обеспечены и обязаны своим существованием только бескорыстному усердию духовенства»²⁷.

Крайне неудовлетворительное состояние элементарного образования Министерство связывало и с заниженными требованиями к кандидатам на должность учителя, которые были определены Положением о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения, высочайше утвержденным 1 марта 1846 г.²⁸

Представляя проект Положения о начальных народных училищах Министерство народного просвещения сформулировало ключевые вопросы, которые являлись «не исключительно педагогического свойства... и принадлежат одному Министерству народного просвещения», а имели общегосударственное значение, такие как:

– участие правительственные ведомства, частных обществ и лиц в за- ведывании делами народных школ и их взаимодействие;

²⁴ Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века... Т. 1. С. 1245.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 1247.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 1248.

- подчинение народных училищ уставу: должны ли все подчиняться одному или возможны отступления для разных училищ;
- язык обучения. «Следует ли во всех народных училищах Империи постановить непременным условием обучение на Русском, т.е. Великороссийском языке, или необходимо допустить и местные языки и наречия?»;
- обязательность народного обучения: следует ли её установить или допустить свободу?;
- «мера свободы обучения частными лицами и учреждение ими с этой целью частных училищ» и плата за обучение²⁹.

Завершалось представление проекта финансовыми соображениями. Министерство утверждало, что «для ведения дела народного образования потребуются денежные расходы, на которые необходима сумма сверх нынешней сметы Министерства», и размер этой суммы «невозможно определить с точностью», так как это зависит от возможностей государственного казначейства. Предполагалось, что сумма может изменяться каждый год, так как «она предназначается не на штатный, неизменный расход, а на единовременное пособие». Министерство подчёркивало, что пособие в размере 100–150 рублей может быть «весма действительным поощрением сельскому священнику, имеющему школу, и весма существенной наградой учителю»³⁰.

Исходя из этого, Министерство народного образования просило у Министерства финансов ассигнований на 3 года – 1864, 1865, 1866 – в размере 300 000 рублей, по 100 000 на каждый год. Министерство выражало надежду, что часть суммы, которая будет ассигнована, поступит «в пользу православного сельского духовенства в возмездие за полезные труды его по обучению народа»³¹.

Интересно проследить ту подготовительную работу, в которую был вовлечён весь государственный аппарат под непосредственным руководством императора. Представление включало перечень мероприятий, которые были осуществлены в период подготовки Положения 1864 г., с их краткой характеристикой.

1861 г. – обращение Министерства народного просвещения в Комитет министров с обоснованием необходимости составления общего плана устройства всех школ (приходских, начальных, сельских и других элементарных школ, подчинённых разным ведомствам, находящимся во всех местах империи) с подчинением Министерству народного просвещения в учебной части. 8 июля 1861 г. император, по положению Комитета гг. Министров 18 июля 1861 г., утвердил этот план.

15 ноября 1861 г. особый Комитет внёс на рассмотрение в Государственный совет проект. Одновременно с ним по распоряжению бывшего министра Министерства народного просвещения вносится проект устава

²⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). С. 1259–1271.

³⁰ Там же. С. 1277.

³¹ Там же. С. 1281.

общеобразовательных учебных заведений, подготовленный учёным комитетом главного правления училищ, который включал и устройство народных училищ.

18 января 1862 г. Государственный секретарь возвратил Министерству народного просвещения все материалы о системе первоначального народного образования. По высочайшему повелению оба проекта разосланы по всему учебному ведомству, известным авторитетным педагогам, разным лицам по выбору Министерства народного просвещения, переведены на английский, немецкий, французский языки и отправлены известнейшим иностранным педагогам.

Было получено большое количество замечаний и мнений, в том числе зарубежных, которые были учтены при окончательном составлении проекта Положения о народных школах.

Высочайшим повелением разрешался вопрос подчинения народных училищ. Устанавливалось, что в ведении духовенства остаются те учреждения, которые вновь учреждаются, и те, которые были учреждены духовенством. Министерство народного образования должно было оказывать им содействие. В обязанностях министерства оставалось взаимодействие с другими ведомствами по учреждению народных училищ, привлечение к этой деятельности духовенства в том случае, если это необходимо и если духовенство будет иметь возможность оказывать содействие³².

Дополнительно сообщалось, что в западных губерниях потребовалось неотложное учреждение народных школ. В Виленском и Киевском учебных округах по распоряжению попечителей народные школы создавались на выделенные государством небольшие денежные средства³³.

В июне 1862 г. последовало распоряжение о закрытии воскресных школ до принятия новых правил. Министерство изучило мнения всех попечителей учебных округов о том, «какие правила они находят нужными для воскресных школ».

В сентябре 1862 г. в соответствии с высочайшим повелением была начата работа по «соединению составления правил для народных школ с правилами для школ воскресных». Министерству народного просвещения предписывалось подготовленные правила вынести на Совет министров, предварительно обсудив на совещании с участием генерал-адъютанта графа Строганова, министров государственных имуществ, внутренних дел и народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода.

Проект Положения о начальных народных школах в империи, в том числе воскресных, был рассмотрен на Совете министров. Министерством народного просвещения были даны разъяснения по ряду важных вопросов. Так, отмечалось, что для губерний, имеющих местные потребности – 6 за-

³² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). С. 1236.

³³ Там же. С. 1237.

падных губерний, Киевской, Волынской и Подольской губерний предусмотрены особые временные правила³⁴.

Настоящий проект Положения предлагалось распространить на губернии, находящиеся в Московском, Санкт-Петербургском (за исключением Витебской и Могилевской губерний), Казанском, Харьковском, Одесском учебных округах, в Черниговской и Полтавской губерниях Киевского округа; при этом исключался Дерптский учебный округ, который имел «своё особое устройство»³⁵.

Существенным являлся и вопрос о финансировании. По этому поводу сообщалось, «что для ведения дела народного образования на сих началах потребуются денежные расходы, на которые необходима сумма сверх нынешней сметы Министерства просвещения»³⁶.

12 апреля 1863 г. по высочайшему повелению Государя императора Министерство народного просвещения начинает прорабатывать вопрос финансирования начального народного образования с Министерством финансов и готовит проект Положения на рассмотрение в Государственном совете.

Можно сделать вывод, что до июля 1864 г. была проведена серьёзная подготовительная работа, включающая в себя:

- анализ условий, многообразия практик, традиций российской школы, финансовых возможностей государства, готовности общества принимать участие в народном образовании, зарубежного опыта;
- выявление проблем организации народного образования и закономерных трудностей, с которыми придётся столкнуться;
- подготовку проектов организации народных школ и их экспертизу в профессиональном сообществе.

С точки зрения современной теории управления разработка норм и способов их реализации осуществлялась достаточно грамотно, последовательно и ответственно.

В соответствии со ст. 1 Отдела 1. Положения о начальных народных училищах целью начальных народных училищ являлось «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первонаучальных полезных знаний»³⁷.

Положение классифицировало начальные народные училища по ведомственной принадлежности, выделяя учреждения, находящиеся в ведомстве Министерства народного просвещения, в ведомстве Министерств государственных имуществ, внутренних дел,дельного и горного и в ведомстве духовном. К последней группе относились «все вообще воскресные школы, учреждаемые как правительством, так и обществами городскими и сельскими и частными лицами для образования лиц ремесленного и рабо-

³⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). С. 1238.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 1226.

чего сословий обоего пола, не имеющих возможности пользоваться учением ежедневно»³⁸. Исходя из реальных условий, определялось и финансирование всех видов начальных народных школ.

Положение включало 33 статьи, регламентирующие самые важные вопросы. Безусловно, один из самых главных – это содержание образования и те предметы, через которые оно раскрывается. Предметами учебного курса являлись: Закон Божий (краткий катехизис и священная история); чтение по книгам гражданской и церковной печати; письмо; первые четыре действия арифметики; церковное пение там, где преподавание его было возможно³⁹.

Устанавливался язык обучения – русский. Определялось место Министерства народного просвещения и Духовного ведомства в учебном руководстве начальными народными училищами. Предусматривалось совместное обучение детей обоих полов там, где не было возможности иметь раздельное обучение. Воскресные школы первоначально учреждались исключительно для раздельного обучения⁴⁰.

Определялось, что установление платы за обучение и освобождение от неё является прерогативой тех ведомств, городских и сельских обществ и частных лиц, которые содержали эти школы, а также учреждение и закрытие начальных народных училищ и место губернского и уездного училищного совета в решение этого вопроса⁴¹.

Определялся порядок открытия и закрытия начальных народных училищ, полномочия учредителей. Так, например, правительственные ведомство и духовное начальство учреждали и закрывали начальные народные училища по своему распоряжению, сообщая о своём решении уездному училищному совету. В то же время городские и сельские общества и частные лица учреждали начальные народные училища с разрешения уездного училищного совета, а закрыть его могли только с разрешения губернского училищного совета⁴².

Устанавливались полномочия учредителей по размеру содержания и порядка отчётности, уездный училищный совет не вмешивался в эти вопросы, а только принимал информацию к сведению. Прописывались полномочия попечителей и попечительниц, им надлежало заведовать делами народного училища и взаимодействовать с уездным училищным советом, который осуществлял наблюдения за училищами⁴³.

Закон Божий, в соответствии с Положением, мог преподавать только приходской священник или особый законоучитель, утверждённый епархи-

³⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). С. 1227.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). С. 1227.

альным начальством по представлению уездного училищного совета. Другие предметы могли преподавать как священно-церковнослужители, так и те лица, которые получили на звание учителя или учительницы особое разрешение уездного училищного совета⁴⁴.

Наблюдение за религиозно-нравственным направлением во всех начальных народных и воскресных училищах осуществлял местный приходской священник. Он мог делать замечания учителю или учительнице, в особых случаях докладывать о непорядках в уездный училищный совет⁴⁵.

Отдел второй Положения полностью посвящён вопросу заведования училищами: определены полномочия, состав, представительство, порядок формирования и участие земства в их деятельности.

Уездный училищный совет руководствовался общим наказом, составленным Министерством народного просвещения по согласованию с ведомствами, и имел следующие полномочия:

- осуществлял общее наблюдение за преподаванием, способы наблюдения выбирал самостоятельно (за преподаванием Закона Божьего наблюдало духовное начальство);
- представлял желающим звание учителей или учительниц;
- сообщал в губернский училищный совет о тех учителях и учительницах, которые заслуживают поощрения или являются неблагонадежными;
- составлял ежегодный отчёт о состоянии всех начальных народных училищ города и уезда и представлял его в губернский училищный совет⁴⁶.

Губернский училищный совет осуществлял высшее попечение о начальных народных училищах губернии. В его полномочия входили:

- рассмотрение отчётов уездных училищных советов;
- передача информации об этих отчётах со своими замечаниями попечителю учебного округа;
- назначение пособий учителям и учительницам из сумм, представленных в распоряжение совета Министром народного просвещения;
- рассмотрение жалоб на решение уездных училищных советов и их представителей;
- назначение членов уездных советов из попечителей начальных народных училищ;
- назначение на должности лиц, выбранных в председатели уездных училищных советов⁴⁷.

Это Положение лишь намечало контуры той системы, в которую предстояло включить все виды школ, имеющих разное подчинение, отличную друг от друга экономическую основу, пока ещё не знающих управлческого контроля своей деятельности. Установив цели и содержание образования, иерархические основы взаимодействия, полномочия училищных

⁴⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). С. 1229–1233.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 1229.

⁴⁷ Там же. С. 1233–1234.

советов, духовного ведомства в контроле религиозно-нравственного состояния, государство создало условия для качественного развития начальных народных училищ на этом этапе.

Необходимо было правильно организовать училища, обеспечить их ближайшим и необходимым руководством со стороны учебного начальства, создать единые основы управления и направить действия различных органов к одной общей цели. Эти задачи, как уже говорилось, были сформулированы Министерством народного просвещения в Представлении Государственному совету. Именно на это будет направлена работа Министерства народного просвещения в последующие годы.

26 мая 1869 г. Государственный совет по представлению Министерства народного просвещения учреждает должности инспекторов, обязанностью которых становится наблюдение за народными училищами. Министерству народного просвещения предоставляется право открывать образцовые училища, одноклассные или двухклассные, в сельской местности с участием сельских обществ в их материальном содержании. Предусматривается обеспечение их лучшими учебными пособиями и поощрение денежными выплатами. Стипендии устанавливались выпускникам Духовных семинарий, которые будут избраны земствами или обществами на учительские должности⁴⁸.

Бессспорно, эта норма определяла основы для практического внедрения наиболее целесообразных для того времени моделей начального обучения и решения вопроса подготовки кадров.

29 октября 1871 г. утверждается инструкция инспекторам народных училищ⁴⁹, 31 мая 1872 г. – Положение о городских училищах⁵⁰ и Положение об учительских институтах⁵¹, а 25 декабря 1873 г. Высочайший рескрипт, данный на имя графа Д.А. Толстого, возлагал на дворян ответственность за народное обучение⁵².

25 мая 1874 г. Государственный совет, рассмотрев представленный Министром народного просвещения проект Положения о начальных народных училищах, «мнением положил: проект поднести к Высочайшему Его Императорскому Величеству утверждению, после Высочайшего утверждения, Положение привести в действие во всех губерниях, в которых введены земские учреждения»⁵³.

⁴⁸ Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века... Т. 1. С. 614.

⁴⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1871–1873). С. 530.

⁵⁰ Там же. С. 1174.

⁵¹ Там же.

⁵² Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века... Т. 1. С. 689.

⁵³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1874–1876). С. 221.

Новое Положение без изменений оставляет цели народных училищ, подтверждает разнообразие их принадлежности, предметы обучения и язык обучения. Те изменения, которые вносятся в новое Положение, касаются вопросов управления. Последовательно рассматриваются все структурные элементы формирующейся системы управления начальными народными учреждениями, основы их взаимодействия и иерархия, в которой инспектор народных училищ будет играть важную роль.

Так, например, теперь при учреждении училищ земствами, городскими и сельскими обществами и частными лицами требовалось предварительное разрешение инспектора и согласие председателя уездного училищного совета⁵⁴.

Устанавливался контроль деятельности начальных народных училищ. В случае беспорядков или вредного направления учения училища могли быть закрыты. Эта норма была встречена оппонентами правительственные реформ крайне негативно, хотя процедура закрытия предусматривала участие в решении этого вопроса уездного училищного совета, обоюдное согласие инспектора народных училищ и председателя, рассмотрение ими дела на месте⁵⁵.

Положением определялось, что содержание школ и порядок отчётности в денежных суммах осуществляют те ведомства, земства, городские и сельские общества и частные лица, которые их учредили. Предусматривалось назначение попечителей и попечительниц для начальных народных училищ, которые учреждены земствами, городскими и сельскими обществами. Распорядителями и распорядительницами в частных и воскресных школах по Положению становились сами учредители. Предусматривалось взаимодействие попечителей и распорядителей с инспектором народных училищ, с уездным училищным советом, на них возлагалась ответственность за порядок в учебном заведении⁵⁶.

Закон Божий мог преподавать либо приходской священник, либо законоучитель после утверждения епархиальным начальством по представлению инспектора народных училищ. Высшее наблюдение за преподаванием Закона Божия и религиозной направленностью обучения должен был осуществлять местный епархиальный архиерей. Предусматривалось годичное испытание для учителей (опытные, благонадёжные и известные училищному совету педагоги могли от этих испытаний освобождаться)⁵⁷.

Особо следует рассмотреть отдел второй Положения, который называется «Заведование начальными народными училищами». Попечение об удовлетворённости потребностей населения в начальном образовании и о надлежащем нравственном направлении его возлагалось в каждом уезде на уездного предводителя дворянства и училищный совет. В губернии – на губернского предводителя дворянства и губернский училищный совет⁵⁸.

⁵⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1874–1876). С. 225.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 226.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). С. 228.

Для заведования учебной частью всех народных начальных училищ вводились должности директора и инспектора народных училищ. Определялась процедура их избрания, полномочия, взаимодействие с председателем уездного училищного совета.

Училищные советы относились к ведению Министерства народного просвещения. Положение определяло состав, полномочия, регламент деятельности уездных и губернских училищных советов и участие в их работе представителей от земств⁵⁹.

Предводители дворянства надеялись полномочиями Председателей училищных советов. Им предписывалось посещать попечителей народных училищ своих уездов, вникать во все нужды и изыскивать способ решения проблем. Они должны были поддерживать существующие начальные народные училища и способствовать открытию новых, заботиться о правильном посещении их учащимися, оценивать нравственные качества преподавания. Предусматривалось взаимодействие предводителя дворянства с попечителем учебного округа, а по важным вопросам – с Министерством народного просвещения⁶⁰.

Губернскому училищному совету разрешалось избирать доверенных лиц из местных жителей для постоянного наблюдения за нравственным направлением в народных училищах. Эти лица должны были соответствовать определенным требованиям.

Последняя статья 43 Положения обязывала губернатора осуществлять общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения в губернии⁶¹.

Все нормы, предусмотренные Положением 1874 г., были логическим продолжением предыдущей законодательной деятельности и связанной с ней образовательной практики на территории России. Правительство обеспечивало предварительные общественные обсуждения, освещало принятые решения и практики педагогической деятельности в журнале Министерства народного просвещения, изучало мнение лучших педагогов страны.

Анализ законодательных актов, проектов, меры правительства по созданию основ системы начального образования в период 1860–1870-х гг. позволяют утверждать, что это были не отдельные мероприятия и тем более не ситуативное реагирование на инициативы и требования передовой общественности. Деятельность правительства имела целенаправленный характер, и её можно в полной мере рассматривать как выверенную, последовательную и продуктивную государственную политику в сфере начального народного образования.

В научных исследованиях, посвящённых феномену государственной политики и его понятийному отражению в отечественной и зарубежной литературе, рассматриваются характерные черты, которыми обладает государственная политика. Так, отмечается, что в ней «отражён заранее спланированный вектор развития той или иной общественной сферы области отношений,

⁵⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Царствование императора Александра II (1855–1864). С. 229.

⁶⁰ Там же. С. 233.

⁶¹ Там же. С. 234.

подконтрольной определенным ведомствам, и в этом смысле государственная политика соответствующим образом «зонирована»; при решении сложных проблем, выходящих за рамки компетенции одного ведомства, проявляется ее комплексный, межсекторальный характер, в силу чего государственная политика имеет тайные (скрытые) и публичные (открытые) способы существования и реализации; облекается в нормативно-правовую форму (документируется), возлагая таким образом ответственность за ее реализацию на определенные органы исполнительной власти, должностные лица»⁶².

Перечисленные в этом определении характерные черты государственной политики были выражены в полной мере. В результате выверенных подходов и продуманных действий создавались условия развития начальной народной школы, начиная от материальной базы и заканчивая педагогическими кадрами, регламентировалось взаимодействие с земством, совершенствовались учебники и методика обучения, выстраивалась централизованная система управления народной школой.

Великая цель образования народа была единой и для общества, и для правительства, и для императора. Непримиримые споры о способах и механизмах достижения этой цели демонстрировали высокую степень включенности различных социальных слоёв общества, учёных и педагогов в этот процесс.

Вопросы места православной церкви в образовательной системе, контроля порядка в школе и деятельности учителей, централизации и единонаучания, самоуправления и свободы, которые находились в фокусе внимания и являлись предметов острых дискуссий в обществе, и сегодня не потеряли своей актуальности. Вектор развития начальной народной школы, выбранный государством, определялся российскими условиями и традициями, был обусловлен вызовами своего времени и действующими законами Российской империи.

Список литературы:

1. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX века. Т. 1. Политическая история российского образования. М.: Мариос, 2011. – 648 с.
2. Родачин В.М. Феномен государственной политики: сущность и виды // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. Т. 11. № 6. 2021. С. 46–53.
3. Сытин С.В. Основные подходы к механизмам выработки государственной политики // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 85–98.

Об авторе:

ПАНОВА Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра отечественной истории, ФГБОУ «Тверской государ-

⁶² Родачин В.М. Указ. соч. С. 47–48.

ственний университет», (170100, Россия, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: Panova.OA@tversu.ru

PRIMARY PEOPLE'S SCHOOL IN RUSSIAN STATE POLICY OF 1860–1870

O.A. Panova

Tver State University, Tver', Russia

The article examines state policy in the field of primary public education in Russia in the second half of the 19th century. A comparative analysis of the legislative acts included in the Collection of Resolutions of the Ministry of Public Education is carried out - the Regulations on Primary Public Schools of 1864 and the Regulations on Primary Public Schools of 1874. Based on the analysis, conclusions are drawn that the government's activities were purposeful and can be fully considered as a verified, consistent and productive state policy in the field of primary public education in Russia. The continuity in the implementation of state policy in the 1860–1870s, which ensured the creation of the foundation of the domestic education system – the primary school, is proven.

Keywords: *state policy, state policy in the field of primary public education, legislative acts, legislative activity, Regulations on primary public schools of 1864, Regulations on primary public schools of 1874, education reforms, primary public schools, primary education system.*

About the author:

PANOVA Olga Anatolyevna— Candidate of Pedagogical Sciences, the Associate Professor, the Department of Russian History, Tver State University, (170100, Russia, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, room 207), e-mail: Panova.OA@tversu.ru

References:

- Dneprov E.D., *Rossijskoe obrazovanie v XIX – nachale XX veka*, T. 1, Politicheskaya istoriya rossijskogo obrazovaniya, M., Marios, 2011. – 648 s.
- Rodachin V.M., *Fenomen gosudarstvennoj politiki: sushchnost' i vidy*, Vestnik Fiansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki, T. 11, № 6, 2021, S. 46–53.
- Sytin S.V., *Osnovnye podhody k mekhanizmam v yrabotki gosudarstvennoj politiki*, Social'no-gumanitarnye znaniya, 2010, № 6, S. 85–98.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 902/904+061.3

DOI 10.26456/vthistory/2024.1.131–139

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТО- РИИ В ДРЕВНОСТИ»

Е.В. Лагуткина

ФГОБУ «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье подведены итоги прошедшей на историческом факультете Тверского государственного университета 19–22 марта 2024 г. всероссийской научной конференции «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Особое внимание обращено на тематику докладов, основные проблемы современной археологической науки, которые обсуждались в ходе конференции, взаимодействие археологов и специалистов смежных наук по развитию комплексных исследований археологических объектов эпохи первобытности.

Ключевые слова: Тверской научный археологический семинар, конференция, Тверской госуниверситет, археология первобытности, природное окружение, мезолит, неолит-энеолит, бронзовый и ранний железный века, раннее Средневековье, история археологии.

19–22 марта 2024 г. в актовом зале исторического факультета ТвГУ прошла Всероссийская научная конференция «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Организаторами конференции выступили Тверской государственный университет (ТвГУ), Тверской государственный объединённый музей (ТГОМ), Институт археологии РАН (ИА РАН, Москва), Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), Государственный исторический музей (ГИМ, Москва), Институт географии РАН (ИГ РАН, Москва), Институт языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН

(ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар), Отделение Российского исторического общества (РИО) в Тверской области.

Научное мероприятие объединило ведущих и начинающих археологов и специалистов смежных дисциплин, представляющих академические институты, вузы, музеи, археологические организации России из Москвы, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Екатеринбурга, Петрозаводска, Липецка, Тамбова, Вологды, Иваново, Великого Новгорода, Боронежа, Казани, Рязани, Ижевска, Самары, Череповца, Архангельска, Твери и других городов.

Основная тема конференции – «Культурные традиции и природное

окружение как факторы стабильности и изменчивости жизни обществ в эпоху первобытности».

С приветственным словом на открытии конференции выступил врио ректора ТвГУ С.Н. Смирнов, который отметил важный вклад ученых-археологов в развитие образования, исследовательской деятельности студентов и сотрудников ВУЗов, в сохранение культурного наследия России.

Декан исторического факультета Тверского госуниверситета, председатель Отделения РИО в Тверской области, профессор Т.Г. Леонтьева в своем приветствии к участникам мероприятия подчеркнула: «Очень символично, что известный на всю страну археологический семинар обрел статус конференции в год 90-летия со дня рождения известного ученого, советского и российского археолога, преподавателя КГУ (ТвГУ) Ф.Х. Арслановой, которая внесла огромный вклад в развитие археологической науки нашего вуза и региона».

На открытии конференции выступили представители оргкомитета и программного комитета конференции – заместитель директора по науке ИА РАН, к.и.н. А.В. Энговатова, заведующая сектором отдела археологических памятников ГИМ, к.и.н. Е.А. Кашина, учёный секретарь ИИМК РАН, к.и.н. Е.С. Ткач. Было отмечено важное значение сохранения научного археологического форума в Твери и его роль в развитии отечественной и зарубежной археологии.

Заместитель генерального директора ТГМ И.Н. Черных в приветственном слове к участникам

конференции подвел итоги 30-летней работы по организации и проведению тверских археологических конференций и научных семинаров, продолжателем традиций которых и стала конференция 2024 года на базе ТвГУ. «В 1993 году на I Тверской археологической конференции, организованной Тверским государственным объединенным историко-архитектурным и литературным музеем (ныне – ТГМ) и ООО «Тверским научно-исследовательским историко-археологическим и реставрационным центром» (ТНИИР-Центр, директор – А.Н. Хохлов) было принято решение о проведении раз в пять лет Тверской археологической конференции и ежегодно между ними заседаний научных семинаров «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (ТГМ) и «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья» (ТНИИР-Центр).

Научно-методический семинар по археологии первобытности после 25 отдельных заседаний с международным участием и публикаций 12 выпусков материалов в Тверском археологическом сборнике начинает с этого года работу в формате конференции в ТвГУ». И.Н. Черных отметил, что Программа конференции 2024 года, тематика докладов, хронологический и территориальный охват, список участников свидетельствуют, что «корабль, поменяв гавань, сохранил экипаж и движется в нужном направлении». Основным модератором конференции стала заведующая Учебно-научной лабораторией по археологии ТвГУ, к.и.н., доцент Е.В. Лагуткина, которая поддержала

предложение инициативной группы ученых – постоянных участников семинара, совместно они сформировали оргкомитет и программный комитет конференции.

Пленарные доклады первого дня конференции были посвящены проблемам сохранения и изучения объектов археологического наследия эпохи первобытности. Ведущие специалисты Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области С.В. Гаевская и О.Д. Белякова представили краткий обзор актуальных вопросов археологических исследований памятников археологии Тверской области, их выявления, постановки на государственный учет, формирования современной документации, определения границ и предмета охраны объектов археологического наследия.

А.В. Энговатова, к.и.н., заместитель директора по науке ИА РАН, и С.В. Мокроусов, к.и.н., специалист отдела сохранения археологического наследия ИА РАН, отметили положительный опыт работы тверского госоргана по охране памятников и тверских археологов, раскрыли в докладе современное состояние и тенденции археологического наследия и законодательства в Российской Федерации. В обсуждении и дискуссиях по данным докладам принято единогласное решение о поддержке инициатив Института археологии по совершенствованию нормативного регулирования вопросов учета и сохранения памятников археологии как объектов федерального значения, а также археологической деятельности как вида научных исследований.

Первобытной археологии в исследованиях экспедиции Тверского (Калининского) госуниверситета был посвящён доклад сотрудников исторического факультета ТвГУ к.и.н., доцента Е.В. Лагуткиной и аспиранта В.О. Богданова. Впервые обозначен вклад археологов ТвГУ в изучение памятников Тверской области каменного века – раннего средневековья, систематизированы материалы разведок и раскопок памятников первобытности с 1972 по 2023 гг. Состоялась презентация выставки из фондов Музейно-образовательного комплекса ТвГУ, посвященной тверским ученым-археологам и экспедициям Тверского (Калининского) госуниверситета, подготовленная сотрудниками МОК Д.Д. Беляевой и О.В. Ивановой.

Серия пленарных докладов раскрывала основную тему конференции – доклад к.г.н. Д.В. Баранова (ИГ РАН) об истории развития долины р. Волги в контексте освоения ее человеком; доклад к.б.н. М.Б. Носовой (Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН, Москва) с соавторами о периодах антропогенной трансформации лесных ландшафтов Средней России; доклад к.и.н. М.Н. Желтовой (ИИМК РАН) о цветовом пространстве равнинных стоянок верхнего палеолита; доклад к.и.н. Л.Л. Косинской (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) о мезолите западносибирского Севера; доклад к.и.н. Г.В. Синицыной (ИИМК РАН) о свидерском инвентаре на Валдайской возвышенности.

Все заседания конференции проходили в смешанном формате – off-line (очно) и on-line (дистанцион-

онно с видеотрансляцией), были представлены устные доклады и сообщения, а также постерные доклады.

Всего за четыре дня в заседаниях приняли участие 116 докладчиков (61 – очно, 55 – заочно и по видеоконференцсвязи) из 18 городов России и более 140 слушателей (в том числе, студенты бакалавриата и магистратуры исторического факультета ТвГУ). Были представлены 54 доклада по актуальным проблемам современной археологической науки.

В ходе работы пяти секций конференции доклады охватывали важнейшие периоды древней истории человеческого общества – от палеолита до эпохи раннего Средневековья; представляли новые археологические и мультидисциплинарные данные; часть докладов имели теоретический, методологический и методический характер.

На секции «Экология и среда обитания» были представлены 6 докладов, которые продемонстрировали результаты совместной работы археологов и специалистов естественнонаучного профиля. Ведущими секции являлись к.г.-м.н., ведущий научный сотрудник ИГ РАН Н.Е. Зарецкая и к.и.н., научный сотрудник ИИМК РАН М.Н. Желтова. Особое внимание вызвал доклад д.и.н. А.А. Выборнова (Самарский государственный социально-педагогический университет) и д.г.н. М.А. Кульковой (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) о природном окружении и трансформации культур неолита – энеолита (на примере Нижнего Поволжья).

волжья). Результаты почвенных исследований мезолитических и неолитических стоянок в Нижегородской области (охранные раскопки по трассе Москва – Казань) представила д.г.н. А.А. Гольева (ИГ РАН) с коллективом соавторов. Доклад к.и.н. В.Н. Карманова, к.и.н. И.О. Васкул (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН), к.г.-м.н. Н.Е. Зарецкой и к.г.н. Д.В. Баранова (ИГ РАН) был посвящен особенностям геоморфологии и топографии памятников Шиховского археологического микрорайона (Республика Коми). Археологические и палеогеографические сведения о гряде Поозерье в Северном Приильменье представили Е.А. Борисевич (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого) и М.А. Комагорова (Минералогический музей имени А.Е. Ферсмана РАН, Москва). Истории растительности и трансформация среды человеком в Двинско-Ловатском междуречье был посвящен доклад к.б.н. М.Б. Носовой (Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН, Москва) с соавторами. Исследователи из Тверского государственного университета – старший преподаватель кафедры всеобщей истории А.В. Лагуткин, лаборант-исследователь Учебно-научной лаборатории по археологии В.С. Беляева, доцент кафедры отечественной истории, к.и.н. Е.В. Лагуткина, заведующий кафедрой зоологии и физиологии, д.б.н. А.В. Зиновьев представили результаты анализа археозоологических материалов городища Игутьево 1 в докладе «О хозяйственной деятельности населения раннего железного века Тверского Поволжья».

Секция «Мезолит» включала 6 докладов, в которых вводились в научный оборот как новые археологические материалы (доклад «О новых исследованиях мезолита Европейского Северо-Востока» к.и.н. А.В. Волокитина и к.культурологии Н.А. Волокитиной (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН); доклад «Стоянка каменного века в г. Тверь на ул. Плёнкина, 19 (по материалам работ 2023 г.)» Н.А. Цветковой (ИИМК РАН) с соавторами), так и были представлены обобщения и новые интерпретации уже известных археологических объектов и вещественных комплексов (доклад к.и.н. Д.В. Герасимова (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) и соавторов «Между Восточным Прионежьем и Онегой: мезолит Беломорско-Балтийского Водораздела»; доклад В.А. Лукинцевой с коллегами (Череповецкий государственный университет) о находках ножей из рёбер животных на торфяниковом памятнике каменного века Погостище 15; доклад А.И. Мурашкина (ИИМК РАН) «Пластинчатая индустрия мезолита внутренних районов Северо-Восточной Фенноскандии»). Ведущими секции – к.и.н., заведующим сектором ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН В.Н. Кармановым и к.и.н., с.н.с. Уральского федерального университета Л.Л. Косинской, были поддержаны конструктивные обсуждения и дискуссии по актуальным вопросам археологии мезолита, в частности о «кладе мастера» со стоянки Мордовское 6 в Южском районе Ивановской области (доклад к.и.н. В.А. Аверина и к.и.н. А.В. Авериной, Иваново).

Наибольшее количество докладов было представлено на секции

«Неолит – энеолит» (15 докладов в течении двух дней). Ведущие секции – к.и.н. Д.В. Герасимов (МАЭ РАН), к.и.н. Е.С. Ткач (ИИМК РАН), к.и.н. Е.А. Кашина (ГИМ) и к.и.н. Т.А. Цыгвинцева (УРО ВОО «ВООПИиК», Ижевск). Проблемы, поднимаемые в выступлениях, отражают всестороннее изучение эпохи неолита – энеолита на современном этапе, в т.ч. материальной культуры и ритуальных практик населения Евразии. Вопросы и активные дискуссии вызвали результаты исследований поселений (доклад к.и.н. М.А. Холкиной (Санкт-Петербургский государственный университет) и соавторов о результатах изучения стоянки Синтола в 2023 г.; доклад Е.В. Попова (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) об исследовании памятников на р. Парчью в 2023 г., Республика Коми), погребальных объектов (доклад к.и.н. А.М. Жульникова (Петрозаводский государственный университет) с соавторами о комплексном изучении погребений с янтарными украшениями Деревянное XI в Западном Прионежье; доклад к.и.н. А.М. Скоробогатова (НПЦ Воронежское археологическое общество) «Погребения с костями птиц в энеолите степного и лесостепного Доно-Волжского междуречья», керамики (доклад А.М. Киселевой (ИИМК РАН) о способах ремонта керамических сосудов в раннем неолите Кольского Севера; доклад асп. А.С. Тараканова (Петрозаводский государственный университет) и соавторов о керамическом комплексе стоянки Берёзово 2), изделий из кости (доклад к.и.н. А.А. Малютиной (ИИМК РАН) и соавторов о птичьих костях с канавками на

памятниках усвятской и волосовской культур; доклад к.и.н. В.В. Сидорова (ИА РАН) «Манок и маска – один из источников музыки», отдельных категорий каменного инвентаря (доклад асп. Е.С. Юркиной (Самарский государственный социально-педагогический университет) о наконечниках стрел с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону) и современных методах выявления, фиксации, анализа и интерпретации археологических источников (доклад Г.К. Данилова (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) о новом неолитическом местонахождении на Западной Чукотке Пучевеем-коса; доклад М.В. Иванищевой (Восточно-Прионежская археологическая экспедиция, Вологда) «Ямы с охрой и кремнёвым дебитажем на Тудозере в Южном Прионежье»; доклад А.А. Куличкова (Межрегиональный центр археологических исследований, Тамбов) и к.и.н. Р.В. Смольянинова (ЛРНОО «Археологические исследования», Липецк) о материалах льяловской культуры с поселения и могильника Ксизово 6 на Верхнем Дону; доклад к.и.н. Т.А. Васильевой (ГИМ) об изучении памятников эпохи раннего металла на территории Карелии; доклад к.и.н. Е.Н. Дубовцевой и соавторов (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург) «Загадки Карасьего озера (по материалам спасательных раскопок 2023 года в черте г. Екатеринбурга)»; доклад И.А. Попова и соавторов (ТНИИР-Центр, Тверь) о некоторых наблюдениях над памятниками эпохи камня в Затверецкой части Твери).

На секции «Бронзовый и ранний железный век» (ведущие – А.И. Мурашкин и А.Ю. Городилов, сотрудники ИИМК РАН) были представлены 6 докладов о вопросах изучения археологических древностей (доклад А.Ю. Городилова (ИИМК РАН) о сходствах и различиях в посуде культуры шнуровой керамики на юго-восточном берегу Финского залива; доклад к.и.н. М.А. Раззак и А.Ю. Городилова (ИИМК РАН) «Бронза эпохи бронзы на западе Ленинградской области»; доклад А.И. Мурашкина и соавторов (ИИМК РАН) о следах обработки и использования металла на поселении Маяк-2 в Мурманской области), культурных традициях и взаимодействии населения в эпоху раннего металла и до эпохи Великого переселения народов (доклад к.и.н. С.В. Кузьминых (ИА РАН) и к.и.н. А.С. Сыроватко (ИГ РАН) «Найдены кельтов позднего бронзового века в низовьях Москвы-реки»; доклад к.и.н. А.В. Шипилова (Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань) о культурно-хронологических комплексах Базяковской X стоянки в Нижнем Прикамье; доклад А.С. Сыроватко (ИГ РАН) и В.П. Гусевой (ИА РАН) «Кремации в Соколовой Пустыни эпохи Великого переселения народов: открытия 2023 года»).

Заканчивала работу конференция секцией «Ранний железный век – раннее Средневековье. История археологии», ведущие – к.и.н. Е.В. Лагуткина (ТвГУ) и Е.А. Борисевич (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого). Правильность решения оргкомитета научного семинара о рас-

ширении хронологических рамок изучаемых на конференции древностей до раннего Средневековья еще раз подтвердились интересом, обсуждением и вопросами коллег к авторам докладов данной секции – д.и.н. И.В. Ислановой (ИА РАН) (доклад о древностях раннего железного века и раннего Средневековья р. Волчины по материалам исследований А.Х. Репмана) и к.и.н. Е.Р. Михайловой (Санкт-Петербургский государственный университет) (доклад «Культура псковских длинных курганов: внешние и внутренние связи территории»). Особое внимание на секции было также уделено истории становления и развития археологической науки (доклад Е.А. Борисевич и В.Ю. Сюборова (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого) о памятниках эпохи неолита по сведениям архива боровичского краеведа Г.И. Ивановского; доклад к.и.н. Е.А. Кашиной (ГИМ) «Истоки изучения Волосово: П.П. Кудрявцев против А.С. Уварова», профессиональной биографии известных ученых-археологов, в связи с юбилейными датами (доклад к.и.н. Е.Л. Костылёвой (Ивановский государственный университет) и А.В. Уткина (Иваново) «Д.А. Крайнов на путях изучения древнейшего прошлого Верхнего Поволжья (к 120-й годовщине со дня рождения); доклад к.и.н. А.Н. Бессуднова (Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского) о Гагаринской стоянке в российском палеолитоведении: к 100-летию открытия (1924–2024)), а также вкладу археологов Тверского (Калининского) универ-

ситета в развитие российской и региональной археологии (доклад к.и.н. Е.Н. Жуковой (ТвГУ) «А.С. Башкиров в Калининском педагогическом институте»).

Для участников конференции с постерными докладами была представлена возможность их представления, ответов на вопросы и обсуждения. Данные доклады были хорошо иллюстрированы, посвящены как отдельным памятникам первобытности (доклад д.и.н. А.Ю. Тарасова (Институт языка, литературы и истории – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Карельский научный центр» РАН, Петрозаводск) о стоянках Деревянное Па и Уя II на западном побережье Онежского озера; доклад Д.А. Иванова (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник) «Федякино 3 – новый поселенческий памятник фатьяновско-балановской культуры на Средней Оке»), анализу каменного инвентаря (доклад Р.И. Муравьёва (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) и соавторов о наконечниках стрел со стоянки неолита – эпохи бронзы Сяборо III; доклад Р.И. Муравьёва об узколезвийных кружмейсели в неолите Карельского перешейка и сопредельных регионов), так и культурным особенностям населения крупных регионов в эпоху камня (доклад к.и.н. Е.С. Ткач (ИИМК РАН) и соавторов «Финальный палеолит Юго-Восточной Прибалтики по архивным данным»; доклад к.и.н. Т.А. Цыгвицкой (УРО ВОО ВООПИиК, Ижевск) об организации внутреннего пространства жилищ от ме-

золита к неолиту (на примере памятников бассейна р. Вятка).

При подведении итогов конференции были единогласно поддержаны инициативы Института археологии РАН по совершенствованию современного охранного законодательства и развитию сотрудничества с региональными органами охраны объектов культурного наследия. Представители организаторов конференции отметили успешное взаимодействие при проведении мероприятия и выразили желание продолжить совместную работу по подготовке к публикации материалов конференции и организации следующей конференции в 2025 году. По итогам конференции будет сформирован специальный выпуск журнала «Вестник Тверского госуниверситета. Серия: История» (ВАК), часть материалов докладов участников конференции будут опубликованы в сборнике научных трудов (РИНЦ).

Было высказано пожелание расширить количество докладов,

опирающихся на археологические материалы Тверской области от палеолита до раннего Средневековья, а также привлечь более широкое число слушателей из числа студентов, аспирантов и молодых ученых. Особые слова благодарности были обращены коллегам ООО «Прикладная археология» (Казань), ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция» (Иваново), Липецкая РНОО «Археологические исследования» (Липецк) за финансовую поддержку конференции. Были отмечены высокий уровень подготовки и проведения конференции оргкомитетом, программным комитетом конференции, а также рабочей командой Учебно-научной лаборатории по археологии ТвГУ, которые проявили внимание и заботу о всех участниках конференции, а, главное, смогли сохранить профессиональные традиции проведения тверских научных археологических форумов.

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE «TVER LAND AND ADJACENT TERRITORIES IN ANCIENT TIMES»

E.V. Lagutkina

The Tver State University, Tver, Russia

The article summarizes the results of the All-Russian Scientific Conference "Tver Land and Adjacent Territories in Antiquity" held at the Faculty of History of Tver State University on March 19-22, 2024. Particular attention is paid to the topics of the reports, the main problems of contemporary archaeological science, which were discussed during the conference, the interaction of archaeologists and specialists of related sciences on the development of complex studies of archaeological sites of the primitive era.

Keywords: Tver scientific archaeological seminar, conference, Tver State University, archeology of primitiveness, natural environment, Mesolithic,

Neolithic-Eneolithic, Bronze and Early Iron Ages, early Middle Ages, history of archeology.

Об авторе:

ЛАГУТКИНА Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 402), email: Lagutkina.EV@tversu.ru

About the author:

LAGUTKINA Elena Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, The Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya Str., 16/31, office. 402), email: Lagutkina.EV@tversu.ru

Статья поступила в редакцию 24.03.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.

**Вестник
Тверского государственного
университета
Серия: История**

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются статьи кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), статьи докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; **сообщения** (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; **рецензии** (0,3 п.л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Статьи и сообщения высылаются по почте заказным письмом главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу) по адресу: 170021, Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201, доставляются лично автором по указанному адресу или высылаются по электронной почте.

Вместе с распечатанным вариантом (межстрочный интервал – полуторный, шрифт – Times New Roman Стандарт, 14 кегль, сноски постраничные, нумерация сносок сквозная) представляется электронная версия на CD дисках. В отдельных файлах должны содержаться: статья, резюме, сведения об авторе (авторах). Сведения об авторах статьи включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, место работы (полное название), почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны, номера контактных телефонов (с кодом города) и адрес электронной почты. **Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.**

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне чистой белой бумаги формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; **аннотация** (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи;

ключевые слова (до 10 слов или слово-сочетаний) на русском и английском языках. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком цитированной литературы на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. Фамилии авторов

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. Название организации и ведомства

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организации в статьях необходимо *употреблять официальное (общепринятое) без сокращений название организации на английском языке*, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потерю статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименования фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

Использование перед основным названием дополнительных данных («Учреждение Российской академии

наук...», «ФГБОУ ВО» и т. п.) является лишним – это только затрудняет идентификацию организации.

3. Заглавие статей на английском языке

– заглавия научных статей должны быть информативными;

– в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;

– в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. Авторские резюме (аннотации) на английском языке

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком. Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «forexample», «the benefitsofthisstudy», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It

wastestedinthisstudy» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных статей, подаваемых в журналы издательства Emerald» (Великобритания): (<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

5. Пристатейные списки литературы

Список литературы приводится отдельным блоком («References»), русскоязычные ссылки даются в транслитерированном виде, иностранные источники приводятся без изменений. Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок References может отсутствовать.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности её авторов, а также организации, региона, страны. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (//, – и т. п.).

Наиболее значимыми составляющими в библиографических ссылках являются **фамилии авторов, названия журналов, книг, конференций, выходные данные (включая название издательства для монографий и №№ страниц для статей, опубликованных в журналах или сборниках). В ссылках на сборник статей указывается фамилия составителя или научного редактора.** При транслитерации в описание ссылки необходимо **вносить всех авторов**.

Другие требования к предоставляющим материалам

К предлагаемым для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям прилагается рецензия научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа (подпись заверена, печать) или внешнего оппонента-специалиста. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. В рецензии раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям «Вестника ТвГУ».

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и источниковедческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

Постстраничные сноски должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятymi в журнале «Вестник ТвГУ. Сер.: История»: в сноске указываются выходные данные, достаточные для библиографического поиска, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. ... канд. ист. наук и т. д.), фамилии и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первично оформляется с полным назначением архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редактор оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и представляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диа-

грамм) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Поступившей в редакцию рукописи присваивается регистрационный номер, о чём редакция информирует авторов по электронной почте. Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам, которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегия принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректура автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Оплата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Научной Электронной Библиотеке ТвГУ (<http://eprints.tversu.ru>) и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссыл-

лок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник ТвГУ»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В. П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

в транслитерации:

Bul'dakov V. P., *Postrevolyutsionnaya Rossiya: ideologiya i upravlenie*, VestnikTvGU, Seriya «Istoriya», 2015, № 3, S. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.

Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.

Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.

Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов

Bogdanov.SV@tversu.ru)

E-mail:history.decanat@tversu.ru

URL:<http://vestnik.tversu.ru/history>

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: «История». № 4(68). 2022

**Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог
«Пресса России»)**

Подписано в печать 12.10.2022. Выход в свет 17.10.2022.

Формат 70x108¹/16. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,12.

Тираж 500 экз. Заказ № 214.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.

Цена свободная.